

Память сердца.

Эти строки созданы счастливым человеком.

**Счастливым, потому что в самое трудное время
всегда сохранял самые лучшие свойства человеческой души.
Счастливым, потому что трудно представить более сложную,
но в тоже время богатую событиями и людьми судьбу.**

**Счастливым, потому что много добрых и хороших людей
могут сказать этому человеку:**

- Спасибо, учитель!

И счастливы люди, которые могут сказать:

- Мы благодарны тебе за все, Мама!

Ермолаева, М.Д. Память сердца: воспоминания /М.Д. Ермолаева; сост. Бахир А.О.;
ответственный за выпуск С.В. Дриленок. – Лиозно: отдел библиотечного маркетинга, 2014. –
100с. ил.

В этом году исполняется 90 лет со дня образования нашего района. История района – это история людей. Вашему вниманию предлагается сборник воспоминаний нашей землячки, учительницы и краеведа М.Д. Ермолаевой. В нем рассказ о том, что заботило, радовало и тревожило людей, чем занимались, как трудились, о чём мечтали, рассказывали и пели, что передавали своим детям и внукам. Следует особо отметить то, что большая часть материалов представлена в личностном преломлении, в именах и фотографиях людей, через судьбы которых прошли события далекого прошлого. Всё это не просто любопытно. Народная мудрость гласит: «Нет дерева без корней, дома - без фундамента». Трудно построить будущее, не познав исторических корней. Жив народ, пока жива его память. Знание истории своего родного края даёт нам духовную силу и опору.

Материал расположен в двух разделах. В первом разделе - «Чтобы помнить» - собраны воспоминания о Великой Отечественной войне. Второй раздел - «О времени и наших судьбах» - рассказ о тех, кто своим трудом и личным примером активно влиял на развитие всех сфер жизни в районе.

Предложенные материалы будут полезны библиотекарям, краеведам, учителям и школьникам общеобразовательных школ, всем, кто любит свой край.

Содержание:

К 85-летию Марии Даниловны Ермолаевой стр 4

Чтобы помнить:

В грозные годы: рассказ об учителях Замшенской НСШ в годы войны стр 6

В мрачные годы фашистской оккупации: воспоминания о ВОВ стр10

Из руин и пепла: о Лиозненщине в годы войны стр13

Память сердца: о первых военных годах стр 19

Что спрятано в Буёвском озере стр 23

О времени и наших судьбах:

Пользовалась уважением: о Балиной В.Н. стр 27

Спасенная праведниками мира: о Белой Р.В. стр 29

Жила ярко и достойно: Берченко М.Г. стр 33

Жизнь, прожитая не зря: Бороденя Н.П. стр 33

Наставник. Воин. Гражданин: Бородулькин И.М. стр 35

Мой учитель: Бубен В.Н. стр 36

Памяти друга и хорошего человека: Быковский А.Г. стр 40

Всегда на острие жизни: об учителях Замшенской школы стр 41

Школа жизни: об учителях Замшенской школы стр 44

Была настоящим педагогом: Медведева В.Г. стр 56

Залаты юбилей: Рыбалтоўскій М.В. стр 57

Памяці настаўніка і чалавека: Рыбалтоўскій М.В. стр 58

Священник. Гражданин. Патриот: отец Савелий стр 59

Взгляд через года: доктор Смирных стр 63

Умел сплотить коллектив: Третнев К.И. стр 66

И память сердца говорит: братья Францевы стр 68

«Море не только романтика...»: Хотькин Л.Л. стр 70

Жива в памяти людской: Шклярова Г.Ф. стр 73

Носит улица имя героя: о жителях улицы Орлова стр 76

Они жили на нашей улице: продолжение рассказа о жителях улицы Орлова стр 80

Жили единой семьёй: латыши на лиозненщине стр 85

К 85-ЛЕТИЮ МАРИИ ДАНИЛОВНЫ ЕРМОЛАЕВОЙ

Мария Даниловна родилась 5 сентября 1923 года на хуторе-пятидворке Буйново, недалеко от деревни Михалиново. В семье, кроме нее, было четыре брата и одна сестра. Родители были грамотными (отец окончил церковноприходское училище, а мать четырехклассное народное училище), что по тем временам было большой редкостью. В доме были книги, и отец учил детей читать, писать и считать. Мария Даниловна научилась читать еще дома и в школе не испытывала трудностей. Ходить в Паленовскую начальную школу было далековато (2,5 км.) . Дети во всех четырех классах были разновозрастные (от 7 до 15 лет) . Книг, тетрадей и письменных принадлежностей на всех не хватало. Учителя были уже старые и больше были заняты общественной работой (агитировали крестьян в колхоз, собирали налоги и хлеб), нежели учебным процессом. Если учителя не справлялись с этой работой, то с ними разбирались, как с врагами народа. Хотя с приходом советской власти физические меры наказания в школах были отменены, учителя все же прибегали к таким мерам наказания. Обычно учитель ходил с линейкой по классу и без жалости бил ею ученика по лицу или рукам, если ученик плохо написал задание или неправильно решил задачу.

Директор школы Макаренко Стефан Александрович преподавал биологию и химию. Тогда еще не было пришкольных участков, и директор сам сажал цветы около школы и прививал яблони. Иногда он одаривал яблонькой отличившегося ученика. Жена директора Надежда Семеновна Петровская преподавала математику и за свое прилежание была любима учениками. Перед войной Стефан Александрович стал заведующим роно, а после войны стал заведовать школьным отделом Витебского обкома партии.

Самым эрудированным учителем был Гринкин Кузьма Степанович, который преподавал все основные предметы: математику, физику, химию, русский язык и литературу. Кроме того, Кузьма Степанович организовывал в школе вечера, чаще всего литературные; сам на них выступал с декламацией стихов, он прививал своим питомцам также любовь к спорту и организовал в школе авиамодельный кружок. Кузьма Степанович был строгим, добрым и равнодушным к своим воспитанникам. Именно по его совету четверо девочек (одной из них была Мария Даниловна) поступили в Руднянское педучилище и, окончив его, всю жизнь (около 50 лет) проработали в школе. За отличную учебу в школе Мария Даниловна была награждена книгой «Великая отечественная война 1812 года», содержащую иллюстрации и портреты героев. После окончания начальной школы Мария Даниловна продолжила учебу в Велешковической НСШ, где уже все было по-иному. Там были учителя молодые, с комсомольским задором. Перемены ученики обычно проводили в большом актовом зале, где часто играл патефон. На столах лежали детские книги, которые можно было взять и почитать . А около полуразрушенной церкви была устроена спортплощадка с множеством спортивных снарядов: турником (большим и маленьким), канатом, волейбольной площадкой и т.д. Всем хотелось заниматься спортом не только на уроках, но и на переменах, после уроков. Велешковическая школа давала очень хорошую подготовку. Тот, кто учился хорошо, сразу поступал в учебные заведения. А затем была учеба в Руднянском педучилище, которое Мария Даниловна закончила перед самой Великой Отечественной войной, врезавшейся в память как страшное, голодное и холодное время. Все было разрушено, и после освобождения вся молодежь была мобилизована на восстановительные работы. Пришлось восстанавливать железную дорогу (немцы даже рельсы утащили) и строить вокзал. Потом Марию Даниловну отозвали на работу в школу. Сначала она работала учительницей начальных классов, а через 3 года ее перевели в старшие классы. После окончания заочного отделения Витебского педагогического института Мария Даниловна была временно направлена в Уновскую школу. Там пришлось преподавать многие предметы: белорусский язык и литературу, химию, биологию и рисование. Через 3 года ее снова перевели в Лиозненскую СШ N1 учителем немецкого языка. Пришлось заочно окончить Высшие Московские курсы иностранных языков. Наряду с немецким языком Мария Даниловна долгие годы преподавала русский и белорусский языки и литературу, всегда удивляя учеников и коллег своей эрудицией и добросовестностью.

Я всегда поражался, сравнивая эрудицию Марии Даниловны с такими глубоко уважаемыми мною заслуженными учителями, как Мария Марковна Титовой и Надежда Андреевна Огнищенко (которым я обязан знаниями по русскому языку и литературе), мастерами педагогического мастерства, как Нина Савельевна Ковалевская и Раиса Ильинична Агнищенко,

привившими мне любовь к истории, а также Надежда Константиновна Умникова, помогшей мне сделать первые шаги в освоении немецкого языка. Особо я благодарен своим классным руководителям Розе Лукиничне Карпович и Лилии Игнатьевне Доморацкой, учившим меня всегда говорить правду, быть честным и прямолинейным, чего бы это ни стоило. Можно было бы продолжить список учителей Лиозненской СШ N 1, которые могли бы составить честь как преподаватели любому среднему учебному заведению не только Беларуси, России, но и, как дает мне право утверждать мой 27 летний педагогический опыт и знакомство с зарубежными специалистами, даже Европы. Но ограничусь лишь теми, кто сформировал меня как гуманитария и личность. И самым ярким преподавателем-виртуозом, так сказать, звездой первой величины среди выше названных бесспорно является Мария Даниловна, при воспоминании о ком в моем сознании всегда встает легендарный библейский царь Соломон, по жизненной мудрости с которым не дано тягаться никому. Думаю, что мое мнение разделяют как многочисленные ученики Марии Даниловны, этой великой труженицы и эталона порядочности, так и собственные дети, которых она не только воспитала настоящими людьми, но и дала всем четверым высшее образование. Приятно отметить, что Наталия и Татьяна также трудятся на ниве просвещения.

Крепкого здоровья Вам, глубокочтимая Мария Даниловна!

Выпускник Лиозненской СШ N1
1972 года, кандидат филологических
наук, доцент Василий Шадеко

В ГРОЗНЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ: Рассказ об учителях Замшенской НСШ в годы войны // Сцяг перамогі. – 2003. - № 95, 96.

С 23 июня 1941 года директором Замшенской неполной средней школы стала Анна Александровна Сумникова. Она заменила ушедшего на фронт Сергея Тихоновича. Ушли на борьбу с врагом и все учителя-мужчины, кроме не подлежащего мобилизации по возрасту Якова Фёдоровича. Все педагоги были отозваны из отпусков: одни пошли в колхоз, чтобы осуществлять уход за посевами, затем участвовать в сенокосе и приближающейся уборочной страде; другие занимались, насколько могли, подготовкой школы к новому учебному году - ремонтировали школьное здание, заготавливали топливо. Весь этот нелёгкий труд лёг на плечи женщин, стариков, подростков. Но никто не роптал, все верили тому, что сообщала им на ежедневных утренних совещаниях руководитель коллектива. Вечерами А.А. Сумникова слушала сводки информбюро, записывала их, чтобы назавтра передать текст новостей коллегам и детям. А те, в свою очередь, пересказывали эти сообщения родственникам и односельчанам. Подобные политинформации вселяли в людей веру в скорую победу нашей армии над врагом, в то, что фашисты будут разбиты. Но вера эта постепенно начинала угасать, на смену ей пришла тревога. Ведь тогда уже стали привычными (хотя можно ли привыкнуть к такому?) и варварские налёты немецкой авиации, которые ощутили на себе не только горожане, но и жители нашего районного центра, и отступающие по всем дорогам на восток части Красной армии. Вскоре вплотную встал вопрос: что делать в случае прихода оккупантов?

Уже несколько дней не приходила почта. Единственной возможностью почерпнуть информацию о положении дел на фронте по-прежнему оставался приемник Сумниковых. Анна Александровна теперь уже не могла слушать по телефону распоряжения районных организаций, так как связь отсутствовала: все эвакуировались в советский тыл.

Из коллектива замшенских учителей особую активность в то сложное и тревожное время проявляли Т.С. Демьянова, А.В. Дорожкина, К.Д. Бутянова, Попелёнок (инициалы неизвестны - **ред.**), Н. Я. Лебедева. Эту группу дополнили вышедшие из окружения под Витебском Михаил Тихонович Сумников и Кузьма Степанович Гринкин (**на снимке**). Образовался своего рода подпольный патриотический штаб. Он начал действовать ещё до вторжения вражеской армии на территорию района: патриоты собирали оружие и обеспечивали его хранение, мужчины, зная хорошо местность, помогали попавшим в окружение красноармейцам переходить линию фронта. В одной из предыдущих публикаций о Кузьме Степановиче сообщалось, что он, будучи раненым при обороне Витебска, был откомандирован командованием для самостоятельного перехода в советский тыл вместе с другими способными передвигаться ранеными. Путь отступления и перехода к своим пролегал через Замшено, где жили родители Кузьмы Степановича. Надо было проститься с близкими людьми. Гринкин чувствовал, что война так скоро не кончится: видел под Витебском, как сильна вражеская армия, как жесток враг, завоевавший уже практически всю Европу.

Оккупанты не сразу вступили в Замшено. Сначала на нескольких мотоциклах приехавшие разведчики прикрепили на здании школы портрет Гитлера-«освободителя» и обращение к освобождённым от большевитского «рабства» гражданам с указанием того, как они должны вести себя при новой власти: выдавать своих врагов - коммунистов и комсомольцев, сдать имеющееся оружие, радиоприёмники, военное красноармейское обмундирование или же любое имущество, принадлежащее германской армии. Далее указывалось место и время, куда должны явиться жители на регистрацию немецкими властями. Уклонившихся от выполнения данных требований ждала суровая кара немецкого командования.

На предварительном совещании учителей решено было явиться на регистрацию всем Сумниковым: Якову Фёдоровичу, Ефросинье Васильевне, как пожилым, а значит, законопослушным, Надежде Яковлевне и Анне Александровне, как имеющим по двое детей, которые будут защитой своим матерям. Тогда ещё наши люди плохо представляли, какие они в действительности - фашисты. Об остальных молодых учителях, которые не явились на регистрацию, сообщили, что те уехали на своё постоянное место жительства или же призваны в Красную

армию, ушли на фронт. Прошедшие регистрацию расписались за достоверность своих показаний, в частности, в том, что у них нет ни радиоприёмников, ни оружия и т.п., всего, что требовалось сдать германским властям. На нелегальном положении остались Т. С. Демьянова, К. Д. Бутянова, Попелёнок, А. В. Дорожкина, а также вышедшие из окружения под Витебском красноармейцы К.С. Гринкин и М. Т. Сумников, которые уже были зачислены в число народных мстителей. Через посыльных Надежду Ефимовну Козлову и Александру Фёдоровну Барченко они получали задания из штаба будущих партизан и с этими или другими связными отправляли необходимые сведения из Замшено и близлежащих населённых пунктов. По-прежнему слушали сводки информбюро, писали листовки от руки, в которых обращались к молодым с предложением уходить из деревень туда, где собираются народные мстители, будущие партизаны. Немцы, в свою очередь, грозились суровой расправой с теми из молодых людей, кто не пойдёт на «службу порядка». Враги убеждали, что именно она призвала защищать стариков и детей. Только непонятно было от кого? Немногие «клянули» на такую вражескую пропаганду: двое бывших заключённых, возвратившихся из мест лишения свободы и отбывавших свой срок за хищение колхозного имущества, да ещё красноармеец, вышедший из окружения и задержавшийся в деревне в надежде перейти линию фронта, попасть к своим. Вообще-то в деревнях ещё не мало было недостаточно патриотически настроенных юношей, но разъяснительная работа замшенских учителей и, в первую очередь, Анны Александровны Сумниковой и Кузьмы Степановича Гринкина, вовремя предостерегла молодёжь от возможных ошибок. Тех, кто читал листовки, волновали не только пламенные слова, но и знакомые почерка: Анны Александровны - красивый, каллиграфический и Кузьмы Степановича - прямой, без всякого наклона, буква к букве. Текст был написан «запретным» пером, не ученическим. Молодые люди с трепетом рассказывали, придя в отряд, как дороги им были те учительские послания, как они «подвинули» их в нужном направлении. Вот тому пример.

После освобождения района Тамара Дубовко стала первым секретарём Лиозненского райкома комсомола. Она была отнюдь не кабинетным работником. С самого начала 1944 года Лиозненский РК ЛКСМ, когда уже несколько стабилизировалась работа школ, проводил выездные открытые комсомольские собрания. Правильнее сказать, не выездные, а с выходом на место. Членам бюро было не в диковинку преодолевать большие расстояния: почти все они были бывшими партизанами, привыкшими к дальним пешим переходам. Сама комсомольский вожак, обращаясь к своим сотоварищам, не то шутя, не то всерьёз говорила: «Пошли, братцы! Нам не привыкать пешью да по лесным тропам».

Наведываться в лиозненские первую и вторую школы было проще, они - рядом. А ведь нужно было добраться в Колышки, Глоданки, Замшено и другие населённые пункты. Год 1945-й, как известно, был годом победы, и в трудовых коллективах проходили итоговые собрания. Райком комсомола совместно с райисполкомом организовывали подобные мероприятия в школах, среди рабочих. Такое собрание, состоявшееся в Велешковичской школе, собрало в своём актовом зале (так называемой сборной) такое множество людей, которого тут никогда ранее не видели. И это не удивительно. К тому времени население, проживающее на территории колхоза имени Пушкина, значительно увеличилось за счёт тех, кто возвратился живым с фронта, из советского тыла, и тех, кто уцелел в фашистской неволе. За четыре года люди истосковались по возможности собраться вместе, поэтому на то памятное заседание хотелось попасть всем.

Открыла собрание и председательствовала на нём сама Тамара Дубовко. Ей всё было знакомо здесь с тех давно прошедших школьных дней. В военное время она тут знала всё и обо всех, особенно об учащих и учителях своей родной школы. Те, кто вернулся с полей сражений, рассказывал о героизме земляков. Говорили и от имени тех, кто провёл чёрные дни оккупации на Лиозненщине, с кем по-варварски расправились фашисты. В частности, выступила старшенькая из пяти детей Василисы Ермолаевны Селезнёвой, депутата Верховного Совета СССР, председателя колхоза имени Пушкина, кавалера ордена Ленина. Отзывчивые односельчане уберегали детей Василисы Ермолаевны, не дали врагам учинить и над ними такую же расправу, как над самой женщиной-патриоткой.

И не думали участники того знаменательного собрания, что их внуки и правнуки, которые будут жить в Велешковичах через полвека, забудут святые имена людей, положивших свою жизнь на алтарь Великой Победы. Правда, в названии школы сохранилось одно из них: «Школа

имени пионера-героя Серёжи Росленко». Но пусть бы на мемориальной доске у входа в здание, на памятниках и других намятых знаках значились бы имена всех местных патриотов. Кому, как не нынешнему большому коллективу учителей и учащихся Велешковичской средней школы, позаботиться об этом.

Замшенская и Велешковичская школы - соседи. Территориальная близость их во все времена определяла общность учебно-воспитательной работы и общественной деятельности обоих коллективов. Практиковались взаимопосещения уроков, проведение совместных утренников и вечеров. До войны были частыми коллективные встречи по случаю праздников. Педагоги этих двух школ обычно гостили друг у друга.

Идейно-политический уровень учителей проявился уже в начале Великой Отечественной. После первой мобилизации, когда в Замшенской школе остались только невоеннообязанные, в основном, женщины, сразу же определился вожак будущей подпольной группы. Им стала Анна Александровна Сумникова. Именно она первая поняла, что нужно делать теперь её коллегам. Было решено провести учёт подлежащих всеобучу детей. Это стало ещё одной возможностью побывать практически в каждом доме и провести нужную работу. Чтобы создать видимость жизнедеятельности школы, ребята, особенно старшие мальчики, должны были приходиться сюда. В свои сумки они клали книжки по собственному выбору и готовили задания по своему интересу. Но самым главным были поручения, которые получали ребята от Анны Александровны. Опытная учительница понимала, что мальчишки - вездесущий народ. Им известно абсолютно всё, что делается в округе: у кого имелось в мирное время охотничье ружьё, кто теперь собрал какие-либо боеприпасы и где их припрятал, кого принуждали стать полицаем и кого за неподчинение увезли в Лиозно. Так педагоги убедились в том, что их ученики успешно выполняют очень важные задания и им можно доверять. В то же время они учили ребят тому, о чём и с кем следует говорить и от кого что надо держать в тайне. В деревнях Гушино, Горшево и Горяне по разным причинам остались попавшие в окружение красноармейцы, те, кто не смог пробиться к своим. Подлечив раны и немного поправив здоровье, эти люди искали возможность перейти линию фронта или же пополнить ряды народных мстителей.

Установилась связь с Глоданским сельсоветом, где уже разрабатывалась система объединения разрозненных групп подпольщиков. Глоданцами, поддерживающими связь с замшенским подпольем, стала Александра Фёдоровна Барченко и Надежда Ефимовна Козлова. Замшенскими связными были Анна Васильевна Дорожкина (Сумникова), Татьяна Степановна Демьянова, Надежда Яковлевна Лебедева, которая, находясь на должности секретаря-переводчика при волостной управе, располагала ценными сведениями о предстоящих действиях оккупантов. Эти сведения при помощи связных доставлялись в центр партизанского соединения.

При каждой местной комендатуре для обеспечения порядка оккупанты создавали отряды полиции из местных жителей, которым советский строй был не по душе. В Замшено было трудно создать такую «службу порядка». Правда, нашлись двое молодых людей, вернувшихся из мест заключения за хищение колхозного имущества, которые стали полицаями. Новоявленные фашистские прихвостни в гражданском, с белой повязкой на рукаве с буквами ОД появлялись то в одной, то в другой местности. У них было задание - выведать, кто автор листовок и кто их распространяет. Таким образом оккупанты напали на след А. А. Сумниковой, поняв, что, очевидно, у неё и хранится радиоприёмник. Обыски, прошедшие у всех учителей, предвещали недоброе. Страшно было Анне Александровне и за себя и за своих сыновей. Что их ждёт в случае разоблачения? Добрые соседи взяли парнишек в свои семьи, сберегли. Так они и дождались возвратившегося с победой отца.

Искра народного гнева разгорелась пламенем партизанской борьбы в Лиозненском районе сразу в трёх соседних сельсоветах: Велешковичском, Глоданском, Замшенском. Лиозненская жандармерия, начиная с осени сорок первого года, посылала один за другим карательные отряды, дабы обеспечить в этих зонах безопасность оккупационного режима. Как правило, связные из райцентра сообщали о времени появления непрошенных гостей: то им заминируют дорогу, то засаду организуют. Никогда не обходились врагам такие карательные экспедиции без жертв. Жители Лиозно могли судить об этом по свежим захоронениям на немецком кладбище. Выезжая на подобные операции, каратели беспощадно расправлялись с местным населением. Когда командование вермахта в своих донесениях фюреру объяснило, что блиц-

криг тормозится «незаконным» участием в войне гражданского населения, Гитлер первоначально отдал приказ сжигать всё и всех. Но затем была внесена поправка: «Здоровых, работоспособных загонять в лагерь и перевозить в Германию. Рейх нуждается в дармовой рабочей силе».

В начале 1942 года было арестовано и помещено в старый сарай в Замшено около 20 человек из близлежащих деревень. В числе арестованных была и А. А. Сумникова. После долгих допросов и пыток её расстреляли одной из первых. В своих предыдущих публикациях я уже рассказывала об этом - расстреле двоих учителей А. А. Сумниковой и К. С. Гринкина. И это, был, к сожалению, не единичные случаи ареста патриотов. Всякий раз их отправляли в Лиозно, в гестапо. Не было в посёлке такого помещения, которое могло бы вместить всех узников, поступавших сюда со всего района. Полуподвал бывшего купеческого дома по улице Колхозной (ныне ул. М. Октябрьской, Комсомольской) мог «приютить» одновременно максимум 25 узников. Поэтому арестованных в деревнях отправляли в лагерь через Витебск или через Рудню. В пяти километрах от Рудни, в сторону Микулина, находится Переволочье. С конца 1941-го по сентябрь 1943 года здесь находился концлагерь - огромный сортировочный пересыльный лагерь. Сначала он предназначался для военнопленных. Затем стал пополняться и за счёт мирных советских граждан из Смоленской области и из смежных районов Белоруссии. Ежедневно десятками увозили отсюда измученных узников на дорожно-ремонтные работы. Обессиленных пытками, истерзанных, босых, полураздетых куда-то забирали, и обратно в лагерь они уже не возвращались. Все догадывались, что их увозили в места массового расстрела.

Многие из нашего района знали, что такое Переволочье. В этот лагерь увезли и несколько замшенских и глданских патриотов. Некоторые из них были расстреляны или отправлены в Германию. Чудом удалось спастись А.В. Дорожкиной, Т.С. Демьяновой, Н.Е. Козловой, А.Ф. Барченко. Товарные вагоны без окон были наглухо закрыты и битком набиты людьми. Состав шёл медленно, то и дело останавливаясь и пропуская воинские немецкие эшелоны, мчавшиеся на восток. На 15-м километре от Витебска состав потряс взрыв страшной силы. Поезд остановился. Послышалась автоматная стрельба. Затем наступила тишина. Только где-то в голове поезда кричали, стучали. Очевидно, фашисты устраняли повреждение пути, образовавшееся при взрыве. Подросток по имени Серёжа, тоже из лагеря Переволочье, давно заметил дыру в углу вагона, сквозь которую виднелось голубое небо, и возлагал на неё немалые надежды. Кое-как добрался до этого отверстия, по-кошачьи залез в него и исчез на крыше.

Все ждали, что паренёк тем же путём возвратится назад. Но вместо этого дверь вагона раздвинулась. Серёжа крикнул: «Вылазь, кто может! Охраны нет!» Охраны и в самом деле поблизости не было. Немцы были заняты ремонтом: слышны были возгласы, звяканье железа. У дверей вагона встали наши красноармейцы. Помогали выбраться самым слабым и направляли женщин и подростков в разные стороны, предложив держаться врассыпную, двигаясь на север, в сторону кустарников и леса. Александра Фёдоровна Барченко, с которой мне впоследствии долгое время довелось жить по соседству в Лиозно, по улице Орлова, часто вспоминала военные годы. С большой теплотой и благодарностью рассказывала она о своих боевых подругах Дорожкиной и Демьяновой. Именно Татьяна Семёновна Демьянова смогла вывести женщин из того злополучного эшелона смертников и, преодолев нелёгкий путь, добраться к своим, к партизанам-данукаловцам. После победы над врагом все они возвратились к мирной жизни. Снова трудились на ниве образования. Некоторое время Т. С. Демьянова преподавала в СШ № 1 г.п. Лиозно русский язык и литературу, А. В. Дорожкина здесь же была старшей пионервожатой. Учителем начальных классов в своём же районе, вплоть до выхода на пенсию, работала Н. Е. Козлова, А. Ф. Барченко - в потребительской кооперации, затем на местном консервно-овощесушильном заводе. Эти женщины, где бы ни трудились, вносили большой вклад в дело патриотического воспитания молодёжи. Они были востребованы в любой аудитории, ибо являли собой живой пример участия советских людей в Великой Отечественной войне, мужества и героизма.

Многие из тех, о ком идёт речь в данной статье, уже ушли из жизни. Их внуки и правнуки, к сожалению, не смогут узнать от них самих о героических делах своих предков. И кто, как не учителя, работающие в названных школах, должны хранить и пополнять славные страницы

советского народа, сделать их важным средством воспитания. Порукой тому прекрасные слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Но это слова. А на деле? Появятся ли хотя бы ещё на одной школе мемориальная доска, памятный знак у безымянных могил? Услышат ли учащиеся на уроках истории новые имена героев, жителей своего района, тех, кто приближал долгожданную победу? Надо надеяться, что в связи с 60-летием освобождения Лиозненщины и нашей республики в целом многое в этом плане будет сделано.

И в заключение - несколько слов о судьбе замшенских патриотов. В живых в настоящее время осталась 85-летняя Анна Васильевна Дорожкина, которая со своими родными живёт в г. Гомеле. В Замшено проживает единственный сын Михаила Тихоновича Сумникова - Эдуард. Внуки и правнуки Якова Фёдоровича живут в Москве, Новополоцке. Иван Тихонович Сумников погиб в местечке Яновичи (был связан с партизанами). Сергей Тихонович долгое время проживал во Львове. Там же и похоронен вместе со старшим сыном. Младший живёт в Киеве. Татьяна Семёновна Демьянова до последних своих дней проживала с семьёй в городе Николаеве, где у неё остались дети и внуки.

Александра Фёдоровна Барченко, как я уже и писала выше, после войны жила в нашем райцентре. Здесь у неё также остались наследники.

В МРАЧНЫЕ ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ: воспоминания о Великой Отечественной войне //Сцяг перамогі. - 1998. - №88, 90.

Недавно жители нашего района широко и торжественно отметили 55-ю годовщину освобождения Лиозненщины от немецко-фашистских захватчиков. Более полувека празднуем мы эту дату. Не забывают этот день не только те, кто с оружием в руках отстоял свободу и независимость своей Родины, но и те, кто ощутил на себе все тяготы войны, познал все ужасы жизни при так называемом "новом порядке".

Ровно 822 дня продолжалась в нашем районе власть оккупантов. Всё меньше и меньше остаётся с нами тех, кому лицом к лицу пришлось столкнуться с таким страшным чудовищем XX века, как фашизм.

...22 июня 1941 года жители Лиозно вместе со всей страной узнали о начале войны. Был обычный выходной день, полдень. Жизнь в местечке текла спокойно и неторопливо. На улице было много молодёжи: накануне в школах прошли выпускные вечера. Из городов возвращались студенты, всюду встречи, улыбки.

Заходим в аптеку. Людей много. Все стоят молча, не шелохнувшись. Кто-то тихонько плачет. Из тёмного рупора громкоговорителя на стене звучит тревожный голос. Это передают правительственное обращение к советскому народу, сообщение о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Звучат слова: "Враг будет разбит...Победа будет за нами". В этом тогда никто не сомневался. Люди стали клясть фашистов за их предательское нападение. И все твёрдо верили давно заученным словам: "И на вражьей земле мы врага разобьём малой кровью, могучим ударом..."

А на западной границе, у Бреста, уже несколько часов кряду шли жестокие бои, лилась кровь. По шоссе на запад потянулись колонны машин с красноармейцами.

Назавтра в клубе и на улицах состоялись встречи жителей Лиозно с представителями местных властей и членами райкома партии, райкома комсомола. Народ уже был в панике. Сегодня многие не получили в магазине хлеба, здесь раскупили крупу и другие продукты. Людей заверяли, что опять всё стабилизируется, продукты будут, не надо поддаваться панике. Но обстановка не улучшалась. Наоборот, люди каждый день подходили к магазинам, становились в длинные очереди, а хлеба и других продуктов поступало всё меньше. Предприятия закрывались одно за другим, приближалась эвакуация. Уже слышны были далёкие разрывы снарядов.

Однажды, когда местные жители стояли в очереди в магазине (здание располагалось на площади возле церкви), очень низко, на бреющем полёте, пролетел самолёт. Люди выскочили на улицу и стали смотреть вверх, на самолёт с чёрными крестами на крыльях. А он вдруг начал поливать толпу очередями из пулемёта. Сражённый пулей, упал Марк Еремеевич Шагал, заведующий магазином. Был ранен в ногу какой-то мальчик. Сразу все поняли, что война пришла и сюда, в наше Лиозно. Расходились по домам, оклеивали окна, рыли на своих огородах бомбоубежища. Назавтра вся молодёжь, вооружившись лопатами, вышла копать противотанковые рвы, которые тянулись вдоль реки Мошны с правой стороны от Казённого

моста (мост на шоссе) до железнодорожного моста. Ров был крутой, глубокий. И все были уверены: танки в Лиозно не войдут. Но мост через Мошну на шоссе так и остался не взорванным. Не успели. Наши части тогда уже отступали на восток. Горел Витебск. Красное зарево стояло над городом, в воздухе пахло гарью. Красноармейцы, техника уже двигались на Смоленск. На машинах везли раненых, Остальные шли пешком. Фашистские самолёты летали низко над дорогой и не давали возможности отступить нашим войскам в организованном порядке. Если бойцы сворачивали с шоссе, чтобы найти укрытие, немецкие лётчики буквально гонялись за разбегающимися людьми по полю. После таких налётов оно часто было усеяно трупами. Никто их не убирал. Уже позже местные жители выходили и хоронили убитых, забирая у них солдатские медальоны. С железнодорожных станций отправлялись последние составы на восток, которые тоже преследовались вражеской авиацией. Люди не знали, что им делать, Обращались с этим вопросом к бойцам и командирам. А те лишь разводили руками: мол, сами не знаем. Некоторые говорили: "Мы скоро вернёмся, это временное отступление". Другие уверяли: "Они вас не тронут". А третьи убеждали: "Уходите из населённого пункта. Здесь будут бои".

Женщины выносили солдатам воду. Накормить их часто не было чем, хоть те были голодными. Последние уходящие бойцы бросали на крыши домов пороховые зажигалки и объясняли: такая поступила команда — ничего не оставлять врагу. Но они не возражали, если люди бросались тушить подождённое жильё, понимали, что там негде будет жить. Хотя и не выполнить приказ не могли.

В ночь с 9 на 10 июля 1941 года в наш мирный посёлок вошли гитлеровские войска. За эту ночь Лиозно выгорело практически дотла. Осталось лишь несколько уцелевших домов. Среди обгоревших труб возвышались здания церкви, белорусской школы, райкома комсомола. А в начале улицы Вокзальной (теперь улицы Ленина) сохранилось здание райвоенкомата. Больше домов по эту сторону шоссе не было. С другой стороны уцелели целые улицы: Садовая (она была тогда односторонней), 1-я и 2-я Слободские, Колышанская. Всюду, где только было можно, фашисты расклеили портреты Гитлера. Комендант обратился к согнанным людям на ломаном русском языке: "Немецкая армия освободила вас. Вы русские — грязная свинья. Вы не хочешь работать, мы вас научим. Кто карашо работать, тот получит деньги. А кто ленив, тот получит палка". Далее он говорил о том, что нельзя ходить, где захочется. Нужно каждый день приходиться на работу. Кто будет работать, тот получит хлеб, соль, продукты. Для своих лошадей фашисты облюбовали ферму колхоза им. Коминтерна по улице Колхозной. Всех мужчин, которые были и не были колхозниками, отправили чинить конюшни для лошадей. Заставляли работать даже тех, кто не мог ходить. Избивали плётками и палками до полусмерти. И сейчас ещё живы некоторые из тех, кто отведал немецкой "ласки".

Все лиозненцы, а их было не так уже и много (в посёлке осталось около 2000 человек), были точно учтены и должны были являться на работу — в основном на ремонт шоссе от Витебска до Лиозно.

Началась тяжёлая жизнь, полная страха и унижения. Оккупанты менялись: одни приезжали, другие ехали на фронт. За день таких непрошенных "гостей" могло побывать в доме до 20 человек. Заходили, шарили по углам в поисках съестного. Выходили, не закрывая двери или громко хлопая ими, сопровождая уход ругательствами. Сначала спрашивали: "Курко, яйко, млеко". Но ничего этого уже практически не было ни у одного хозяина. Тогда начали брать картошку. Забирали книги, иконы, которые им приглянулись. В одном доме увидели множество литературы, Приказали мальчишкам приносить её, дескать, будем вам платить за это. А когда те принесли книги, безжалостно побросали их в костёр, разложенный около комендатуры. Самых же ребят избили палками.

Около железнодорожного переезда фашисты тщательно разровняли площадку. Вскоре тут появились первые могилы с неотёсанными берёзовыми крестами, увенчанные железными касками — свидетельство того, что, борьба с врагом началась. Гитлеровцы ходили по домам и заставляли их жителей носить цветы на могилы своих солдат. И так каждый день...

Стало холодно, голодно, темно. Было страшно смотреть вокруг. Кругом — немцы, лагеря. Только ночью высоко в небе звенели иногда наши советские самолёты. По ним били немецкие зенитки, но напрасно — самолёты летали очень высоко. А наутро вся округа была усеяна листовками. Они призывали к борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, вселяли веру в то, что Красная Армия сражается, что враг будет уничтожен. Немцы ходили злые, проверяли дома.

Вскоре начали вырубать Адаменскую рощу, откуда исчезли вековые ели. Их отвозили на железнодорожную станцию и отправляли в Германию. В глубине двора пожарного депо — это северо-западный угол нынешнего стадиона — фашисты установили виселицу. С начала осени 1941 года всё чаще ходили слухи о взрывах на железной дороге в сторону Витебска. Летели под откос составы, идущие на восток.

В один из осенних дней нас раньше обычного сняли с работы и привезли в Лиозно на площадь, где была установлена виселица. Там было много людей, которые стояли неподалёку. Вокруг них похаживали жандармы. Подъехала грузовая машина и стала задним бортом к перекладине. В толпе воцарилась тишина. Машина быстро отъехала, а между двумя столбами на перекладине задёргали ногами четверо человек в лохмотьях со связанными руками. Толпа вскрикнула, кто-то громко заголосил. Кто-то рванулся спасать повешенных. Стоявший рядом офицер высокого чина выхватил из кобуры пистолет, выстрелил два раза вверх, показав людям, дескать, всем это будет. Затем стал фотографировать тела казнённых. Несколько дней висели трупы под охраной, затем их сняли и закопали. А это страшное "сооружение" не пустовало до самого конца оккупации. Снимали одних, вскоре вешали других. Хоронили всех там же, рядом. Сколько людей нашло здесь своё последнее пристанище, неизвестно. Наверное, часть тогдашних захоронений находится на территории нынешнего райпо. Это место, к сожалению, точно не обозначено. Никто не назвал имена жертв. А между тем все они были жителями нашего района. Первая военная зима выдалась на редкость морозной, снежной. Снег лёг 14 октября, как раз на Покров. Гитлеровцы, съёжившись от мороза, старались укрыться в домах, чтобы согреться у огня. Их обмундирование не было приспособлено к суровым русским зимам. Оккупанты в домах пытались найти одежду потеплее. Не брезговали даже женскими платками. Требовали: "Матка! Тепло, печка!" Но люди сами мёрзли в своих жилищах, так как никому не разрешалось ходить в лес или в соседние деревни. Посёлок тщательно охранялся немецкими постами. Для отопления приходилось использовать хворост от срубленного кустарника. Люди разбирали оставшиеся сараи и пускали всё это на дрова. Всё население выгоняли на расчистку дорог от снега. А немцев всё больше попадало в госпиталь с отморожениями. С фронта привозили раненых, а здоровых отправляли на передовую. Не сказать, что сытыми были вояки фюрера. Они давно съели всё, что можно было съесть. А у местных жителей отнять было уже нечего.

Отрадно было, что и русские морозы, и вся природа были заодно с людьми против врага. А ещё большую радость приносили наши самолёты, когда они появлялись высоко в небе. Их безошибочно узнавали по звуку. Самолёты перелетали через линию фронта, чтобы поддерживать связь с партизанскими отрядами. На посёлок часто сбрасывались бомбы. Несколько из них упало около моста на шоссе и рядом с железнодорожным мостом. Одна бомба "приземлилась" на улице Комсомольской (её обезвредили уже в 60-х годах).

Активизировалась партизанская борьба. Народные мстители бомбили фашистские гарнизоны в разных точках района. Взлетали на воздух управы, коммуникации, железнодорожное полотно. Устраивались диверсии на шоссе и просёлочных дорогах. Особенно удачно действовали партизанские отряды в Глоданском и Велешковичском сельсоветах. Однажды партизаны произвели несколько выстрелов по посёлку. Один снаряд упал около комендатуры, которая располагалась в здании бывшего райкома комсомола в красивом деревянном особняке. К сожалению, снаряд не взорвался, но панику на фашистов навёл. Один из эпизодов тех дней запомнился особенно чётко. Ранней осенью, в сентябре, а возможно, и в конце августа 1942 года, когда дети и взрослые были на улице, с северной стороны посёлка по улице 1-й Слободской буквально над самыми крышами домов пронёсся в сторону вокзала самолёт с красными звёздами на крыльях. И пока все люди ахали, обнимаясь от счастья и радости, на вокзале прогремело несколько взрывов, а затем поднялась страшная стрельба, раздались сотрясающие землю взрывы. Даже за 5—7 километров от этого места в домах повылетали все стёкла. Дело было в том, что на станции Лиозно накануне скопилось большое количество составов с большой силой врага, техникой и боеприпасами. Ещё два дня после этого там рвались бомбы и снаряды. Железнодорожные пути были разбиты. И только через несколько недель вновь пошла поездка через Лиозно. Говорили, что одним из членов экипажа самолёта смельчаков был наш уроженец — Пазигов.

Вскоре мирное население было привлечено к восстановлению станции. Часть разбитых вагонов оттащили в Витебск, а уцелевшие боеприпасы фашисты решили обезвредить. Они

укладывали снаряды на повозки, отвозили их к Буёвскому озеру и топили в нём. Гитлеровцы не хотели подвергать себя при этом большой опасности и задействовали на ликвидации последствий бомбардировки станции жителей посёлка — стариков и детей. Страшнее всего были авиабомбы с отравляющими веществами. Их отвозили на телегах в основном мужчины. Но на одной из подвод приехала девушка лет семнадцати, заменив заболевшего отца. Она отвозила смертельный груз к озеру, а затем возвращалась за новым. После работы ощутила страшное жжение в теле, еле добралась домой. Пожаловалась на немоготу и слегла. Только через сутки выяснилось, что многие из работавших там подверглись воздействию отравляющих веществ. На улице 1-й Слободской располагался медпункт. Начальником его был немецкий офицер высокого роста. К нему за помощью обратился отец заболевшей. Поняв, в чём суть дела, тот ответил: как солдат великой армии я не должен оказывать помощь в подобных случаях, но как врач я обязан помочь. Но прошу, чтобы это осталось в секрете. Каждый день он приходил в дом потерпевшей, доставал нужные медикаменты, делал перевязки. Через пару месяцев девушка поправилась. Как видим, были люди и среди немцев.

К слову, эта девочка (зовут её Надя) живёт в Полоцке. Работала после окончания института фармацевтом. Теперь пенсионерка. Родственники её, также живые свидетели тех событий, и сейчас живут в Лиозно.

Самым страшным днём оккупации был день массового расстрела жителей посёлка, преимущественно евреев. К тому времени в Лиозно были согнаны все представители еврейской национальности из Колышек, Добромыслей, Бабиновичей и других деревень. Вначале около 600 человек, в основном женщин и детей, находились в тюрьме гестапо, расположенной по улице М.Октябрьской, а затем в сопровождении жандармов и полицейав двинулись к шоссе. Эта молчаливая процессия дошла до улицы Садовой и повернула к Адаменской роще. Местные жители наблюдали из окон, как люди приближались к огромному оврагу на её краю. Остановились, и стало понятно, что палачи приказали своим жертвам раздеться. Одежду бросали в общую кучу (у каждого был свой узелок), срывали с женщин украшения. Те голосили, громко кричали, плакали дети. Всю толпу голых людей отодвинули в сторону и стали выстраивать в шеренги. Затем по очереди подвели их к краю оврага и косили по ним из пулемётов. Детей вырывали у матерей из рук и живьём бросали в страшное месиво людских тел. Больше двух часов продолжалась эта страшная казнь. Вечером палачи ушли и на больших фургонах увезли одежду убитых евреев. А через день она продавалась с молотка. Выручка составила немалые деньги и была сдана в комендатуру. Торговали одеждой за марки и за советские рубли.

...Затихли выстрелы над оврагом, но стоны и вопли раненых во рву не смолкали всю ночь. Жители близлежащих домов не спали, оплакивая тех, с кем рядом жили, с кем дружили, учились вместе в школе или работали. При расстреле многие упали в овраг ещё живыми. Поэтому за ночь из этой страшной ямы выбрались и спаслись несколько человек. Среди них была и девушка Соня — сестра недавно умершей Раисы Владимировны Беловой, бывшего библиотекаря райкома партии. Кстати, саму Раису спасли школьные друзья. Они спрятали её от полицейской облавы, а потом устроили на биржу уборщицей. И никто не выдал фашистам, что она еврейка. Спасся также учитель истории из русской школы (память, к сожалению, не сохранила его фамилию). Бежать ему помогли жители деревни Адаменки, в том числе Надежда Прокофьевна Бородня, ныне учительница-пенсионерка. И таких примеров дружбы и самопожертвования советских людей можно привести немало.

Мы, люди старшего поколения, пережившие все ужасы фашистской оккупации, не согнувшиеся перед врагом и не покоровшиеся судьбе, пройдя все тяготы военного лихолетия, хотим сегодня обратиться ко всем живым с призывом — помнить о погибших, расстрелянных и замученных ради мира на земле, ради счастья грядущих поколений.

ИЗ РУИН И ПЕПЛА: о лиозненщине в годы войны // Сцяг перамогі. – 2001. - №88, 89,90
17 июля 1941-го-10 октября 1943-го.

Эти две даты хорошо известны и памятны жителям Лиозненщины. Первая — начало той мрачной ночи фашистской оккупации, что длилась без малого два с половиной года, вторая — день долгожданного освобождения, который пришёл на истерзанную землю, к измученным страхом и неволей людям спустя 822 бесконечно долгих дня и ночи. Трудно описать тот восторг, ту радость, с какими встречали мы, жители района, своих освободителей, выбегая им

навстречу из лесных укрытий. Радость освобождения была велика и ни с чем не сравнима. Но то, что увидели, подходя к родному селению, было ужасным. С северной стороны все черноручское поле было устлано телами. Такое же зрелище представляли правый и левый берег Мошны, обочины шоссе, Адаменская роща. Вдоль дороги и по улицам райцентра громоздилась выбывшая из строя в результате сражения военная техника: танки, машины, конные повозки, убитые лошади. Сам поселок от шоссе до железной дороги представлял собой мертвый пейзаж: печные трубы, обгорелые деревья, развалины. И только на уцелевшей церкви развивалось красное знамя, как символ освобождения, символ надежды. Он звал людей из их лесных и болотных укрытий, вещал им, что свобода наступила. Люди стекались в родной поселок, здесь проходили сердечные встречи с воинами Красной Армии, партизанами. Вскоре состоялся митинг, на котором лиозненцы с волнением в груди говорили о том, как долго они ожидали этот самый памятный и незабываемый в их жизни день. Состоялся и траурный митинг, посвященный захоронению воинов, погибших при освобождении Лиозно. На углу между Вокзальной улицей и шоссе стояло шесть гробов. Взволнованные речи выступающих прерывались голошением женщин, которые припадали к последнему приюту павших, оплакивая солдат-освободителей, а, возможно, и своих близких, которым не довелось вернуться к своим семьям, увидеть освобождённое Лиозно. Вместо этого одна за другой посыпались похоронки. Из сотен ушедших по первой и второй мобилизации в 41-м домой возвратились лишь единицы уцелевших в связи с ранением.

Похоронить всех тех, кто погиб в боях за наш райцентр, в один день не удалось. Их было несколько сотен. Появились еще пять кладбищ: на улице Шоссейной, около черноручского леса, на месте нынешней территории горгаза, возле гражданского кладбища в деревне Черноручье и самое многочисленное захоронение — на высокой горке, что с южной стороны Адаменской рощи. Траурные церемонии длились несколько дней. На помощь военным вышло гражданское население: старики, женщины, подростки. Хоронили без гробов, в общей братской могиле. На кладбище появилось множество могильных холмиков погибших, чьи имена были установлены на основании личных медальонов. А они имелись далеко не у всех. Надписи делались карандашом на затесанном колышке или на кусочке фанеры, на скорую руку, в надежде, что в будущем все будет упорядочено, исправлено.

Враг был сломлен, но впереди предстояли ещё жестокие бои, до победы еще очень далеко, не менее 20 месяцев, а точнее, 19.

Жители Лиозно, в основном женщины, старики, школьники, как могли приводили в порядок эти святые места: поправляли могилки, выпалывали траву, обновляли надписи, сажали деревья, цветы. Никто не думал тогда, что через несколько лет будет осуществлено перезахоронение. В связи с этим стоит рассказать об одном человеке, о котором и сегодня нельзя не вспомнить с благодарностью. В самом крайнем домике на Садовой улице жил Викентий Павловский. Рядом с его участком произвели большое захоронение советских солдат. На опушке черноручского леса — также. Этот уже довольно пожилой человек стал ухаживать за кладбищами. За собственные средства одно из них он обнес деревянным забором (частоколом), обсадил вокруг деревцами, поправлял и обновлял скромные обелиски. Без всякой команды "сверху" ученики вместе с учителями приносили свои веночки, цветы. Живущие по соседству женщины, особенно солдатские вдовы, также ухаживали за могилами, вплоть до самого перезахоронения.

А в бору почти год стояло несколько прифронтовых (полевых) госпиталей. Здесь осталась огромная площадь, на которой покоились те, кто умирал в госпиталях. Длительное время сюда наведывались ученики, занимались уборкой. Затем было осуществлено перезахоронение на центральное воинское кладбище в Лиозно. Но производилось оно чисто условно. Иначе было и невозможно сделать. Ведь прошло уже около 10 лет.

Было бы наивно думать, что с освобождением территории района от оккупантов жизнь здесь потекла, как в мирное время, до войны. Нет. Правда, люди обрели необычный взлет духовных сил и, казалось, не замечали, что в преддверии зимы они остались на пепелищах, без крова и средств к существованию, всего в десятке километров от линии фронта. Дороги, как железная, так и шоссе, были выведены из строя, и не сразу подоспела помощь из советского тыла. К тому же враг не хотел оставить в покое покинутую им территорию, вражеские самолеты совершали дневные и ночные налеты, бомбили дороги, воинские распо-

ложения. Как известно, фюрер "разрешил" своему воинству отдохнуть в Витебске перед новым весенним контрнаступлением. Но тщетно пытался враг уничтожить знамя, развивающееся на куполе церкви в центре посёлка. Зенитчики зорко охраняли небо и даже сбили вражеский самолет, который рухнул на восточной окраине Лиозно. Природа в тот год смилостивилась над людьми, оставшимися без крова и продуктов питания. Не по-осеннему теплая погода стояла весь октябрь и начало ноября. Жители района ходили без верхней одежды, даже босиком. Убирали сохранившийся местами урожай картофеля и зерновых, заготавливали корм для чудом уцелевшего скота. Строили жилища на зиму. Это были, в основном, землянки, вырытые на возвышенных местах: по улице Гагарина, по Вокзальной улице. За железной дорогой выросло большое селение строительно-восстановительного участка, работникам которого предстояло восстановить разрушенную железную дорогу, вокзал, все станционные строения, несколько жилых домов. По первоначальному учету (на 15 октября 1943 года) а райцентре числилось менее тысячи жителей: в т.ч. 7 учителей и 36 учащихся. Еще не так скоро возвратятся люди из глубокого тыла. Многие были угнаны оккупантами в Германию, некоторые ушли на зиму в окольные деревни. Школа разместилась в дорожном отделе по улице Комсомольской. Кому довелось учиться там, те помнят, как летели к школьному зданию фашистские снаряды. Военный комиссариат занял уцелевшее строение лесхоза по улице Садовой. Райком партии, райком комсомола, аптека, банк и другие учреждения приютились в сохранившихся домах местных жителей, которые ещё не вернулись в родные места.

Руководство района бросило клич-обращение к населению, в особенности к молодежи: все на восстановление хозяйства! И молодые люди, сколько их было, отозвались на призыв. Эта огромная великая работа началась, конечно же, с восстановления дорог: железной и шоссейной. Главные транспортные артерии должны были "вливать" в освобожденную территорию новые силы. Дороги были в таком удручающем состоянии, настолько изуродованы, что трудно было поверить в возможность их возвращения к жизни и дальнейшего использования. Сплошные воронки от бомб и снарядов, баррикады из обломков машин, боевой техники. Прямо на шоссе клали настил из распиленных бревен. Эту работу выполняли солдаты-саперы. На железной дороге положение было не лучше: враг увез с собой шпалы, даже рельсы, и не сразу недостающий ремонтный материал был доставлен на место. Здесь также основную работу выполняли военные строители, гражданские разбирали завалы, расчищали, строили площадки. Носили весь мусор и всё необходимое вручную. Кирка, лопата, ведро или носилки — вся техника. Даже лошадей не было. Но, тем не менее, в течение двух-трёх недель выросла целая улица из землянок. В них разместились контора строительно-восстановительного участка, магазины и склад, медпункт, слесарная мастерская, кузница, пекарня и даже баня.

Рабочие были очень разные по возрасту: подростки от 14 лет и мужчины от 60-ти и старше. Но больше всех было женщин. Железнодорожные продовольственные карточки выдавались не только самим рабочим, но и на их иждивенцев: детей, престарелых родителей. После голодной жизни в оккупации люди охотно шли трудоустроиваться и с радостью брались за любую работу: привлекали продовольственные карточки, дети уже больше не испытывали голода.

В кинофильме "Долгая дорога в дюнах" сосланные в Сибирь женщины должны были выполнять нелегкую работу в лесоповальной бригаде. Солдатские вдовы добровольно вошли в женскую лесоповальную и плотничью бригады. Вид у них был довольно внушительный: одеты по-мужски, с топором за поясом.

Стоит назвать тех мужественных представительниц так называемого слабого пола, которые вынесли на своих хрупких плечах все тяготы военного лихолетья и непростого послевоенного времени. Безбедно, надо прямо сказать, живут сегодня их дети и внуки. Возможно, они даже сетуют на нашу нынешнюю жизнь: мол, в чём-то она их не устраивает, в чём-то обделила, обошла. Думается, очень полезно будет им вспомнить судьбы собственных родителей, их мужество и стойкость. Назову лишь некоторых. Это Евдокия Ивановна Адаменко (трое детей), муж погиб в 41-м; Акулина Ивановна Никитенко (трое детей), муж — на фронте; Домна Кирилловна Голубева (двое детей), муж погиб; Анна Федоровна Поварова, муж погиб в 1941 году; Евдокия Андреевна Горошкина (четверо детей), муж находился на фронте; Ульяна

Колотовкина (четверо детей); Анна Воронцова (двое детей); Лилия Николаевна Петерсон; Вера Тихоновна Гавриленко.

Они не имели никаких привилегий, никаких наград. До конца дней своих трудились далеко не на самых легких участках. Растили детей, ждали с войны мужей, не веря "похоронкам", да так почти никому не известные и ушли из нелегкой, трудной, но, тем не менее, честно прожитой жизни. Пусть же хотя их потомки будут знать об этих мужественных, героических женщинах, вспоминают их добрым словом.

Я же продолжу свой рассказ. Когда были восстановлены шоссе и железная дорога, страна начала поставлять все необходимое для дальнейшего восстановления района. Прибыли специалисты-строители. Вокзал и все станционные строения были восстановлены менее чем за два года. Руководство строительными работами возглавляли прораб Иов Лукич Фадеев и инженер Александр Николаевич Чистяков. Здание вокзала было обновлено по предыдущему, довоенному проекту. Даже плиточное покрытие пола осталось прежним. Никаких механических приспособлений для подачи стройматериалов при возведении второго этажа не было. Ведра с раствором или кирпичом поднимали на веревке.

Пожалуй, стоит вспомнить один из эпизодов, которые пришлось пережить строителям. В войну, во время оккупации Лиозно, фашисты облюбовали место для захоронения своих погибших солдат— около самого переезда (угол Вокзальной улицы и железной дороги). Сами немцы говорили, что после войны их соотечественники будут перезахоронены, т. е. погребены в Германии. Тем и был обусловлен выбор места вблизи железной дороги. Но, как известно, замыслу врагов не суждено было осуществиться. Сразу после освобождения Лиозно эти захоронения смели с лица земли. Образовалась площадка величиною в 500—600 квадратных метров. И это не было преднамеренной мстью врагу. Строители попросту не знали, что здесь находилось ранее. И недавно приехавший в наш райцентр выше упомянутый прораб Иов Лукич выбрал данное место для строительства жилого дома.

Когда стали копать траншею под основание фундамента (а делали это, конечно же, вручную, саперными лопатками), обнаружили множество останков из не так уж давнего захоронения. Сразу это несколько смущало копавших, а потом махнули рукой: черт с ними, фашистами, поделом им! И строительство продолжалось. Но на самого прораба этот факт произвел сильное впечатление. Он, обычно веселый, всегда с юмором и шуткой, стал неузнаваемым: злым, раздражительным, молчаливым. Жена рассказывала, что ночью вскакивал с постели, поднятый страшным сновидением. А вскоре, больше не выдержав, однажды на утренней разрядке, которая всегда проводилась в конторе, сделал официальное заявление: мол, он мучим великим преступлением, считает себя виновником того, что дом строится на костях людей. Пусть даже это и фашисты, но смерть уравнивает всех. Умершие не дают ему спокойно спать, в сновидениях являются в его дом с оружием в руках, ставят к стенке. Кто-то из рабочих посочувствовал своему начальнику, понял его моральные терзания, но большинство было все же за то, чтобы продолжать стройку, ведь уже затрачено столько сил. А Иову Лукичу не стало лучше, по-прежнему по ночам призраки в зеленых мундирах врывались ватагой в его дом, стуча коваными сапогами, целясь в него из автоматов. И Фадеев принял решение: поехать в Витебск к начальнику управления строительно-восстановительных работ на железной дороге и рассказать ему всё, как на духу, дабы тот освободил его от работы. Так и сделал..,

А через некоторое время в Лиозно приехал сам начальник Крицкий, осмотрел новостройку, побеседовал с рабочими. Этот объект "заморозили", площадку сравняли, а планируемый дом теперь уже стали возводить ближе к вокзалу, на противоположной стороне Вокзальной улицы. Между прочим, он стоит там до сих пор.

Что касается дальнейшей судьбы Иова Лукича Фадеева, то спустя лет пять после описанных выше событий он вместе с тремя рабочими (двое из них — Арсений Воронцов, Конап Бондаренко), также участвовавшими в восстановлении железной дороги, трагически погибли в автомобильной катастрофе.

Запомнились люди пожилого возраста, которые после окончания работ по восстановлению станции Лиозно продолжали трудиться дальше, вплоть до того момента, когда был полностью обновлен участок дороги до Витебска. Ведь в начале лета 1944 года фашисты и там оставили

страшные разрушений. Среди них были Николай Бондаренко — столяр, Герасим Воронцов — кузнец, Тихон Гавриленко — плотник, лесоруб, конюх и извозчик.

Работавшие на железной дороге после завершения восстановления всех находящихся здесь объектов приступили непосредственно к восстановительным работам в городском поселке. Были привезены три сборных стандартных домика. Самый первый предназначался под помещение горсовета, второй — под райисполком и третий, жилой дом — под квартиру для вернувшейся из советского тыла семьи председателя райпотребсоюза Степана Ефимовича Смирнова. Кстати, из этой семьи вышел известный полпред Советского Союза Виталий Степанович Смирнов, проживающий сейчас в г. Минске.

В 1946 году, уже после победы, началось возведение в райцентре, на улице Ленина, школы № 1, белорусской средней.

Новоселье состоялось на октябрьские праздники 1952 года, так что строительство продолжалось около семи лет. Работы вела местная строительная организация. Прораб, Иван Карпович Струков, демобилизованный по возрасту из рядов Советской Армии, был добросовестнейшим человеком, требовательным к подчинённым и точным во всем: ни одну мелочь он не выпускал из-под контроля.

Стройматериалы были из местных ресурсов: лесоматериал заготавливали здесь же, в бору, работали Боровлянский и Уновский кирпичные заводы. Машин для подвозки необходимого не было. Имелся лишь гужевой транспорт, да и то не в избытке. Заготовка раствора, подсобные работы, строительство — всё велось вручную. Очень популярны были субботники и воскресники. Учителя и старшеклассники хотели скорее попасть в шикарное по тем временам школьное здание и активно являлись на данные мероприятия.

На улице Ленина велось также строительство пяти двухэтажных домов. Некоторые из них, что не подвергались реставрации, стоят и поныне.

Возвращаясь к рассказу о том времени, когда Лиозно и почти весь район были прифронтовой полосой, следует отметить, что оно было очень сложным и трудным. Гражданское население не снабжалось почти никаким продовольствием. От солдатских походных кухонь разносился дразнящий запах готовящейся пищи, и дети собирались здесь в надежде получить хотя бы что-нибудь съестное. Мальчишки постарше входили в контакт с поварами: приносили к кухням дрова, таскали воду, мыли котлы, были готовы выполнить любую работу. И добросердечные военные, у многих из которых имелись свои ребятишки, также нелегко живущие где-то в тылу, подкармливали добровольных помощников. И детям помладше иногда кое-что перепало. Взрослое же население перебивалось, как могло, в ожидании лучших дней. Не менее сложно обстояло дело и с жильем. Ведь землянки были далеко не у всех. В неотопливаемые уцелевшие сараи или другие холодные постройки набивалось столько народу — ни мать, ни сесть. Спали посменно, уступая место детям и старикам. Хорошо еще, что практически у всех не было никакого имущества. В чем одет днем — в том и ложись спать. А ночью продрогшие на улице солдаты просились впустить погреться. Впускали. И те, утомленные нелёгкой службой, садились кучкой в уголок и тут же засыпали. И вот в такой тесноте приходилось жить гражданскому населению: неделями, месяцами, не сменяя одежды, даже не умываясь (о бане уже все давно забыли). Как следствие такой неблагоприятной обстановки среди местного населения вскоре вспыхнула эпидемия тифа. Болели дети, женщины. Военных это тоже коснулось, хотя они периодически проходили санобработку в походных дезкамерах. Военный медперсонал (гражданских врачей почти не было) был занят госпитализацией заболевших. Были открыты инфекционные больницы в деревнях Пушки, Велешковичи, Черноручье — там, где уцелели кое-какие здания, пригодные для этой цели. К тому времени в нашу семью уже пришли две похоронки: под Москвой в 1941 году погиб отец, в Ленинграде в 1942 — один из братьев. А тут заболела и мама. Но она сумела как-то скрыть свою болезнь, так и перенесла тиф на ногах. А младшая сестра Вера, ей было 12 лет, как и другие девчонки, помогала на солдатской кухне. Как-то налетели фашистские самолеты и начали сбрасывать бомбы. Одна упала совсем рядом с кухней. Девчонки бросились в бомбоубежище, но не добежали: все трое были ранены, в основном, в ноги, и, к счастью, не слишком тяжело. Сделали перевязку, но залечивать раны надо было в госпитале. А там Вера заболела тифом, перенесла очень тяжелую его форму. Среди солдат в том же госпитале было несколько случаев летального исхода от этой коварной болезни.

Только к весне выкарабкалась сестрёнка из тифа и ранения. За лето у неё почти не отросли волосы. Осенью 1944 года, помню, придешь в класс и видишь: сидят многие девчонки в платочках — они переболели тифом и в таких страшных условиях смогли выжить. Несколько человек всё же умерли. Моя тетя, Ефросинья Степановна Хотькина, тоже заболела. Её муж и старший сын были на фронте, при ней находился лишь младший — шестилетний Лёня. Он никогда не отставал от матери, спал рядом с ней. А когда ту, больную, врачи решили госпитализировать и стали увозить женщину, вцепился в мать так, что медики не смогли его оторвать и решили, что мальчик уже инфицирован и, конечно же, скоро заболеет: так пусть они будут вместе.

Увезли обоих в деревню Велешковичи, где Ефросинья Степановна вскоре умерла. Медработники не знали, кому сообщать о её смерти. Больничный сторож-санитар Афанасий Терещенко, завернув тело в простыню (так со всеми мертвецами тогда поступали), схоронил умершую на ближайшем кладбище. Ребёнок стал сиротой, оставался без опеки родственников, пока не разыскали старшую сестру, которая в то время обучалась на курсах бухгалтеров при Витебском облфинотделе. Дело в том, что все областные организации, прибыв из эвакуации, находились в Горянах. Там, к счастью, уцелела почти вся деревня, и дома были по тому времени очень удобные и тёплые.

Прошло несколько дней после похорон Ефросиньи Степановны, а шестилетний Лёня всё ещё продолжал находиться при Велешковичской больнице. Никто тогда не мог подумать, что судьба готовила ему светлый путь и громкую славу: возможность получить соответствующее образование, стать капитаном дальнего плавания, а в 45-летнем возрасте удостоиться звания лауреата Государственной премии.

Но об этом я расскажу немного позднее в отдельном материале.

Первая послевоенная страда в 1944 году на Лиозненщине началась очень рано, буквально с небольшими проталинами. И проходила очень трудно. В деревнях не осталось никакой сельскохозяйственной техники: ни машин, ни лошадей. Все легло на плечи людей, в основном, женщин.

Еще шла война. Мужчины были на фронте. Возвратились лишь единицы из тех, кто выжил по ранению. Была восстановлена железная дорога, построены новые и восстановлены разрушенные складские помещения. Они к весне уже были заполнены привезенным из советского тыла семенным материалом для всех колхозов района. А доставить такой груз от станции Лиозно до родной деревни сельчане могли только на собственных плечах. "Разновозрастной отряд" — от 13 до 60 — мужчины, женщины, подростки с вещмешками за плечами несли на себе от 10 до 20 килограммов. Печальное зрелище являл собой такой пеший, но основательно нагруженный обоз: хромые мужчины, исхудавшие подростки и женщины, в ветхих одежонках, на ногах какое-то подобие обуви, абсолютно непригодное для весенней распутицы. Несколько таких рейсов приходилось сделать и из отдалённых населённых пунктов — Бабинович, Велешкович, Глодонок и других деревень, до станции Лиозно и обратно, чтобы хоть как-нибудь засеять вспаханное поле. А пахать было еще трудней. Женщины тащили плуг на себе. Если где уцелела корова, то впрягали ее вместо собственно живой силы. Лошадь тогда была большой редкостью. Борону таскали подростки: это было чуть полегче плуга.

Но этих мужественных самоотверженных людей на каждом шагу подстерегала страшная опасность — мины, налёты вражеской авиации. Несмотря на то, что поля были проверены саперами и здесь стояли оставленные ими таблички с надписью "Мин нет", не проходило и дня, чтобы от налетов фашистских самолетов не гибли люди—то в одном колхозе, то в другом, во всех концах района. Раненых доставляли в госпиталя или же в райбольницу, которая находилась в Черноручье. Воинские части с наступлением весны больше не участвовали, точнее, не помогали в восстановительных работах и проведении посевной, так как готовилось большое наступление на укрепившегося в Витебске врага. На освобожденных площадях в районе повсеместно возделывались армейские подсобные участки картофеля, овощей. На них работали выписанные из госпиталей и признанные годными к нестроевой службе солдаты. Помогали и гражданские, получая за работу натуроплату картофелем или капустой. Это не хлеб, но уже и не так голодно. Хотя зима 1943— 1944 года не была лютой,

но овощи еще не было где хранить. Не было чем и укрыть. Поэтому приходилось употреблять их в пищу замороженными, даже на армейских кухнях.

Пришла свобода. Война отступила от Лиозно. Но она напоминала о себе ежедневно, ежечасно. При расчистке завалов взрывались рабочие, наткнувшись на оставленные взрывоопасные предметы. Взрывались дети, найдя и потрогав руками "незнакомую игрушку". А в деревне Михалиново сама мама принесла ребятишкам такие "забавы". "Играйте!" Взрыв... Погибло двое детей. На лужайку примыкающего к улице колхозного поля упал снаряд, но не взорвался, а лежал и продолжал будоражить любопытство мальчишек, всегда таких неравнодушных к малознакомым предметам.

Матери, с таким трудом берегшие своих детей все эти годы войны, не отпускали ребят от себя: ни в рощу, ни на реку, ни в поле—играть было позволено только возле своих жилищ, на улице. Мальчик с соседней улицы, Савченко, (к сожалению, не помню его имя), по прозвищу "капсюль", узнав, что неподалёку лежит снаряд, объявил сверстникам, что он пойдет посмотреть на "игрушку". Он, мол, не боится, только пусть они близко не подходят...

Страшный взрыв, содрогнувший землю, мгновенно оторвал матерей от своих дел. Не обнаружив на улице детей, они побежали к злосчастной полянке, над которой после взрыва повисла огромная черная туча. Навстречу женщинам мчался один из тех пятерых, кто был там и чью жизнь унес тот взрыв. Он, заливаясь кровью, кричал: "Мамочка, прости меня, я не виноват!" Пробежал так метров двести и замертво упал: на шее была одна небольшая ранка. Каждый из пяти погибших был сыном отца-фронтовика, не вернувшегося с войны. Это Коля Алексейченко—10 лет, Женя Агнестиков— 9 лет, Вася Ермолаев — 9 лет, Савченко (у всех отцы погибли под Москвой), Саша Лапунов — 10 лет, отец тогда находился на фронте.

Это был один из самых страшных дней. Какое же надо было иметь мужество этим матерям, чтобы, получив похоронку на мужа, потерять и самое дорогое, последнюю надежду — сына.

Но жизнь продолжалась. И эти стойкие женщины прожили в одиночестве, труде и терпении еще немало лет. Таков закон природы: жизнь всегда побеждает, какой бы трудной она ни была.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА: о первых военных годах //Сцяг перамогі. – 2001. – 315, 16.

Сухим и жарким выдалось лето 1941 года. Июль посылал на землю один за другим яркие солнечные дни, но люди, казалось, их не замечали: так тяжело давило горе невозвратимой потери, страшной, неповторимой беды. Все верили, что если и произойдет это страшное — война, то "...на вражьей земле мы врага разобьем". Но горе пришло сюда, в родной поселок, — уже вторую неделю хозяйничают в Лиозно оккупанты. У каждого на устах вопрос: "Неужели навсегда?" На днях ушли на восток последние советские части, со станции отправились последние составы, увозя мобилизованных, эвакуированных, народное добро, словом то, что можно еще было увезти.

Все стало тусклым, серым, мрачным. Люди одевались в самое худшее, не носили светлых летних нарядов, редко выходили из своих жилищ и мечтали о несбыточном: вот-вот соберутся наши с силами и повергнут вспять этот непрерывный поток серо-зеленой массы техники, живой силы. Но чуда не произошло. По-прежнему с запада на восток, по земле и в воздухе тянулись вереницы вражеской техники. Все дальше отходил фронт, слышны были только далекие отзвуки канонады.

Вскоре на шоссе стали появляться колонны пленных красноармейцев, конвоируемые фашистами. Жители, проживающие рядом, старались подойти поближе, надеясь увидеть среди пленных кого-либо из своих. Но конвоиры отгоняли всех прочь, не позволяя бросить в толпу несчастных кусочек хлеба или картофелину.

Но однажды случилось непредвиденное. Десятский улицы (так назывался представитель новой власти) Николай Бельченков еще с утра начал забегать в каждый дом (а их здесь было 42). Он оповещал жителей о том, что к указанному времени все должны прибыть к зданию русской школы, если желают встретиться со своими родными — красноармейцами, попавшими в плен. Возможно, кого-то отпустят, если найдутся близкие или знакомые. А надо сказать, что из каждого дома были призваны в армию как минимум один-два человека. Надежда увидеть своих была так велика, что люди от старого до малого высыпали из жилищ и направлялись к школе. Подходили и с других улиц. Собралась огромная толпа, и вскоре

вдали на шоссе с восточной стороны увидели медленно приближающихся красноармейцев, конвоируемых немцами.

То, что предстало перед глазами собравшихся, было ужасным. С трудом можно было узнать, что это солдаты Красной Армии. Выгоревшие гимнастерки, изорванные, без обуви, у некоторых мужчин ноги обвязаны обмотками. У многих следы ранений, травм на лице, руках, ногах, все без головных уборов. По прическам можно было отличить в этой однообразной толпе нескольких командиров. На их лицах, головах и руках имелись следы ран, побоев.

Несчастливым было разрешено присесть на лужайке, недалеко от шоссе, напротив дома Жариковых. Конвоиры собрались в одну группу, достали свои припасы из вещмешков. Они начали пить из фляжек, закусывать, сопровождая трапезу выкриками, возгласами в честь своей победы, здравицами в честь фюрера. Люди с отвращением отводили взоры от этой картины — они внимательно вглядывались в лица тех, ради кого пришли сюда. А солдаты, не обращая внимания на окружающих, искали травинки, листочки, срывали их и ели. Их мучил голод и жажда. Десятский получил разрешение у своих хозяев принести пленным ведро воды. Но никто из красноармейцев не напился вдоволь. Каждый, едва прикоснувшись губами к кружке, передавал ее следующему. Стояло полное безмолвие. Слышны были лишь всхлипывания да приглушенные рыдания женщин. Так продолжалось несколько минут. Ни знакомых, ни родных никто не увидел. Из школы вышли трое офицеров в форме СС и направились к собравшимся. Один из них выступил вперед и обратился на русском языке, правда, с заметным акцентом, к сидящим военнопленным, отметив при этом, что хотя к ним обращается офицер армии-победительницы, но он великодушно разрешает слушать его сидя. Ведь они отважно сражались, как настоящие солдаты, но их предали командиры-коммунисты, бросив на произвол судьбы, потому и оказались они в плену. А сами командиры уже далеко за Москвой, спрятались от войны. Москва же через два-три дня будет наша — германские войска пройдут по ней парадным маршем. Далее фашист говорил о том, что пленные больны, ранены, измучены голодом, жаждой, но их судьба — в их же руках. Они могут служить великой Германии: здесь же, в тылу, будут следить за порядком - получают хороший паек, обмундирование. Если же они не примут это предложение, то будут обречены на медленную смерть. Эсэсовец долго еще распространялся о том, что германская армия — самая гуманная, она не убивает пленных. Советские солдаты, они сейчас в плену, и их надо окружить вниманием и заботой.

Германскую армию всюду встречают радушием, продолжал выступающий. Вы видите, что жители города Лиозно рады, что их освободила армия фюрера, и они пришли вам сказать об этом. Сейчас будет говорить с вами господин Бельченков. "Господин" выдавил из себя несколько слов, что, мол, давайте, ребята, переходите на сторону немцев, так надо. Я вот перешел и не жалею...

Но ни речь эсэсовца, ни слова Бельченкова никакой реакции на сидящих не произвели — никто из них даже не поднял головы. Снова начал говорить тот же немец. Сейчас, мол, будет продемонстрирована мощь германской армии, ее солдат. Русские воочию смогут убедиться в том, что сильнее армии фюрера в мире никакой другой армии нет.

В это время к месту действия подошли две огромные машины грузотакси, с которых спрыгнули здоровенные фашисты-молодчики в черной форме с засученными рукавами, в черных пилотках с известными эмблемами, с автоматами наперевес. Они быстро построились в колонну и начали строевую подготовку. Вскоре та двинулась с места под возгласы-переключку, напоминающую детскую строевую речевку. Особого смысла в ней не было, были лишь бессмысленные рифмы: "Eins — zwei Polizei, drei-fir — offizier, funf — zechs alte Hechs, sieben — acht gute Nacht, neun — zehn nach Qsten gehen". По-русски это звучало так: "Раз-два — полиция, три-четыре — офицер, пять-шесть — старая ведьма, семь-восемь — спокойной ночи, девять-десять — идем на Восток". Хотелось бы отметить, что эта речевка звучит и сейчас с дисков некоторых меломанов, выполняя там в аранжировке роль музыкальной паузы или заставки. Иногда ее можно услышать и в музыкальных радиопередачах для молодежи. Отброшена только последняя фраза: "девять-десять — идем на Восток!" Абсурд, но факт.

Инсценировка продолжалась минут 15 — 20, закончилась она трехкратным " хайль!" и пальбой из автоматов. Затем тот же офицер обратился к тем, для кого было устроено подобное зрелище:

— Если вы все поняли и не хотите погибать, то вы остаетесь на этом месте, мы вас отпустим по делам на волю. Вы можете пойти жить в любую семью, пока окончательно поправите свое здоровье и придете к нам на службу.

Было велено тем, кто принял условие, остаться сидеть, остальным же подняться и выйти на шоссе, чтобы идти дальше. Нелегко было вставать с места больным, измученным людям, лишь чуть-чуть отдохнувшим, но поднялись все, поддерживая друг друга, вышли на шоссе и под окрики конвойных колонна двинулась вперед.

Куда? Назавтра во всем поселке уже знали, что пленных привели на территорию льнозавода, поместили под шахой, где раньше складировалась треста (льносоломка). Там, на земле, были ее остатки, а также костра, на которых и расположились узники. Шаха была опутана колючей проволокой: ни входа, ни выхода. Рядом — будка конвойных. За все время пребывания в этом заключении пленные не получили ни крошки хлеба, ни глотка воды. Они были обречены на голодную смерть.

По Лиозно и окружающим деревням разнеслась весть о том, что фашисты могут отпустить пленного, если вы в нем узнали своего сына, мужа или брата и подтвердили это документами. Смелые женщины, заручившись соответствующими бумагами, приезжали на подводах, забирали и увозили "своих". Старожилы деревень Пушки, Низы помнят эти факты. Конвоиры "продавали" пленных и за драгоценности — и таким путем было освобождено несколько человек. Но, тем не менее, освободилась лишь незначительная часть пленных, участь остальных была предрешена. Немцы планировали отправить заключенных по железной дороге. Но пока представилась такая возможность, прошло несколько дней, и люди без воды и пищи, раненые, начали умирать.

Недалеко от льнозавода, как известно, находится старинное гражданское кладбище. Фашисты именно здесь выбрали место для захоронения своих жертв. Те сами не могли рыть для себя могилы: настолько были обессилены.

На территории бывшей МТС расположилась немецкая ремонтно-дорожная часть, куда привлекалось все мало-мальски трудоспособное население: молодежь, подростки, старики. Людей распределяли по участкам и развозили на машинах. Но однажды утром, еще до распределения рабочих, пришли двое немцев, выбрали из числа рабочих троих мужчин — поздоровее и помоложе — и увели с собой. Среди этих троих был и Тит Свирский, человек лет 55—60, высокого роста, проживал где-то по улице Бабиновичской (ныне улица Гагарина). Назавтра Свирский рассказал, что им пришлось хоронить двоих из тех, что томились за колючей проволокой на льнозаводе. Через два-три дня их снова утром забрали для той же цели. И такое повторялось до тех пор, пока оставшихся в живых не увезли на запад.

Место для захоронения выбрали не на самом кладбище, а рядом, в северо-западном углу, на спуске к ручью, у дороги. Носилок не было, и переносить умерших пришлось на плащ-палатке по одному. В третий день довелось хоронить уже четверых. Когда принесли последнего, то обнаружили, что один из лежавших около ямы отполз в кусты. Ему принесли воды, дали попить, умыли водой лицо, голову, и он начал приходить в себя. Первое, что он смог произнести: " Вы свои, спасите меня". План спасения созрел именно у Свирского. Он сбегал домой (благо, что жил здесь же, недалеко, метрах в 200-х от кладбища). Принес нужные медикаменты из домашней аптечки, одежду, чтобы было во что переодеть спасенного. То же, что было на нем одето, бросили вместо него в яму. Пока Свирский отхаживал отжившего, двое остальных рабочих успели предать земле троих его товарищей и заровнять могилу. Затем пошли и доложили конвойным, что работа выполнена. Но немцы не беспокоились: кому нужны умирающие и, тем более,— уже умершие.

День подходил к концу, а в кустах на кладбище лежал человек, которого надо было спасти. Но как? Почти у самого ручья по улице Гагарина жили в небольшом домике супруги Анисим и Анна Филипповна Гавриловы. К ним и обратился с просьбой Свирский: приютить на два—три дня больного человека. Дом небольшой, на окраине поселка, живут пожилые люди, не заглянут сюда ни немцы, ни полицаи. На это и был сделан расчёт. Зато сюда стал

регулярно заглядывать тот, кто спас полуживого мужчину, кто его выходил. Через несколько дней он настолько окреп, что мог ходить. А задерживаться ему здесь нельзя было. Дед Анисим сопровождал воскресшего из мёртвых до деревни Альховик, где жили родственники Гавриловых. Они, вероятно, и помогли раненому бойцу перейти линию фронта. Уходя, он обещал обязательно побывать в Лиозно и встретиться с теми, кто спас ему жизнь. Назвался он Иваном и сказал, что родом из Сибири. Больше о нем никто ничего не слышал. История спасения пленного осталась тайной семьи Гавриловых и тех троих, кто совершал то захоронение. Не будь это тайной и стань достоянием полицаев, фрицев, пришлось бы всем пятерым расплатиться за свой подвиг жизнью. Все стало известно только после освобождения Лиозно. Однако никто этим глубоко не заинтересовался, и факт захоронения тех остальных, действительно умерших, остался неизвестным. Только дед Анисим поставил на этом месте деревянный крест, сделал песчаную насыпь на братской могиле. А Анна Филипповна в праздничные и поминальные дни приносила венки и цветы. Не мог забыть об этом захоронении и Свирский. Приходил сюда, вспоминая прошедшее и поминая добрым словом тех, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины и остался безвестным в своём подвиге во имя Отечества.

После освобождения Лиозно школьные приспособленные помещения были разбросаны по многим улицам поселка: Садовой, Комсомольской, Шоссейной, 1-й Слободской.

На улице Гагарина тоже в уцелевшем домишке обучались младшие классы. Анна Филипповна Гаврилова, как и до войны, продолжала работать в школе техничкой. Школа работала на две смены, женщина—тоже. Она жила почти рядом со школьным зданием, приходила раньше всех и уходила последней. Ей очень нравилась эта работа. Она не только выполняла добросовестно свои прямые обязанности, но и была хорошим воспитателем. Дети любовно обращались к ней "тетя Аня". И тетя Аня могла разобраться в возникших ситуациях не хуже любого учителя, хотя своих детей у нее не было.

Однажды она обратилась к дежурной учительнице с просьбой отпустить ее раньше с работы: надо было сходить в лес за зеленью, сделать веночек на могилу тех безвестных, кого она поминала все эти годы. Ведь завтра — традиционный поминальный день, и она, как и все добрые люди, должна побыть на кладбище и отдать дань уважения и памяти тем, на чью могилу никто никогда не приходит. Дежурный педагог не возражал: пусть себе идет, куда ей надо. Зато одна из учительниц, которая недавно приехала из эвакуации из советского тыла, награжденная орденами и медалями за доблестный труд, наиболее авторитетная в коллективе, коммунист, сказала, обращаясь к Анне Филипповне: "Вы напрасно ухаживаете за могилой и чтите память тех, кто захоронен там. Ведь это военнопленные. Они сдались врагу, значит это — изменники Родины". Женщина пыталась возразить, говоря, что тех людей пытались заставить служить немцам, но они не согласились, приняв мученическую смерть. Но свою коллегу поддержали некоторые учителя, доказывая, что сдача в плен — это измена, надо было умереть в бою, но не сдаваться.

Тогда вообще большинство людей придерживалось подобного мнения: мол, плен — это предательство. Потому-то и оставалось данное захоронение без внимания. Когда производили перезахоронение с других кладбищ на центральное, воинское, размещенное по улице Ленина, напомнили местные жители одному из ответственных за это мероприятие лицу о тех, кто погиб в бою или умерших в госпиталях от ран. Относительно же малоизвестного захоронения на кладбище возле льнозавода никаких указаний не поступило, а делать это самостоятельно никто не рискнул.

...Ушли из жизни старички Гавриловы. Давно не стало Тита Свирского. Время сравняло холм, не стало на могиле креста. Те, кто ничего не знал об этом, выбирали здесь места для новых захоронений, только наталкивались (по слухам) на множество останков не такой уже и давней могилы.

В этой грустной истории нет ни вымысла, ни преувеличения — все достоверно. Вот только знают о ней не многие. Поисковые отряды, экспедиции отправляются по местам боев, открывают новые страницы прошедшей войны, устанавливают имена погибших. А здесь, прямо в городском поселке, могилы, захоронения остаются безвестными. Это относится к описанному захоронению на гражданском кладбище, на городском стадионе, где на месте фашистской виселицы был захоронен не один десяток казненных людей, чьи имена остаются

пока неизвестными. Но если установить их нет возможности, то бесспорен сам факт. Поэтому эти святые места должны, по крайней мере, быть увековечены, иметь какой-то знак — дань нашей памяти и глубокого уважения к подвигу людей, отдавших свою жизнь ради счастья и независимости любимой Родины.

Просто подумать об этом мало. Надо еще и предпринять, на мой взгляд, определенные шаги. На святой Руси немало памятников старины, воздвигнутых на людские жертвоприношения. Наш народ во все времена откликался на подобные призывы. Стоит вспомнить времена Великой Отечественной войны, когда с каждым новым выпуском Государственного займа приходилось обращаться к голодным, раздетым, без крова над головой людям: "Помогите"! Надо добить врага", "Помогите! Идет восстановление народного хозяйства". И те откликались, помогали всем, чем могли. Теперь это сделать гораздо проще. в материальном плане, но вот в духовном, к сожалению, мы что-то утратили. И, тем не менее, хочется верить в лучшее. Да будут воздвигнуты знаки памяти на стадионе, на старом городском кладбище и возле Адаменской рощи, где на месте захоронения нескольких сотен людей стоит лишь жалкая одинокая безымянная стелла. Это наш долг перед теми, кто ради нашего сегодняшнего мирного дня не пожалел самого дорогого — собственной жизни.

ЧТО СПРЯТАНО В БУЁВСКОМ ОЗЕРЕ // Сцяг перамогі. – 2008. - №1.

У молодежи и подростков нашего Лиозно название этого водоема ассоциируется с летним отдыхом: излюбленным местом купания, рыбалки. А в морозную пору он привлекает любителей зимних видов спорта. Что касается людей старшего поколения, то для многих из них упоминание о Буёвском озере вызывает воспоминания о Великой Отечественной. И действительно, оно чем-то похоже на человека, прошедшего через войну и получившего множество пулевых, осколочных ранений. Но не всё удалось извлечь из искалеченного тела... Некоторые невидимые «подарки» военной поры и сегодня сидят глубоко внутри и неизвестно, как поведут себя в будущем.

Вот уже более полувека таятся в водах Буёвского озера боеприпасы военной поры. Возможно, кому-то данное утверждение покажется мало правдоподобным. Для того, чтобы читатель почувствовал достоверность происходившего в дни оккупации, следует рассказать о том времени немного поподробнее. А ещё о том, что довелось пережить однажды жителям Лиозно, уже познавшим на себе ярмо немецкой власти, голодное существование, тоску по близким, ушедшим на защиту Родины.

Практически никаких известий с Большой земли. Правда, наши самолёты регулярно налетали на крупный железнодорожный узел - г.Витебск, сбрасывали бомбы на вражеские позиции, скопления войск, мосты, дороги. Заслышав звук своего самолёта, люди выбегали из домов с радостными возгласами: «Наш! Наш!». Хотя с такой высоты нелегко было попасть в цель, но эти ночные бомбардировки вселяли веру, а листовки, которыми была усыпана земля после их ночных визитов, несли правду о положении дел на фронтах. Их следовало сдавать властям. Люди это делали не без удовольствия: дескать, читайте, знайте, что и вас бьют. Каждая листовка начиналась словами: «Смерть фашистским оккупантам!».

Шёл второй год войны. Жители 1-й Слободской почти все выбрались из своих жилищ и были заняты обмолотом и очисткой собранных колосьев, так как других хлебных запасов у них не было. Послеобеденное солнце щедро светило и грело. Приятно, что улица свободна от оккупантов, только в комендатуре в русской школе находилось несколько человек, да на кухне и в конюшне для приготовления пищи и для содержания гужевого транспорта были оставлены солдаты, в основном поляки, которые привлекали, в свою очередь к выполнению этих работ местное население. В райцентре уже нечем было поживиться, поэтому «штатные» оккупанты редко появлялись здесь.

И вдруг с северной стороны с поля почти на уровне телеграфных столбов появился самолёт. Наш! Советский! С красными звёздами на крыльях. Все просто опешили: откуда ему взяться в таком глубоком вражеском тылу? Видимо, это фашист для маскировки «нацепил» звёзды. Люди, взволнованные увиденным, смотрели в небо, не отрывая взгляда и ожидая, что самолёт

поднимется высоко вверх. Но он этого не сделал и вскоре исчез где-то за руинами, что в центре горпосёлка. Наблюдавшие решили: упал, видно, горючее кончилось, потому и летел так низко...

Неожиданно в стороне железнодорожного вокзала раздались два взрыва, один за другим. Сбили немцы! Значит, это был всё-таки наш самолёт. Но врагу в ту минуту было неизвестно, кто сбросил две бомбы на составы, что мирно «отдыхали» на запасных путях. Две-три минуты - и в ответ на бомбовые начали взрываться боеприпасы, находившиеся и в вагонах на запасном пути. Фашисты предполагали, что часть из них начинена химическими отравляющими веществами. Тут же раздался сигнал воздушной тревоги. Завыла сирена. Захлопали, наконец, зенитки, ища в ясном безоблачном небе воздушного врага, которого пропустили, не заметили. Ведь они были бдительно нацелены высоко в небо, где лишь ночью появлялись советские самолёты. Как ни стремительно действовал наш лётчик, всё-таки появление его самолёта не осталось незамеченным не только для некоторых жителей Лиозно, но и для группы немцев, находившихся в районе железнодорожного вокзала. Те сразу же сообразили, зная о смертельном грузе на запасных путях, какую угрозу несёт этот бесстрашный русский ас. Поэтому все фашисты разом бросились в бункер. Это было довольно надёжное укрытие с брёвнами в три наката, рассчитанное человек на 10-12. Имелась телефонная связь вдоль железной дороги в сторону Москвы и Витебска.

Обходчик путей Василий Х. возвращался в тот день после работы из Заольши. Приблизившись к Лиозно, увидел, что творится на запасных путях и растерялся: куда бежать, что делать? Но тут появился немец и приказал следовать вместе с ним в бункер. Там уже было полно фашистов. Они вполголоса о чём-то переговаривались между собой, а в это время их офицер что-то громко кричал по телефону. Мужчина понял, что какой-то русский самолёт сбросил бомбы на вагоны, отчего начали взрываться находящиеся там боеприпасы. Ещё фриц требовал срочно прислать не то бронелокомотив, не то какую-то другую технику, чтобы растащить в разные стороны небезопасные вагоны.

Но помощь пришла только назавтра. Почти двое суток взрывались потревоженные боеприпасы. В самом Лиозно фашисты знали об истинном положении дел, но на так называемой периферии мнение о сложившейся здесь обстановке было далеко неоднозначным. Как бы там ни было, а местный участок железной дороги на несколько дней вышел из строя. Надо было сначала устранить завалы, а затем приступить к ремонту. Сами оккупанты не стремились участвовать в этой работе. Поляки же, которые несли охрану данных составов, в основном были ранены при бомбёжке. Один, как следовало из рассказа соседей Алейниковых, к которым тот заходил незадолго до этого налета, погиб.

Когда взрывы прекратились, немцы согнали население со всех улиц, чтобы расчистить дорогу для предстоящего ремонта. Снова-таки руководили этой работой поляки. Сами «хозяева» не хотели получать здесь, в тылу, а не на фронте, увечья и расстройства здоровья. Знали, какой «гостинец» в тех вагонах и почему их нигде не хотят принимать. Дело в том, что у оккупантов не было единого мнения в отношении применения подобных веществ. Те, кто производил это оружие массового поражения, старался поскорее сплавить его на фронт, особо не задумываясь над тем, что немцам-фронтовикам оно также может навредить не меньше, чем врагу. А у находящихся в тылу тоже не было особо большого желания держать всё это у себя «под носом».

Как бы там ни было, а люди, собранные на расчистку путей (в основном женщины, босоногие подростки, старики и инвалиды,) не были предупреждены о предстоящем виде работ и о той опасности, которая с ними сопряжена. В результате все или почти все выходили на уборку улиц с метлой или лопатой, кто-то захватил с собой тачку или ручную тележку. Было несколько конных подвод. У местного жителя И, имелась лошадь. Сам он приболел, поэтому на повозку в тот раз села его старшая дочь Надя. Ей и до этого не раз уже приходилось, помогая отцу по хозяйству, управлять лошадью. Сегодня же здесь были две или три телеги, на которых работали мужчины. Надя должна была делать то же, что и ехавшие впереди: подъехать к вагону, из которого мужчины доставали огромные бомбы или снаряды (она их не различала), вдвоём поднимали такую штуку и осторожно укладывали её на солому рядом с возчиком. Затем лошадка Нади, следуя за другими, добиралась до пологого берега озера. Там двое мужиков принимали привезенный груз, шли с ним к специально устроенным сходням, по которым и спускали свою опасную ношу прямо в воду. Озеро тихо, безропотно принимало один за другим зловещие «подарки», отвечая на каждый из них тихим бульканьем пузырьков.

До войны Надя училась в медучилище. Сдала нормы на значок ГССТ (готов к санитарной обороне). Все студенты носили такие значки, и Надя тоже. Не думала тогда, изучая курс по сан подготовке, что в жизни придётся наяву встретиться с боевыми отравляющими веществами. Вспомнилось, что какое-то из них имеет запах листьев герани. От соломы, на которой сидела девушка, действительно исходил именно этот резкий запах. Неужели отравляющий газ? Потому и бёдра, и голые голени словно огнём жжёт. Да и поляк, командовавший на путях, ещё в начале объяснил, почему всякий хлам и осколки собирают в вагон и будут отправлять в Германию на переплавку. Мол, это, дескать, большевистские снаряды со смертоносной «начинкой», которые те хотели применять в войне, но мы им помешали. Их надо уничтожить, но не взрывать, не сжигать, не закапывать в землю нельзя. А надо потопить: озёрная илистая глубина погасит силу этого зловещего оружия. То, что это наши боеприпасы, было чистой ложью, желанием фашистов и их прислужников обелить себя. Но то, что воды озера уже более шести десятков лет хранят страшную тайну, вымыслом не является.

Но возвратимся к судьбе девушки Нади, о которой говорилось выше и которая отнюдь не по собственной воле попала в столь сложный драматический переплёт. Здесь к месту будет сказать о том, что многие участники той «генеральной уборки», особенно дети, получили травмы не только от собственной шалости и беспечности (несли снаряды в кусты, бросали в костёр, в результате чего получили ранения и увечья). Некоторые подростки, имевшие соприкосновение с боеприпасами, после ходили с хроническими язвами, а кое-кто и умер.

Сделав три рейса до озера со своим небезопасным грузом, Надежда почувствовала себя совсем плохо, и её отвезли домой. Родителям сказала, что заболела. Пригласили доктора. Участковый врач Игнатий Власович Жариков был оставлен здесь по заданию партизан. В Альховике жила тогда его связная Ю. Э. Добрженецкая, от которой он получал необходимые сведения. Мужчина шёл по нужному адресу со своим служебным чемоданчиком, и чаще всего в его помощи нуждались трое малышей самой Юзефы Эдуардовны, а также другие заболевшие дети и взрослые. Вот и в тот раз, обменявшись новостями о событиях, которые происходили на железной дороге, Власович ещё немного побеседовал с Надеей и без особого труда установил причину её внезапной хвори. «На то я и доктор, чтоб всё знать», - отшутился он в ответ на расспросы девушки о том, как удалось ему так быстро поставить правильный диагноз. И подсказал родителям, к кому следует обратиться, чтобы вылечить дочь.

В одном из соседних домов жили бездетные супруги Козловы. Ещё в самом начале оккупации немецкий доктор, выбирая помещение для медпункта, остановил свой выбор на их просторном, без перегородок доме. «Квартирант» оказался добрым. Не выгнал хозяев из своего жилья. Они поселились за печкой. Зато за эту «ласку» должны были отапливать весь дом, чтобы не было холодно, и убирать помещение.

Домна Потаповна, мама Нади, решила пойти на поклон к этому немцу. Мол, говорят люди, у которых тот живёт, что он человек не злой, только не любит партизан, коммунистов-большевиков. Пришла к Козловым. «Что болит?» - произнёс их постоялец по-русски давно заученную фразу. Хозяйка дома стала наперебой объяснять ему, как могли, что это их соседка, что она добрая, не партизанка, но у неё очень больна дочь. Тот ответил, что он лечит только немцев, русских нельзя, запрещено даже заходить к ним. Но когда ему сообщили, что девушка в будущем собирается работать в аптеке, согласился взяться за лечение и даже делать это на дому у больной. От своего русского коллеги врач узнал что случилось с

Надей. Сказал, что будет звонить в Германию, а затем и сам туда поедет, потому что для излечения нужны специальные лекарства.

Как бы там ни было, но в течение месяца девушка начала поправляться. Родители Надежды хотели хоть чем-то отблагодарить пришедшего им на помощь доктора, но так ничего и не придумали. А он и не желал получать никакой награды. Был доволен уже тем, что сделал доброе дело, спас русскую девушку. Пусть знают все, что и среди немцев есть добрые люди.

Надя окончила специальное учебное заведение и всю жизнь посвятила аптечному делу. Никому и никогда не рассказывала о том, что произошло с ней в войну. Проживает с семьёй в Полоцке. Радуетя вместе с супругом своим детям, внукам. В Лиозно живёт её младшая сестра и другие родственники. О своём исцелителе по имени Курт, которому было тогда около 20 лет, никаких сведений не имеет.

После расчистки завалов на железной дороге и прилегающей территории была собрана ремонтная бригада из числа бывших железнодорожников из Витебска. Руководили ремонтом поляки-специалисты. Когда работа была закончена, к приезду проверяющих немцев все посыпали жёлтым песком, даже берег озера, с которого производилось затопление зловещего груза.

Надо отметить, что тот бункер, где прятались фашисты, они не разрушили, только внутри провели дезинфекцию. Позже, уже после освобождения, когда здесь располагался строительно-восстановительный участок УСВП-1, его начальник, прораб И. Л. Фадеев приказал данное строение уничтожить (а до того времени бункер служил «штабом» в ребячьих военных играх).

От нашей улицы участвовал в ремонте дороги всё тот же Василий Х. Его привлекли как работающего там путевого обходчика. Этому человеку каждый из немцев старался внушить, что утопили в озере именно русские боеприпасы и что они, немцы, сделали доброе дело, потопив их. А Василий сказал, что сам видел на этих снарядах не только «Яд! Опасно!» (череп и скрещенные кости), но и свастику на каждом из них. Строгий немец предупредил: «Если ты ещё раз такое скажешь, то мы и тебя опустим в ту же воду, чтобы ты там лучше всё рассмотрел». Товарищи тоже посоветовали помалкивать, мол, говори, пошутил, сам не видел, но люди говорили...

А в Лиозно вскоре появились крупные «шишки», которые искали виновников неожиданно случившегося налёта: кто мог дать такую точную наводку русскому лётчику? А ещё им надо было узнать, кто из местных жителей находится в настоящее время на воинской службе в лётной части. У Пазиковых что проживали в то время по улице Вокзальной трое сыновей были в красной армии. Один и в самом деле был лётчиком и приезжал домой ещё до войны в красивой лётной форме. Вот кто-то запомнил это и без злого умысла поделился мыслями с другими. Тогда ищейки из гестапо нагрянули в дом Пазиковых, чтобы окончательно выведать всю правду и поставить на этих поисках точку. Ею стало бы уничтожение родителей боевого лётчика и всех его ближайших родственников. Но хозяйева дома разочаровали непрошенных гостей, рассказав о том, что незадолго до войны их сын был отстранён от лётной службы по причине какой-то болезни. Так и ушли гестаповцы ни с чем...

В партизанской бригаде «Алексея» (А. Ф. Данукалова), как известно, с самого начала была установлена связь с Большой землёй посредством авиации (доставка медикаментов, эвакуация раненых на стационарное лечение и т.д.). Данукаловцы - партизаны помнят то, как прилетел из Москвы из штаба партизанского движения лётчик-ас и отсюда среди белого дня поднялся и, перелетев через всё Лиозно, сбросил две бомбы на фашистские составы, стоящие на запасных путях, а затем улетел. Кто это был, неизвестно.

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор благодарит за помощь в написании данного материала Надежду Игнатьевну Колотилину, проживающую в г. Полоцке, о которой шла речь выше. Мы же, в свою очередь, обратились за комментарием к военному комиссару района С. Л. Шабунину, ответ которого приводим ниже.

«Действительно, в озере Буёвское было затоплено большое количество взрывоопасных предметов времён ВОВ. По имеющимся данным, в период с 1993-го по 2006 годы ряд взрывоопасных предметов были извлечены и обезврежены, в том числе, специфические боеприпасы, не применявшиеся в ходе ведения боевых действий в данном районе, например, морские мины, что даёт основание предположить о затоплении боеприпасов после уничтожения (повреждения) железнодорожных составов. Что же касается боеприпасов, начинённых химическими отравляющими веществами, то в 2005 году под руководством начальника инженерной службы войсковой части 52287 гвардии подполковником И. И. Занько было произведено обследование dna озера Буёвское, в ходе которого было обнаружено большое количество обычных боеприпасов. Взрывоопасных предметов, начинённых отравляющими веществами, обнаружено не было. Лиозненским районным исполнительным комитетом в декабре 2007 года была направлена заявка командованию в/ч 52287 о проведении работ по сплошному разминированию dna озера Буёвское в 2008 году.

Для справки: отравляющие вещества кожно-нарывного действия, а судя по симптомам, описываемым в статье, подходят иприт, имеющий запах горчицы, и люизит, имеющий запах герани,

имеют субстанцию в виде маслянистой жидкости, тяжелее воды и не растворяются в воде. В воздушной среде устойчивость составляет до нескольких суток летом и до нескольких недель зимой.

Районным центром гигиены и эпидемиологии неоднократно проводились здесь анализы воды и грунта, но ничего подобного обнаружено не было».

ПОЛЬЗОВАЛАСЬ УВАЖЕНИЕМ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ: Балина В.Н. //Сцяг перамогі. – 2006. №17.

21 января с.г. на 85-м году жизни перестало биться сердце дорогого нам человека - Валентины Никитичны Балиной.

Когда пройден большой жизненный путь, к этому можно относиться по-разному. Одни воспринимают его как наказание. Мол, эти бесконечные жизненные трудности... Другие, напротив, принимают своё долголетие как счастливый дар судьбы, предначертанный Всевышним: «Вот твой жизненный путь, а это программа твоих деяний, дерзай, будь, если сможешь, счастливым».

Валентина Никитична, конечно же, относилась к разряду последних. Она всегда говорила о том, что немало трудностей следует преодолеть, чтобы стать по-настоящему счастливой.

Деревня Михалиново, где родилась Валентина, в то время была многолюдной, обжитой латышам и переселенцами и местными поселянами. До этого у Никиты Яковлевича, её отца, были за плечами четырёхклассная церковно-приходская школа, служба во флоте, затем - участие в первой мировой войне, на военном корабле в качестве матросом, пленение, освобождение из плена и возвращение на родину.

Крестьяне-земледельцы, как правило, всегда имели многодетные семьи. Не стала исключением в этом отношении и семья Селибакиных: четверо девочек да двое мальчиков. Односельчане видели, какими растут их дети и по-хорошему завидовали: ласковые и вежливые со своими сверстниками и взрослыми, чуткие и добрые. Почему? Да потому, что всё исходящее от отца-воспитателя, каким был Никита Яковлевич, благотворно влияло на детей. Ласка и требовательность - такому мудрому методу он следовал. Ребят называл ласкательно: Ниночка, Танечка, Коленька и т.п. На вопрос детей, почему старшенькую отец называет Валентиной, отвечал: «Она старшая не только по годам, но и умеет писать, считать, короче, она - учительница, и вы должны её слушаться». Сказано было вроде бы в шутку, а получилось всерьёз. Пройдёт время, и Валя станет настоящим педагогом, но для этого ей ещё надо будет много учиться.

В начальную школу приходилось ходить 6 километров туда и обратно. А затем до Велешковичской семилетки - вдвое больше. Скажи это нынешним ученикам, не поверят: как такое возможно? Ежедневные подобные мучение! А те ученики считали за счастье идти по глубокому снегу в худой обуви, принимая за радость, что их вообще отпустили в школу и что они получат знания, а затем - и специальность.

Руднянское педучилище для нашей землячки было доступнее других: и расстояние ближе, и билет дешевле, и пешком можно пройти 20 километров. Именно туда и поступила Валентина Никитична вместе со своими одноклассниками-односельчанами. Белорусские школы готовили хороших абитуриентов для этого учебного заведения. Окончившие его с похвальной грамотой, отправлялись на работу в семилетние школы.

Но наступила тревожная пора. Известно, что в 1939-1940 г.г. были призваны в Красную Армию на срочную службу все учителя, которые до того времени пользовались льготой отсрочки. Пришлось направлять на их места выпускников педучилища. Валентина Никитична одна из первых и была назначена преподавателем истории и русского языка в своё же учебное заведение. Завуч педучилища К. М. Гусев, преподаватель истории, лично предложил её кандидатуру. Таким образом, она сначала работала в начальных классах, а затем вела историю. Теперь Валентина реже бывала дома, но помогала отцу материально, ведь она уже получала зарплату. А в семье в то время была довольно сложная обстановка. Внезапно умерла мать и на руках у отца осталось четверо детей-школьников, а также дочь Шура, студентка Витебского медучилища.

В 30-е годы происходили большие преобразования в деревне: колхозное строительство, упразднение хуторской системы - переселение жителей хуторов в посёлки. В результате этого многие крестьяне, в том числе и Селибакины, остались без жилья. Никиту Яковлевичу, отцу Валентины, довелось жить вместе с детьми во времянке. Валя сэкономила каждую копейку, чтобы помочь семье. Зимой приходилось ходить в лёгкой обуви (тогда не шили утеплённых сапожек). Рядом с Селибакиными жил латыш Владимир Яковлевич Балин. Соседи дружили между собой. У Балина также, как и у Селибакина, скоропостижно скончалась жена, оставив двоих сыновей: 12-летнего Анатолия и 10-летнего Арвида.

Глава семьи обратился к Вале с просьбой, чтобы та помогла его детям справиться с летними заданиями, которые они получили. Валентина очень серьёзно отнеслась к роли учителя-репетитора. В результате мальчиков перевели в следующие классы. У них появился интерес к такой доброй учительнице и они выразили желание, чтобы Валентина Никитична и впредь приходила к ним, давала им различные поручения, а попутно учила их всему тому, чем овладела сама.

Присутствие строгого педагога помогло братьям справиться с такой бедой, как потеря любимой матери. Вначале у их отца не было никаких прочих мыслей, кроме как о том, чтобы получше устроить судьбу своих детей. Но, как известно, время ставит всё на свои места: между молодой учительницей и отцом её воспитанников возникли определённые чувства. Да к тому же и Никита Яковлевич не желал для своей дочери лучшей партии, чем Владимир Балин, Да и сама Валентина привязалась к своим неожиданным воспитанникам. Понимала, что если она оставит их, то нанесёт детям тяжёлую травму. Не думала о разнице в возрасте, Валентина Никитична согласилась на брак с соседом, и была права, что впоследствии подтвердилось временем. У Анатолия и Арвида вскоре появились три сестрички: Лилия, Ольга и Надежда. Получилась крепкая семья. Братья нянчились с сестрами, помогали отцу строить новый дом, так как жили ещё в землянке: учителей в то время не баловали квартирами.

Валентина Никитична работала сразу в двух школах - СШ № 1 и № 2 г.п. Лиозно. Преподавала в начальных классах, заменяла учителей русского, белорусского языков, вела историю. Когда перешла работать в школу № 2, вступила в ряды КПСС, и вскоре была избрана секретарём парторганизации этой школы. На данной должности проработала вплоть до ухода на пенсию. Её общественная деятельность только этим не ограничивалась: была длительное время руководителем методического объединения учителей начальных классов района. Как лектор общества «Знание», постоянно выступала в трудовых коллективах горпосёлка, являлась частым гостем и в подшефном совхозе «Адаменки», где на её педагогические лекции всегда собирался полный зал в местном сельском Доме культуры.

Постоянная занятость не вызывала упреков и укоров со стороны сыновей и мужа. Они помогали ей во всём. Дети получали образование без отрыва от производства. Затем окончили ВУЗы и даже преподавали в них. Давно ушёл из жизни глава семьи, но родной дом не потерял своего значения для детей. Теперь, уже со своими семьями, они стремятся сюда. Неотлучно в последние годы жизни Валентины Никитичны рядом с ней была дочь Лилия, которая в своё время также получила профессию педагога и более тридцати лет отработала на этом поприще. Да и не только своих детей направляла мать на педагогическую стезю. В нашем районе, да и не только здесь, преподают сегодня её ученики, захотевшие быть похожими на свою первую учительницу.

Родина по достоинству оценила труд В. Н. Балиной. Она отмечена многочисленными грамотами, значком «Отличник образования» и в 1965 году была удостоена звания «Заслуженный учитель школы БССР». Имеет медаль «Ветеран труда».

В 1975 году Валентина Никитична вышла на заслуженный отдых, но, уже будучи пенсионеркой, продолжала работать воспитателем в детском саду № 2 г.п. Лиозно.

Следует отметить её высокое человеколюбие. «Без любви к людям вообще не может состояться ни писатель, ни учитель» - эти слова Макаренко хорошо усвоила в своё время наша землячка. Потому и любила она своих питомцев, умела найти метод, средства, которые бы помогли научить лучшим образом, А ещё с большим желанием бралась за обучение и воспитание «сырого» ученика, с которым учителю легче установить контакт. Всегда старалась приблизить к себе именно тех, кого в классе недолюбливали. Никогда не имела любимчиков: для

неё все дети были равны. При комплектовании классов не отказывалась от слабых и неавторитетных: была уверена, что они под её воздействием сравняются с лучшими.

Валентина Никитична всегда была готова прийти на помощь своим коллегам, поделиться опытом, умением, навыками, планами на будущее.

В день похорон заслуженной учительницы с ней пришли проститься не только коллеги, соседи, но и её бывшие ученики. Запомнился один из них. Преклонив колена, он обратился к своему бывшему педагогу со словами прощания: «Вы были известной учительницей, которая из таких, как я, делала людей».

И эта лучшая награда за многолетний труд.

СПАСЕННАЯ ПРАВЕДНИКАМИ МИРА: воспоминания о Беловой Р.В. //Сцяг перамогі. – 2005. - №81, 83, 84.

Великая Отечественная война... Самая величайшая и кровопролитнейшая. Она вот уже седьмой десяток лет волнует умы и сердца не только тех, кто в ней участвовал, но и тех, кого она затронула косвенно, кто читал о ней, смотрел кинофильмы, слушал воспоминания очевидцев. Потому и не сходит эта тема с экранов телевидения, со страниц информационной печати. Немало рассказывается о том времени и в районной газете. Много уже забыто. О многом в скором времени некому будет поведать; всё меньше остаётся свидетелей той суровой поры. Но пока память ещё торопливо выхватывает из потока забвения события и лица, о которых надо рассказать.

Многие жители Лиозно, да и района, знали ушедшую недавно из жизни Белову Раису Владимировну, бывшего библиотекаря парткабинета Лиозненского райкома КПБ. Но мало кому известно о её поистине нелёгкой судьбе.

Девочка росла в благополучной семье, где было четверо детей. Две старшие сестры работали: одна - продавцом книжного магазина, вторая - бухгалтером РОНО. Брат учился в школе. Рая с детства мечтала о профессии учителя. Много читала, дарила друзьям книги, любила получать их в подарок. В их доме стояли две большие этажерки из ореховых прутьев, заполненные книжными изданиями. Много книг имеешь - значит будет много друзей. Нынешним учащимся, пресыщенным телевидением, различными другими СМИ, трудно представить, как не просто было в то время найти и прочитать нужную книгу. А у Раи такая возможность была, и она охотно помогала в этом своим друзьям.

В воскресенье, 22 июня 1941 года, с самого утра праздничные толпы вчерашних выпускников гуляли по городу, радуясь окончанию школы и предстоящей студенческой жизни. Им не хотелось принимать всерьёз замечания прохожих: дескать, развеселились, а чедь война! Молодые люди не сразу ^верили такому сообщению: ведь заключён же пакт между СССР и Германией о ненападении. Но, убедившись в его действительности, ребята решают направиться в военкомат, чтобы не только окончательно удостовериться в данном факте, но и в случае необходимости предложить свои услуги. Разве мало среди них обладателей значков ГТО, БГТО, ГСО? И не только юноши, но и девушки также имеют значок "Ворошиловский стрелок I степени». Разве не к защите Родины готовились они, сдавая соответствующие нормативы?

Вот с такими мыслями явилась молодёжь во главе со своим комсоргом в военкомат. Впоследствии Раиса Белова вспоминала, как бойко она излагала цель своего визита сюда дежурному. Не дослушав её до конца, тот посоветовал девушке и её спутникам разойтись по домам и не сеять панику. В случае же необходимости их пригласят.

Но не паника, а самая что ни на есть зловещая война катилась с запада, громыхая разрывами бомб и снарядов. На Минск, Киев, Витебск и другие города начали падать первые вражеские бомбы. Уже вечером того же дня в дома пришли первые повестки о явке в райвоенкомат

В течение трёх последующих дней на опушке Адаменской рощи формировались колонны мобилизованных. Их отправляли на вокзал, а оттуда - в разных направлениях, большинство - на Западный фронт. По шоссе непрерывным потоком двигались на восток наши отступающие воинские части: шли пешком, ехали на подводах, семьями передвигались гражданские лица. Учреждения закрывались незаметно. На дверях оставались лишь надписи: «Все ушли на фронт». В аптеке находилась дежурная. В больнице вёл приём И.В. Жариков. Семья его давно уже выехала. А он так и остался в Лиозно на все годы оккупации. Как впоследствии выяснилось

~ со специальным заданием. Магазины уже несколько дней не работали. Людей осталось совсем мало. Ушли: кто в эвакуацию, кто в деревни. За ночь вражеские самолёты усыпали листовками всю землю, в которых призывали население к спокойствию: дескать, германская армия идёт с благородной миссией, чтобы освободить народ от коммунистов, комсомольцев, евреев. Местные жители должны были оказывать всяческое содействие «армии-освободительнице».

Раиса вскоре хорошо поняла, что её ждёт с приходом оккупантов: мало того, что еврейка, так вдобавок к тому ещё и комсомольский вожак.

Самыми последними отступали красноармейцы, которые должны были поджигать дома, чтобы врагу не досталось жилища. Женщины и дети со слезами на глазах просили не делать этого - иначе им негде будет жить. Те, в свою очередь, отвечали, что такой приказ поступил сверху и он должен быть выполнен. Но так как люди вслед гасили разбросанные зажигалки, сгорело лишь несколько домов, в том числе и тот, где жила семья Беловых. Пришлось идти по родным и знакомым. Раю приютила одинокая женщина Фруза Фитисон: так она стала её племянницей Машей, которая, якобы, пришла к тёте из Витебска. В горпосёлке, как перед бурей, воцарилось тревожное затишье. Правда, нашлось несколько отчаянных смельчаков, которые, взломав замки на продовольственной базе, складах раймага, смогли унести оттуда часть товаров. Но продолжалось это недолго, до тех пор, пока не вошли в город немцы. Новые хозяева тут же навели свой порядок, поставив везде стражу. К счастью, в каждый дом попало хоть немного пшеничной муки, а трубки ситца потом ещё долгое время делили то в одном, то в другом месте. Несколько раз новые власти пытались организовать обыски с целью найти растраченное, но всё было тщетно.

На СНИМКЕ, сделанном в 1947 году в пионерском лагере д. Полёновка (слева направо): Р. В. Белова (повар), В. С. Смирнов (физрук), Е. П. Гречишников (заместитель воспитателя) - нижний ряд, А. В. Дорожкина (начальник лагеря), М. Д. Ермолаева (старший воспитатель, заместитель начальника лагеря), Романовская (вожатая) - верхний ряд.

Как и обещали фашисты в своих листовках, вскоре началась подготовка к массовой расправе с мирным населением. Было объявлено, чтобы все граждане еврейской национальности собрались на площади, якобы для того, чтобы точно знать количество людей, которым необходимо выдавать хлебные карточки. Никто не верил этому, но все понимали: не пойдёшь сам - приведут под дулом автомата. Полицаи шныряли повсюду: проверяли временки, сараи, окопы, выгоняли всех, кого находили, к указанному месту сбора. Подозревая неладное, люди, тем не менее, не верили в худшее. Никто из них не хотел даже допускать мысли о том, что их ожидает самое страшное - смерть. И поэтому они мирно разговаривали друг с другом, обменивались новостями в ожидании высокого начальства.

Наконец перед собравшимися появился комендант в сопровождении двух офицеров-переводчиков. Он зачитал какой-то текст на немецком языке, который офицеры поочередно переводили на русский. Выступление было коротким и малопонятным. Ясно было лишь одно - великая Германия проявляет заботу обо всех народах и хочет, чтобы каждый из них имел своё определённое место жительства. «Сегодня мы вам покажем ваше новое место жительства», - было сказано в заключение.

Затем подъехали два автобуса, из которых вышли фашисты в чёрной униформе, быстро подошли к толпе, построили всех в колонну, стали по сторонам и все двинулись вперёд. Несчастные обречённые люди наконец-то осознали весь трагизм ситуации. Толпа

оглушительно взывала. Закричали сопровождающие её каратели, пытаясь утихомирить идущих в колонне.

Пока шли от улицы Комсомольской, смогли убежать трое. Одна из женщин бросила уснувшую на руках четырёхлетнюю дочку стоявшей на обочине Анне Виноградовой и крикнула ей: «Забери и вырасти мою девочку! Я уйду на смерть!». Вторая, Соня Путина, неизвестно каким образом смогла вместе с 5-летним сыном отстать от этой колонны. Позднее стало известно об этом факте, когда Миша Путин уже учился в нашей школе, находящейся в то время по улице Садовой. Одиннадцатилетней девочке также удалось выскочить из колонны и вбежать в дом Герасима Воронцова. Его жена, Анна, несколько дней спустя отвела её в Кольшки, откуда несчастного подростка смогли переправить через линию фронта в тыл. Почти таким же образом спаслась и Паля Шлоосберг, известная потом в Лиозно, как Галя Бейтман. Позднее она работала в отделе народного образования.

Ещё есть в живых те люди, которым более подробно известно о том, что было описано выше. Надеюсь, что они отзовутся и сообщат о себе в газету.

Что касается Раи Беловой, то ей посчастливилось избежать страшной участи. В ту пору она была больна, не вставала с постели и не знала, что произошло в Лиозно. Раису разыскала одноклассница из д. Дубровка, которая пришла к ней вместе с матерью, чтобы сообщить своему бывшему комсorghу и подруге о том, что случилось. И этим известием они взвалили на плечи бедной девушки непомерный груз несуществующей вины: все последующие годы она считала, что свою жизнь оплатила страшной ценой - ценой многих и многих жизней. Нередко утверждала, что ей надо было идти вместе со всеми, протестовать, поднять людей против карателей, отбиваться от них всеми возможными средствами, чтобы так запросто не отдать себя на погибель врагу.

Оккупанты не покидали в покое оставшихся. Каждый из местных жителей, начиная с 12-13 лет и до самых пожилых, с лопатой а руках должен был явиться или же на ремонт дороги, или же на снегоочистительные работы. В тот день непрошенные гости появились в доме тётки Фрузы Фитисон, приютившей Раису Белову, с последним предупреждением: либо она, уже несколько дней не выходящая на работу вместе со своей племянницей явится туда завтра, либо они будут брошены в подвал и наказаны. Женщина, оправдываясь, говорила, что её племянница больна и у неё нет ни обуви, ни одежды. В ответ услышала, что до этого нет никому никакого дела. Господам оккупантам нужно, чтобы каждый день все были в сборе.

А у фельдкоменданта в это время были две радости: первая - победа над несколькими сотнями евреев (по генеральному плану «Барбаросса» их, мешающих быстрому продвижению германской армии к победному концу, надо было уничтожить. Вчера он доложил в Берлин об успешно проведенной операции, за что получил личную благодарность фюрера); вторая - приезд жены на побывку к прославленному мужу-фронтовику для ещё большего поднятия боевого духа. Но живёт фельдкомендант, к его сожалению, не в благоустроенной квартире, а в бывшем деревянном здании райкома комсомола. Здесь - печное отопление, нет кухни. Она располагалась рядом, по ул. Шоссейной, в бывшей школе, откуда и приносил обеды его денщик. Теперь, с появлением супруги, уместно было бы взять в услужение кого-нибудь из местных девушек. С этим вопросом он и обратился на биржу труда, где на учёте состояло немало вчерашних студентов: Соня Новикова, Фаина Державцева,

Людмила Гречишникова и другие. Посоветовавшись между собой, те решили устроить на это довольно надёжное место Раю Белову: иначе бы её могли обнаружить на нынешней квартире, не без помощи местных предателей. Когда с этим предложением Аня Гречишникова (Филипповская), которая, кстати, и сейчас проживает в г.п. Лиозно, пришла к Раисе, между ними состоялся непростой разговор. Анна Ивановна хорошо помнит, сколько трудов стоило ей убедить девушку в необходимости принять такое решение: пойти в услужение к врагу. Страх, отвращение и лютая ненависть, овладевшие Раисой, не проходили. Но, немного погодя, успокоившись и поняв, что главную роль в этой семье отыгрывает супруга коменданта, только что прибывшая из Германии, она согласилась. Анна, приведшая Раю, объяснила той, что она будет служить именно госпоже. Немка, в свою очередь, выразила недоумение по поводу того, что её прислуга такая молодая и худенькая. Надо, мол, поговорить с её родителями, чтобы кормили дочку получше. В ответ на что ей было сообщено, что родителей у девушки нет, жила она в Витебске, отца-священника коммунисты отправили в тюрьму, мама умерла, а в Лиозно

она пришла, чтобы найти дальнюю родственницу, тётю, которая живёт очень бедно. Всё это сыграло на руку Раисе.

Её служба состояла в том, чтобы топить печи, убирать помещение и приносить из кухни контейнеры с приготовленной пищей. Было невыносимо тоскливо видеть одни и те же ненавистные физиономии, слышать одни и те же слова о том, какую жизнь тут построит великая Германия и о том, что фройлен Мария (так себя назвала Раиса) при старании может остаться служанкой у своих нынешних господ: ведь вскоре фельдкомендант получит в России большое землевладение. Но разговаривать со своими господами ей придётся по-немецки. В то же время госпожа Шарлотта учила русский со словарём для общения со своими будущими подданными.

Когда хозяина не было дома, в квартире часто звучала немецкая бравурная музыка, выносить которую Раиса не могла. Но иногда комендантша включала волну, на которой можно было услышать советские песни, а также вести с фронта. Вспоминая это, Рая утверждала, что именно голос Москвы вселял в неё веру в победу, пробуждал желание жить.

К тому времени подруги из биржи труда через связных из партизанского отряда сообщили девушке, что её старшая сестра, проживающая в советском тылу, жива и здорова, и при первой возможности хотела бы возвратиться в Лиозно.

В 1943 году гитлеровский блиц-криг окончательно потерпел крах. Через Лиозно на Запад тянулись потрепанные остатки немецких частей, разгромленных в Сталинграде, на Курской дуге, под Москвой. И в Белоруссии партизаны активизировали свою деятельность. Предпринимаемые карателями меры не давали успеха. Пробраться к ним по заснеженным дорогам нельзя было ни на каком транспорте. Пробовали сделать это на санях-дровнях, но становились хорошей мишенью для находящихся в засаде партизан. С каждым таким выездом на воинском немецком кладбище добавлялось несколько свежих могил. Выехал как-то и сам комендант. Возвратился продрогшим, заболел. Через несколько дней самолет специальным рейсом увёз его в госпиталь, на родину, вместе с женой. Про Раю совсем забыли, и она получила возможность уйти восвояси.

День освобождения Лиозно от ненавистных оккупантов стал радостным праздником для всех местных жителей. А для Раисы Беловой он был омрачён новыми испытаниями. Она и сама терзала себя: «Что я сделала для Родины, для будущей победы? Ничего. Лишь Только сберегла свою жизнь». Девушка знала, что ей придётся отвечать перед комсомолом, перед земляками. Но более тяжким было то, что её обвинили в измене Родине, пособничестве немцам, более того – в том, что она якобы сожительствовала со злейшим врагом, местным главарём фашистов, в чём она никак не могла оправдаться. Раю арестовали. Показания подруг, устроивших девушку в прислуги в дом к коменданту с целью сохранить ей жизнь, в расчёт не были приняты. Правда, несколько облегчила её участь справка от госпитального врача, снявшая с Раисы грязное обвинение в сожительстве со своим хозяином. А за всё остальное, сказали ей, придётся держать ответ.

Вот как вспоминала впоследствии то время сама Раиса Владимировна: «Ежедневно ходила на расчистку улиц от завалов. Под арестом меня не держали, зато почти каждый вечер сопровождали на допрос в соответствующие органы: хотели выяснить, в чём состояло моё пособничество врагу. Жила в землянке у знакомых, ходила полуголодная, была одета в чужие обноски, не по-зимнему. В результате меня свалила болезнь». Девушка уже собралась умирать, поскольку не было откуда ждать помощи, ни надежды на лучшее. Но как раз в эту пору, на её счастье, возвратилась из эвакуации семья Смирновых, в которой вырос будущий полпред Виталий Степанович. Его мать, учительница Елизавета Яковлевна, приходилась дальней родственницей Беловым. Она глубоко переживала страшную расправу над близкими людьми. Поэтому с радостью восприняла весть о том, что Рая жива. И вернувшись в Лиозно, сразу же направилась к ней. После выздоровления с Беловой были сняты прежние обвинения. Раиса пришла в РК комсомола с сохраненным ею билетом, стала на учёт, получила паспорт. Определилась на работу в Райпотребсоюз. Словом, отогрела душу в семье Смирновых, где было четверо детей. Старший, Виталий, являлся комсоргом в школе, а летом подрабатывал в пионерлагерях, на оздоровительных площадках. Работала здесь по комсомольским путевкам и Рая. Учиться в вузе она не смогла по материальным причинам, но заочно окончила учебное

заведение и затем всю свою жизнь работала в библиотеке парткабинета РК КПБ. Общение с ней доставляло удовольствие её читателям.

Потеряв родителей, а впоследствии получив печальное известие о трагической смерти сестры, которая, возвращаясь из советского тыла, попала под поезд, так и не встретив своего суженого, Раиса Владимировна обрекла себя на одиночество. Но пессимистом при этом не стала. Поддержку и помощь она находила в близких людях, которых, в какой-то степени, можно было назвать «праведниками мира», поскольку они не только спасли девушку, но и возродили её к жизни. Это прежде всего семья Степана Ефимовича Смирнова, о которой говорилось выше, Евгений Семенович Алейников и другие. Немало давало также и общение с читателями, коллегами по работе, соседями.

Будучи человеком скромным, не требующим внимания к себе, эта женщина не любила встреч с различными делегациями, навещавшими её как одну из тех, кто избежал страшной участи от рук фашистов. Скорбную память о погибших родных она бережно носила в своём сердце, в одиночку посещая места их захоронений и принося им свою исповедь.

ЖИЛА ЯРКО И ДОСТОЙНО: воспоминание о Берченко М.Г.
//Сцяг перамогі. – 2005. №9.

15 декабря 2004 года ушла из жизни учительница Лиозненской средней школы № 1 Майя Григорьевна Берченко. Скорбью и болью отозвалась эта весть в сердцах учеников и учителей вышеназванной школы, работников системы образования района.

Жизнь её была яркой и достойной. После окончания Витебского педагогического института супруги Берченко прибыли на работу в Лиозненский район, на малую родину Евгения Тимофеевича. Новое место жительства пришлось могилевчанке Майе по душе.

М.Г. Берченко всегда принимала активное участие в общественной жизни. Даже была делегатом на 15-м съезде ВЛКСМ.

В её трудовой книжке за 30 лет педагогического стажа накопилось немало записей. Основная - преподаватель химии и биологии. Следует отметить, что ученики М.Г. Берченко были достойными абитуриентами и в столичных ВУЗах. Кроме того, она занимала должности организатора внеклассной и внешкольной работы, заведующей методкабинетом, начальника трудового производственного лагеря с выездом в совхоз.

Очень ответственно относилась Майя Григорьевна к обязанностям преподавателя обслуживающего труда, заведующей кабинетом домоводства. Здесь помимо обычных уроков проводились занятия кружков «Умелые руки» для учащихся, «Хозяюшка» для учителей. С лёгкостью могла эта женщина не только приготовить любое блюдо, сшить или связать какую-либо вещь, но и, к примеру, справлялась с наладкой имеющихся в мастерской швейных машин.

Добрым словом вспоминает Майю Григорьевну и бывший организатор СШ № 1 г.п. Лиозно Л.И. Жданович. Людмила Ивановна знала, что М.Г. Берченко никогда не откажет в помощи и никто лучше её не изготовит концертные костюмы для самодеятельных артистов.

Грамоты разных уровней, в том числе и Почётная грамота министерства образования БССР, денежные премии, благодарности стали наградой за её добросовестный труд.

Супруги Берченко воспитали двоих детей. Сын Дмитрий - военный, имеет звание майора, живёт в Полоцке, дочь Ирина работает химиком-аналитиком в областной инспекции по защите растений. Есть внуки. Светлая Вам память, Майя Григорьевна.

В начале мая этого года, ровно сорок дней назад, неожиданно ушла из жизни Н. П. Бороденя — старейший педагог района.

Родилась Надежда Прокофьевна 20 февраля 1925 года в деревне Адаменки в семье рабочего совхоза. Училась Надя в Лиозненской русской средней школе. Занималась на отлично, была активной и в общественной работе. Радостное детство, безоблачная юность были омрачены большим горем: арестовали отца, который являлся в то время заместителем директора совхоза (реабилитировали его лишь через два десятилетия). По этой причине и не смогла стать Надежда, как все её ровесники, комсомолкой. Дочь "врага народа" не могла носить такое высокое звание. Но её твёрдый характер и вера в невиновность близкого человека (впрочем, в это же верили и все окружающие) не дали девочке замкнуться, затаить обиду, уйти в себя. По-прежнему она оставалась на уроках любознательной, активной в общественной жизни.

Не успели в семье пережить одну беду, как нагрянула другая — война! Как известно, молодёжь 1925-го и 1926-го годов рождения из оккупированных областей, по "великому" плану фюрера, подлежала отправке в Германию. Надежда Бороденя попала в список одной из первых, но не явилась на место сбора. Врачи-патриоты помогли ей соответствующими документами о якобы имеющемся заболевании. Когда повестка пришла в очередной раз, то к уже испытанному методу избавления от угона в Германию прибегать стало рискованно. И тогда девушка просто ушла из дома к надёжным людям. Надо было терпеливо выждать время, пересидеть. Хотя мать и младшая сестрёнка Нина постоянно подвергались допросам и гонениям, но, тем не менее, держались стойко, "искренне" оплакивая "пропавшую" Наденьку.

Время шло, власти перестали домогаться явки Надежды на биржу. Правда, местные полицаи неоднократно напоминали о своей "доброте": дескать, всё было бы по-другому, если бы они того захотели. Пора рассчитывать... Неизвестно чем бы всё закончилось, но, к счастью, в октябре 1943 года пришло долгожданное освобождение.

Надежда Бороденя явилась в райвоенкомат с просьбой направить её в действующую армию. Но слишком хрупкой исхудавшей после пережитой оккупации была девочка. Поэтому военком потцовски уговорил её отказаться от этой затеи. Зато рвущейся в бой патриотке предложили краткосрочные курсы по подготовке военруков. Ведь мужчин тогда практически не было, в школах некому было работать. Окончив двухмесячные курсы в числе восьми других девушек, Надежда стала военруком местного детского дома. Это разновозрастное детское учреждение находилось сначала в деревне Бржезово, затем его перевели в Черноручье.

...Военрук-воспитатель. Подростков надо было учить военной подготовке, а маленьким детям необходимо было терпеливо вытирать слёзы и утешать: мол, скоро за вами придут папы и мамы, заберут вас домой — вот только прогонят фрицев с нашей земли. Сколько терпения и такта надо было иметь при этом. Надя, которая теперь уже здорово повзрослела, набралась житейской мудрости, и поэтому все стали называть её Надеждой Прокофьевной, на удивление своим более опытным коллегам, действительно, сумела найти дорожку к осиротевшим ребячьим сердцам. Случалось и такое: директор или завуч посылали её на замену отсутствующего учителя. И та успешно справлялась с поставленной перед ней задачей. Таким огромным было желание сделать как можно больше, всю себя отдать служению любимой Родине. Постепенно стала приходиться к девушке и мечта стать учителем младших классов. После освобождения Витебска и области в целом детдом перевели в другой район, а Надежду Прокофьевну назначили учительницей младших классов Лиозненской русской средней школы, где когда-то она училась сама и где ей предстояло пройти полувековой трудовой путь. Детей Н. П. Бороденя любила и пользовалась у них заслуженным уважением и доверием. Однако сказывалось отсутствие специального образования, и она стала учиться заочно. Вскоре получила диплом педагога. Учитель начальных классов — это исток великой реки познаний, фундамента становления человека. Понимая это, Н.П.Бороденя опиралась на такие краеугольные камни в обучении и воспитании, как коллектив, семья, окружающий мир, люди, книги. В её классе на самом видном месте висело известное изречение М. Горького "Любите книгу..." Она сама и её класс всегда были самыми активными читателями биб-

лиотек. Пионерский отряд в классе, где она была педагогом, носил имя Гайдара. Отрядной песней здесь была "Гайдар шагает впереди", любимой книгой — "Тимур и его команда". И, пожалуй, глубоко символично, что даже переулочек, в котором жила Надежда Прокофьевна, носил имя любимого детского писателя — Аркадия Гайдара.

В тематике её воспитательных мероприятий не наблюдалось однообразия. Походы, экскурсии, встречи с интересными людьми запечатлялись самой учительницей (она не расставалась с фотоаппаратом) и ребятами в хронологической последовательности. В результате в школе накапливался необходимый материал для работы. И уроки её были отнюдь не однообразными, не походили друг на друга. Щедро делилась Надежда Прокофьевна богатым опытом с коллегами, начинающими учителями. Её воспитанники за четыре года обучения получали такой заряд активности, что в последующем становились настоящими гражданами с активной жизненной позицией. Кто представляет работу школьного учителя, тот понимает, какой трудный путь пришлось преодолеть Надежде Прокофьевне.

Вместе с тем постоянное общение с детьми было её духовной потребностью. Работая в школе, она руководила многими кружками в Доме пионеров и сама была участницей художественной самодеятельности, пела в учительском хоре при РДК, участвовала в разнообразных конкурсах. Неоднократно назначалась начальником летнего лагеря отдыха школьников. Высоких наград, к сожалению, не удостоивалась. Но именно о таких и сказал поэт: "Орден не дождалась она — сразу памятники получают". Тем не менее, на районном и областном уровне отмечалась самыми разнообразными наградами. Было у неё и ещё одно хобби — комнатное и садовое цветоводство. К примеру, свекольной грядке она предпочитала пёструю цветочную клумбу. И всем этим щедро делилась с людьми. Но годы брали своё, давали о себе знать. Тем не менее, мы не zapomнили её сгорбленной старушкой, жалующейся на свои недуги, на плохое житьё-бытьё. Напротив, она стоит перед глазами всегда веселая, бодрая, всегда внимательная к людям, готовая им помочь. Уже в статусе пенсионера освоила вождение автомашины. А жизнь у неё, как и у всех, была нелёгкой. Вместе с супругом, Борисом Семёновичем Довгялло (инвалидом Великой Отечественной войны, рано ушедшим из жизни), воспитала достойную смену — двоих детей (сын — кадровый офицер, дочь работает на "Мосфильме"), дождалась внуков и правнуков. Торопилась жить Надежда Прокофьевна. Всё ей казалось: не унести бы в мир иной богатый опыт, знания, жар души и сердца. И потому пошла по приглашению руководства в Пушкинскую СШ, где снова начала учительствовать в начальных классах. А среди старшеклассников организовала художественную самодеятельность. Одним словом, стала нужным человеком в коллективе. Пенсионерка внесла такой молодой задор и такую уверенность в правоте избранных идеалов, что её и поныне с благодарностью вспоминают как учащиеся, так и учителя Пушкинской средней школы.

Трудно перечислить всех тех, с кем соприкасалась своим умом и сердцем эта удивительная женщина. Не сосчитать и тех, кому захотелось стать похожими на неё. Многие воспитанники сегодня склоняют голову перед светлой памятью той, кто посеял в их сердцах "разумное, доброе, вечное", кто не напрасно прожил свой век, — перед светлой памятью Надежды Прокофьевны Бородени.

НАСТАВНИК, ВОИН, ГРАЖДАНИН: Бородулькин И.М.

//Сцяг перамогі. – 2006. - №11.

Вот уже полтора месяца, как нет среди нас нашего мудрого наставника, ветерана войны, славного выпускника школы и незабвенного Ивана Максимовича Бородулькина. Ушёл из жизни, не дотянув всего пару дней до нового 2006 года, замечательный и любимый многими человек.

И. М. Бородулькин родился 15 сентября 1920 года в д. Горблы Лиозненского сельсовета в большой крестьянской семье. Мать умерла рано. Отец женился на сестре своей супруги. Так что для приёмных детей она была не просто мачехой, а родной тёткой. А потому и старалась во всём заменить родную мать. Всем детям эта женщина сумела дать высшее и среднее специальное образование.

Закончив Буёвскую начальную школу, Ваня перешёл в Лиозненскую СШ № 1, которую успешно закончил в 1939 году. О том времени у него сохранились самые светлые воспоминания.

нения: «Для всех нас школа была родным домом, а школьный коллектив - большой дружной семьёй. И не только время уроков, но и всё свободное время мы старались проводить в школе, занимаясь на спортплощадках, в различных кружках, отдыхая на школьных вечерах. Директор школы, Уголев Василий Васильевич, был неутомим. Он всего себя отдавал любимому делу. После уроков проводил с нами литературные чтения, которые мы очень любили, диктанты, добивался от нас грамотного письма, прививая любовь к книге, к русской и белорусской литературе. Вёл драматический кружок, многоголосый хор, аккомпанировал в танцевальной кружке. Как же нужно любить своё дело, чтобы работу превратить в священное служение детям. Таким он остался в нашей памяти. Подстать ему были и остальные учителя. Это они дали нам прочные разносторонние знания, привили любовь к педагогической работе, научили любить свою Родину, уважать людей. Наверное, поэтому многие из нас стали учителями и так же старались передать всё лучшее своим ученикам разного поколения».

Действительно, среди выпускников Ивана Максимовича очень много замечательных и заслуженных людей разнообразных профессий: профессора математики и медицины, кандидаты биологических и педагогических наук, военнослужащие и учителя, врачи и просто рядовые работники народного хозяйства, честные и добросовестные труженики.

Во время похорон на Буёвском кладбище в слове прощания со своим учителем С.А.Шлапаков, кандидат математических наук, преподаватель Витебского университета им. П.М. Машерова, признался, что своим трудом, своим званием и всем лучшим в нём он обязан прежде всего своему любимому учителю, Бородулькину Ивану Максимовичу. Это же подтвердили педагоги Н.С. Ковалевская, Н.В. Стоянова, Л.А. Вилинкова и многие другие.

Послевоенные годы, как говорил Иван Максимович, пролетели очень быстро. А вот война шла мучительно долго - это целая эпоха. Сначала - срочная служба, а потом - фронт - Калининский, 2-й Белорусский. Радист, связист, разведчик. Сохранилась служебная боевая характеристика на красноармейца Бородулькина И.М. Приведём несколько строк: «В боях с немецко-фашистскими захватчиками с 12 февраля по 9 мая 1945 года выполнял обязанности разведчика-наблюдателя, находился в боевых порядках полка, проявлял мужество и храбрость при выполнении боевых заданий, за что был награждён медалью «За отвагу» и орденом «Славы III степени». А до этого Иван Максимович воевал в 879-м стрелковом полку прославленной 158-й стрелковой дивизии, принимавшей участие в освобождении нашей Лиозненщины. 21 декабря 1943 года под Витебском получил тяжёлое ранение в левое бедро. После госпиталя попал в 1826-й артиллерийский полк.

Уволен в запас 17 ноября 1945 года, получив очередные награды «За победу над Германией» и «За Варшаву». А в годы учительства был удостоен ещё одной высокой награды - ордена Ленина.

Но не только этим соизмеряется ценность человека. Сейчас, после ухода из жизни Ивана Максимовича, вспоминается очень многое. И прежде всего, 25 лет совместной работы, проводы на пенсию, встречи, беседы. И начинаешь осознавать, что это был необыкновенный человек, яркая личность. И в то же время, человек необычайной скромности, высокой интеллигентности и преданный патриот своего Отечества. Он никогда ни о чём не просил, никогда ни на что не жаловался, хотя в последнее время тяжело болел. И конечно, испытываешь глубокие угрызения совести. И нет гам оправдания ни занятостью ни личными проблемами, ни чем другим. Равнодушие, чёрствость, невнимание и непонимание ещё глубоко сидят в нас. И вдруг обнаруживается, что рядом с нами жил большой, очень хороший человек, который так нуждался в нашем внимании и в нашем участии. Но обнаруживается это очень поздно, когда его уже среди нас нет и никогда не будет. Никогда...

Последний свой долг он отдал погибшим воинам в День Независимости Республики Беларусь, который отмечался в райцентре 2 июля 2005 года. Тяжело опираясь на палочку, он с трудом, «в три погубели» прошёл маршем под духовой оркестр до самого воинского кладбища. О чём он думал, старый солдат, дожив до 60-летия великого Дня Победы? Может, он ставил знак равенства между передовой фронта и теперешним своим состоянием? Может он как и тогда видел перед собой свою последнюю черту, свой последний рубеж? Потому-то он и, преодолевая боль, задыхаясь, так упорно шёл вперёд к вечно юным, вместе с ним призывавшимися и в бою павшим воинам-героям...

Вот так, неиссякаемым живым и чистым родником, течёт и передаётся дальше и педагогическая эстафета многих поколений нашей школы, и высокая человечность. Вот уж поистине: «Бруиць вадзіца з жывой крыніцы».

МОЙ УЧИТЕЛЬ: воспоминания об учителе Бубен В.Н. //Сцяг перамогі. - 2000. - №51, 52, 53.

У меня до сих пор свежо воспоминание об этом человеке, хотя проработал он в нашей школе совсем немного.

Когда я была семиклассницей, у нас некоторое время не проводились уроки пения. А, как известно, ученики любят этот предмет. Любили его и мы, ждали, когда его преподавание возобновится снова. И вот как-то в класс вошёл мужчина с баяном в руках и сказал, что он теперь будет вести у нас пение. Мы были несколько разочарованы. Дело в том, что раньше этот предмет у нас преподавала молодая учительница. Она всегда прибегала на урок слегка запыхавшись, смеялась и шутила вместе с нами. Нас это вполне устраивало. Ну, а Всеволод Николаевич Бубен, так он нам представился, был человеком совершенно иного плана. Высокого роста, в очках, приятный на лицо, интеллигентного вида, спокойный и выдержанный. Сказал, что урок пения такой же важный предмет, как и все другие. Ученики, известно, такой народ, что новому преподавателю обязательно устраивают своего рода экзамен, пробуют его «на зуб»: каков, мол, орешек. Один из моих одноклассников, самый боевой мальчишка, сказал, что пение — это не урок, а развлечение, и он его за серьёзный предмет не считает. А вот физика, химия, математика — нужные дисциплины, их следует знать. Всеволод Николаевич тотчас же пожелал узнать, насколько паренёк силен в химии и подбросил ему пару вопросов по пройденной теме. Ученик молчал. В классе начали хихикать. Тогда педагог сам обстоятельно ответил на свои вопросы, сопровождая ответы записью на доске соответствующих знаков и формул. Причём делал это аккуратнейшим почерком. Все притихли. «Ах, так вы, видно, преподаватель химии!» — высказали мы свою догадку, на что тот ответил, что в объёме средней школы владеет всеми предметами.

Мы засомневались и стали подбрасывать вопросы то по истории, то по литературе. Наставник не злился на нас за такую вольность и обстоятельно отвечал нам. «Орешек» и в самом деле оказался крепким: мы не могли ответить на все его вопросы, а он это сделал.

Урок подошёл к концу и мы вынуждены были извиниться за то, что он пропал зря. Но Всеволод Николаевич сказал, что это не так. «Это был великий урок для меня, потому что учителю надо знать всё. А для вас, учеников, это было наукой учиться всегда и всему, чтобы много знать», — отметил он в конце.

Мы не замедлили побежать в параллельный седьмой класс и сообщить о новом учителе-всезнайке, предполагая, что и там будет нечто подобное. Но в том классе ничего такого не произошло: был нормальный урок музыки. В дальнейшем и у нас уроки пения проходили интересно и увлекательно. Свои рассказы о композиторах В. Н. Бубен сопровождал и пением, и игрой на разных инструментах. Мы полюбили этого педагога и пригласили его однажды на сбор отряда. Нам хотелось узнать о нём как можно больше. И вот что он поведал о своей жизни.

- Родился в Петербурге в 1910 году в семье гвардейского офицера. Детство моё было благополучным и счастливым. Ко мне был приставлен воспитатель-гувернер, который обучал меня музыке — играл на фортепиано, учил читать, писать. Иногда со мной занимался и отец. С гувернером тот часто разговаривал то по-французски, то по-немецки. Этим я очень заинтересовался и употреблял некоторые слова и обороты больше на немецком, чем на родном языке, за что отец меня часто поощрял. Это и пригодилось мне после в жизни:

сначала в школе, затем на войне, а потом в институте. ...Первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война отняли у меня все: детство, дом- и самое дорогое — родителей. Но я был не одинок, хоть стал бездомным сиротой. На чердаках, в подвалах, подъездах ютилось тогда много таких же обездоленных людей. Прошёл не один год подобных скитаний. Обстановка в стране начала понемногу стабилизироваться. Нас, детей-беспризорников, начали вылавливать, чтобы устроить наше будущее. Но мы уже привыкли к такой жизни, можно сказать, одичали. Многих моих сверстников забирали в семьи, усыновляли. Я же не хотел быть ничьим сыном: так велика была моя тоска по родному дому, надежда отыскать родителей, моего ласкового и строго,» воспитателя Андрея Петровича. И поэтому предпочёл пойти в

датский дом. Так я очутился в детском доме недалеко от Петербурга. Дети там все были новые, незнакомые, и каждый рассказывал о себе: где жил, как звали братьев, сестёр, родителей. Одним словом, знакомились. Рассказал о себе и я, отметив, что отец был русский офицер, что в доме жизнь была хорошая. Откуда мне было знать, что я не должен был говорить правду? «Ах, так ты беляк! Бей, братва, беляка!». И с этого дня начались мои мучения: ребята издевались надо мной. Я не жаловался никому, ведь это было бы предательством. Молча переносил всё. Но когда наступил конец моему терпению, решил бежать куда глаза глядят. Меня поймали и вернули назад. Всё повторилось заново и я снова сбежал. Когда меня выловили в очередной раз, то один добрый дяденька поговорил со мной по душам и я рассказал ему о причинах такого своего поведения. Тот посоветовал никому не говорить об отце и о своей прошлой жизни. «Просто забудь обо всём и обо всех», — наставлял он. Я так и сделал, но в душе продолжал помнить о близких людях, надеясь когда-нибудь их разыскать. К сожалению, этого не произошло ни тогда, ни потом. Судьба моих родителей осталась неизвестной до сих пор.

Как поведал нам далее Всеволод Николаевич, вскоре его перевели в другой детский дом, где царил совершенно иная обстановка. Ребята были доброжелательными, дружными. Они окружили новичка вниманием. В детском доме было немало музыкальных инструментов, на многих из которых Всеволод мог играть, снискав тем самым уважение и авторитет у товарищей. Кроме того, он учился хорошо и к нему постоянно обращались за помощью то по математике, то по иностранному языку, и он не отказывал никому. Сверстники в шутку называли Всеволода учителем. «Надо учителя спросить: он всё знает», — говорили они. А тот всерьёз стал подумывать о том, чтобы и в самом деле стать наставником и поделился своими мыслями с любимым педагогом, найдя поддержку в его лице. И вот в числе других воспитанников Всеволод Бубен был рекомендован для поступления в Полоцкий педагогический техникум, после окончания которого был направлен на работу в неполную среднюю школу.

— Я стал учителем истории и географии. Вдобавок пришлось преподавать и немецкий язык. Полюбил свою работу и, кажется, дети полюбили меня. Руководил музыкально-драматическим кружком. Мы устраивали школьные вечера, проводили пионерские сборы. Жить стало интересно. В школе были в основном молодые учителя. Моей спутницей жизни стала учительница начальных классов Любовь Ивановна. В скором времени у нас родились две дочурки — Лиля и Лариса. Шло время. По распоряжению Витебского облоно нас направили в Лиозненский район. Казалось, что надо человеку для счастья? Любимая работа, дружная семья, авторитет. Но надвигалась беда... На нашу страну напала фашистская Германия. Началась Великая Отечественная война.

Оставив семью, В. Н. Бубен пошел по зову сердца выполнять свой сыновний долг перед Родиной. К сожалению, у него было плохое зрение. Поэтому он не мог стать ни летчиком, ни танкистом, ни минометчиком. Тем не менее армии нужны были и другие специалисты, в том числе переводчики. Знание иностранного языка — мощное оружие. Об этом, напомнил нам Всеволод Николаевич, говорил еще в свое время Карл Маркс, считая, что оно может пригодиться в жизненной борьбе. Сначала наш учитель прошел краткосрочные курсы военных переводчиков, а затем ежедневно и ежечасно совершенствовал свое произношение и пополнял лексический запас.

— Мне пришлось встречаться лицом к лицу с многими фашистами, но не в бою. Это были либо военнопленные, либо те немцы, которых добывали наши разведчики в качестве «языка». При общении с ними я понял, что не все они шли завоевывать нашу страну, имея к тому большое желание. Часть из них вынуждена была взять оружие в руки поневоле, под принуждением. Но, правда, были и ярые нацисты, готовые отдать свою жизнь в борьбе за бредовые идеи Гитлера.

Припоминаю такой эпизод из моей военной эпопеи. Это было зимой 1941 года под Москвой, на передней линии фронта. Я сопровождал «языка» в штаб дивизии. Толстый офицер был уже изрядно измучен тем, как его добывали и доставляли к нам. Он даже не сопротивлялся, по видимому, считая себя обреченным. И вдруг в воздухе появился немецкий бомбардировщик, который стал сбрасывать бомбы. Мы оба оказались в опасности. Фашист был важной птицей и его во что бы то ни стало надо было уберечь. Я схватил пленного за шиворот и приказал бежать к ближайшему укрытию. Но немец не слушался, поднимал руки вверх и кричал: «Хайль, Гитлер! Нох айне! Нох айне!», т.е. он приветствовал фюрера и просил сбросить очередной

снаряд, чтобы не попасть в штаб на допрос. Я подталкивал его в безопасное место, а тот отказывался это делать. Своими криками мы привлекли внимание двух наших солдат, очевидно, находившихся в секретном дозоре. Они выскочили с ружьями наперевес и с криками «Ага! Попались, фрицы!» обезоружили меня, а затем начали «угощать» нас обоих пинками, прикладами и даже угрожали расстрелять прямо здесь. Еще бы, такая удача — сразу двух немцев пленили. Мои уверения, что я русский переводчик и ссылка на документы, которые у меня были отняты, не помогали. Я безрезультатно убеждал, что «языка» ждут в штабе дивизии, на что солдаты отвечали: мол, фрицы додумались до такой инсценировки — переводчик и пленный. Да и разве могли они усомниться в том, что правы: я белобрысый, долговязый, в очках и «чешу» по-немецки как истинный фриц. К счастью, откуда-то появился пожилой военный и нас, уже двоих, доставили по назначению, в штаб дивизии, где нас давно ждали. Можете представить, как были разочарованы «пленившие» нас солдаты, считавшие, что совершили подвиг. В конце концов им пришлось еще и извиняться.

А толстый офицер оказался очень полезным «языком», дав важные сведения, которые, безусловно, пригодились впоследствии.

Немецко-фашистские захватчики, несмотря на все свои усилия, не смогли войти в Москву. Напротив, они терпели поражение за поражением на подступах к нашей столице, некоторые даже сдавались в плен. Их было немало. Пленных доводилось отправлять в глубокий советский тыл. В. Н. Бубен был также направлен в качестве конвойного и переводчика вместе с немцами в город Горький. Как поведал наш учитель, фашистов не морили голодом, как это делали немцы с нашими военнопленными, не издевались над ними, но и не баловали. Работали они на стройках, на уборке улиц и т.д. Их приходилось охранять, оберегать от праведного гнева людей, у которых погибли близкие. Нередко бывали случаи, когда собирались подростки-школьники и приходили мстить за погибшего на фронте отца, брата. Трудно было доказать им, разъярившимся, ожесточившимся, что врага нужно бить на поле брани, что эти поверженные, обезоруженные люди уже не являются солдатами, противником. Иногда ребята ополчались и против самих конвоиров, считая, что те защищают фашистов. Переносить все это было очень нелегко. — Когда война стала откатываться на запад, пленных куда-то увезли, а нас направили в распоряжение Горьковского облвоенкомата. Меня, как учителя по образованию, отправили в одну из школ на должность преподавателя военного дела – военрука и классного руководителя 10 класса. В классе были одни мальчики. Здесь каждый день проходило по два урока военного дела. Поэтому я для своих воспитанников стал необходимейшим учителем. В результате многие мои ученики к весне ушли добровольцами в Советскую Армию. В школу часто приходили письма, в том числе и из нашего, уже освобожденного района. Я тоже писал запросы, разыскивая свою семью. Но никто ничего не знал о моей жене и детях. Решил остаться в Горьком навсегда, невольно смиряясь с мыслью, что моих близких уже нет в живых. Но как-то, готовясь к очередному уроку, слушал по радио передачу «Письма на фронт» (была тогда такая передача-розыск). Многие за время войны потеряли своих родных и с помощью радио пытались их отыскать. И вдруг слышу... «Любовь Ивановна Бубен разыскивает своего мужа — Всеволода Николаевича Бубена» и далее следовал адрес, по которому она проживала вместе с дочерьми. Я вообще никогда не плакал: ни тогда, когда меня били в детском доме, ни тогда, когда трудно было на фронте, а тут — слезы с глаз рекой. Но это были слезы радости. И вот В. Н. Бубен едет в Белоруссию на свою родную Лиозненщину.

Радостной была встреча Всеволода Николаевича со своей семьей, все члены которой смогли уцелеть, несмотря на пережитые трудности и невзгоды. В районе всё было разрушено, в том числе и школы. Война осиротила многих детей. Их собирали в детские дома, как когда-то в первые годы Советской власти. Такие дома, где жило более сотни ребят, имелись в деревнях Черноручье, Дубровка, Черницы. В. Н. Бубен начал работать в школе, где преподавал предметы, которые ему поручали. Ведь учителей тогда было мало и не приходилось выбирать, что вести. Затем его перевели в аппарат РОНО, где он проработал долгое время: заведующим методическим кабинетом, инспектором. Последняя должность особенно обязывала ко многому. Нужно было не только проверять состояние учебно-воспитательной работы в школах, но и являться первейшим помощником педагогов. А чтобы помогать другим, нужно было самому много знать, постоянно заниматься самообразованием, не расставаться с книгами и специальной периодической литературой.

— Районный отдел образования не располагал тогда никаким транспортом. Так что его работники, в том числе и я, добирались до школ пешком. Хорошо, если школьное заведение находилось в семи—десяти километрах от Лиозно, а если — за двадцать и более... Машины тогда ходили крайне редко, а рейсовых автобусов не было вообще. Так что я хорошо познал все «прелести» подобных походов. Позднее

мы приобрели лошадёнку и бригада проверяющих в составе трёх-четырёх человек уже могла гораздо быстрее добраться до места. В школах обычно ждали нашего визита, ведь тогда здесь работали в основном молодые кадры. Педагоги и учились заочно, и преподавали в классах. Безусловно, им нужна была толковая методическая помощь, дельный совет, что мы и делали. В результате начинающие учителя впоследствии становились опытными преподавателями, мастерами педагогического труда.

Проблема кадров, как узнали мы от своего наставника, стояла тогда, после войны, очень остро. Вот и В. Н. Бубену приходилось завершать своё обучение и получать высшее образование заочно. Он учился в Могилёвском пединституте на историческом факультете, закончил его с отличием. Его ответы всегда радовали преподавателей, которые пожимали студенту-заочнику руку, отдавая зачётку с пятёрками и искренне благодарили за усердие в учёбе. «Спасибо. Ваш ответ всегда доставляет нам радость», — говорили они. А для Всеволода Николаевича, по его признанию, это были самые приятные минуты жизни. А ещё он искренне радовался за успехи учителей, которых благословил на выбор данной профессии и в сердца которых смог вселить веру в собственные силы.

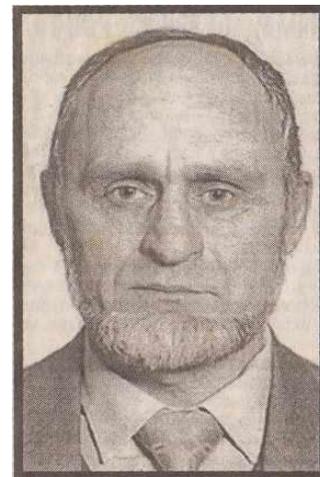
Вот что мы узнали о своём наставнике во время того памятного пионерского сбора. Эти воспоминания помогли пополнить сведения о человеке интересной судьбы, с которым нам в своё время довелось столкнуться. Дело в том, что краеведы нашей школы, участвуя в поисковой работе по программе экспедиции «Мой край — Лиозненщина», собирают материал о педагогах, работавших в прошлом в СШ № 1. К живущим ныне учителям ребята ходили лично, чтобы из первых уст услышать их рассказ, записать те

или иные эпизоды. Но многих, к сожалению, уже нет с нами. Зато есть те, кто являлся их воспитанниками, учился у них. Эти люди охотно рассказывают о своих бывших наставниках, делятся воспоминаниями. В памяти многих В. Н. Бубен — незаурядный человек и настоящий учитель. С ним было полезно и интересно общаться. Неиссякаемый тонкий юмор, высокая эрудиция, доброжелательность и человеколюбие чувствовались в каждом его слове, взгляде, жесте. Ощущение дружелюбия и понимания собеседника приходили уже при первых же минутах знакомства. Он верил, что каждый ученик—своеобразный «тайничок», как он выражался. Если учитель сможет обнаружить всё лучшее, что запрято в нём, развить таланты и способности своего воспитанника, то можно считать его настоящим педагогом. А ещё он любил, когда люди не жаловались на плохую жизнь, стойко переносили невзгоды. Всегда, размышляя о своём предназначении на земле, считал Всеволод Николаевич, надо исходить из того, что человек сам должен меняться в лучшую сторону, преобразовывать общество. Он был коммунистом по глубокому своему убеждению. Считал, что должен брать на себя ношу потяжелее и не требовать вознаграждения. А, между тем, большую часть своей жизни наш наставник прожил на частной квартире, воспитывая у своих детей и учеников трудолюбие, честность, высокую самодисциплину. Он был многие годы лектором общества «Знание» и на его выступлениях всегда присутствовала многолюдная аудитория. Он умел зажечь слушателей, заинтересовать их. Не имея высоких наград, отвечал по этому поводу словами одного известного писателя: «Лучше заслужить награду и не получить её, чем получить незаслуженно». Но, тем не менее, его ратные и трудовые подвиги всё же были отмечены. Однако, как мне думается, главное в человеческой жизни не награды, а тот след, который ты оставил на земле.

ПАМЯТИ ДРУГА И ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА: о Быковском А.Г. //Сцяг перамогі. – 2003. - №94

17 октября 2003 года так неожиданно, преждевременно ушёл из жизни наш бывший одноклассник Быковский Александр Григорьевич. Хочется рассказать об этом замечательном человеке. Он не совершил чего-то необычного или героического. Но честный, повседневный труд на благо общества, в котором живёшь, можно тоже назвать подвигом.

Родился Александр в д. Черноручье 8 мая 1946 года. Первые послевоенные годы, время восстановления народного хозяйства, залечивания ран, нанесённых войной, памятны всем, кто их пережил. Дети были лишены детства, они очень рано познали тяжелейший труд, голод, холод, жизнь в землянках и тесных времянках. Всё это испытал и Саша. Школа, куда он пошёл ещё в 6-летнем возрасте, была для него отдушиной. Мальчик не был отличником, но, научившись читать, стал книголюбом. Прочитав всё, что было в школьной библиотеке, начал посещать другие. Второе его школьное пристрастие - занятия на спортивной площадке. Саша, как говорится, был на «ты» со многими видами спорта. Его одноклассник по Черноручской начальной школе Миша Комлев рассказывал, что Саша в 3 классе, чтобы проверить свои спортивные возможности, шёл в окружении друзей-болельщиков из дома до школы на руках, держа на ногах сумку с книжками. В Лиозненской СШ № 1, где Быковский Александр продолжил учёбу, он запомнился как чемпион школы почти по всем видам спорта.

Службу в Советской Армии проходил на одном из боевых судов военного флота. Заманчивым казалось приглашение на сверхсрочную службу на этом же судне, но душа просила разнообразной деятельности на суше. Хотелось пополнить знания, учиться дальше. С этой целью Быковский поступил в высшее техническое училище гражданского флота. Отличительной чертой этого человека было то, что он не выбирал лёгких путей в жизни, шёл туда, где больше всего нужен был его труд. Примером тому может служить его работа в тресте «Дальстальконструкция». Она была связана с монтажом новых конструкций, с теплотрассами и трубопроводами, с высотными сооружениями и телебашнями. Здесь требовалась не только техническая грамотность, но и высокое физическое самообладание. Ведь специалисты этого профиля, как сапёры, ошибаются только один раз. Ещё ответственной была его работа на Волгодонской стройке «Атоммаш», куда он был командирован со своей бригадой. О трудовых делах Быковского А. Г. писала центральная и местная пресса. Он имел много трудовых наград, был мастером спорта СССР по самбо. Заслуживала внимания его общественная активность. Для Александра отдыхом после напряжённой работы была тренерская деятельность на общественных началах. В разные времена он тренировал учащихся, допризывников, членов спортивных клубов. За свою жизнь подготовил не один десяток людей, вышедших затем в большой спорт, пополнивших ряды работников органов правопорядка. Главным жизненным кредо Александра Григорьевича была потребность жить для других. «Если ты не нужен людям, то зачем ты на Земле?» - любил он цитировать известного русского поэта.

Последние годы своей жизни Быковский А.Г. жил в родном Черноручье. Сельчане с горечью проводили его в последний путь и навечно оставили в своих сердцах образ человеческого человека. Александр выполнил извечный мужской долг: вырастил сына, посадил деревья, как умел построил дом.

Спи СПОКОЙНО, наш добрый друг!

ВСЕГДА НА ОСТРИЕ ЖИЗНИ: об учителях Замшенской школы //Сцяг перамогі. – 2003. - № 87.

Замшено... Его облик неузнаваемо изменился после Октября 1917 года. Ушли в прошлое престольные праздники. Прекратила свою деятельность местная церковь, где теперь находился клуб. Не такими многолюдными стали и ярмарки. Куда-то исчезли торговцы. Но по-прежнему люди приходили сюда, чтобы что-то купить или продать. Правда, частная торговля постепенно шла на убыль, и в селе вскоре появилась «крама». Но выбор был всё же не таким широким, как на ярмарках.

Вместо волости образовался сельсовет. Начала функционировать почта. Школьное здание оставалось прежним. Только священник уже не приходил сюда преподавать «Закон Божий» и куда-то исчез. В школе остались те же учителя 1-4 классов. Это супруги Яков Фёдорович и Ефросинья Васильевна Сумниковы, а также Николай Исаченко. Продолжать учёбу в 5-м классе местные ученики отправлялись в Велешковичскую семилетку. Но со временем и Замшенская начальная школа была преобразована в семилетнюю. Это произошло после того, как молодое советское государство подготовило для школ новые кадры.

Сложные революционные преобразования переживала наша деревня в 30-е годы прошлого столетия: активная атеистическая пропаганда, раскулачивание, репрессии, переселение с хуторов в посёлки. Такие задачи были призваны решать местные Советы, комбеды и учителя. Преподаватели Замшенской семилетки, Пнёвской, Гущинской начальных школ не оставались в стороне от общегосударственных вопросов. Внезапность и скорополительность процессов, которые необходимы были стране, тем не менее, вызвали, с одной стороны, известное «головокружение от успехов», с другой — обрушились большим горем на трудолюбивые крестьянские семьи. Их членов стали называть кулаками, подкулачниками, середняками. По мнению преобразователей, надёжной опорой для будущего общества могли стать только бедняки. Какая нелепая ошибка! Но советская власть не любила инакомыслящих: всё шло по намеченному партией курсу.

В школу приходили дети из разных семей. Учителя, глубоко понимавшие суть происходящих событий, старались почаще встречаться с родителями на дому, на общешкольных собраниях. Очень непросто было проводить воспитательную работу в деревне среди учащихся, ещё сложнее — вести агитационно-массовую деятельность среди сельчан, агитировать за колхозный строй. Наибольший контакт находили с местными жителями старье учителя: Сумниковы, Сидоренко, Исаченко, Прохоренко и другие.

Молодёжь, пополнившая педагогический коллектив, внесла свежую струю в культуру села. Каждый из молодых учителей владел каким-либо музыкальным инструментом. У кого-то был прекрасный голос, кто-то имел артистические способности. В появления в деревнях подобных самодельных коллективов местные сходки стали более многолюдными. На них проще решались задачи, поставленные перед советской деревней.'

Ещё и сегодня старожилы помнят наиболее активных учителей, вместе с которыми им довелось стать свидетелями тех далёких времён, пережить великие исторические события и преобразования. Многие из них являлись выпускниками Замшенской школы. Они вспоминают, что бессменным директором её был Яков Фёдорович Сумников. В 30-е годы, окончив учебное заведение, его сменил на этом посту племянник — Сергей Тихонович Сумников. Приехал он на родину вместе с семьёй. Его супруга, Анна Александровна, родилась в 1907 году в городе на Неве. Здесь же получила начальное, среднее, а затем и высшее образование. Вместе с полученными знаниями впитала в себя идеалы революционного Петрограда, дыхание обновлённого общества, что и определило её дальнейший жизненный путь — путь учителя и гражданина, патриота своей Родины.

Коллектив педагогов сразу же полюбил вновь прибывшую коллегу, по достоинству оценил её широкий преподавательский уровень: она вела русский язык и литературу, иностранный язык, биологию, химию, пение. Обладая даром вожака-организатора, умела найти подход к каждому ребёнку, становилась его другом, наставником, советчиком. Такими же коммуникабельными были и двое детей Сумниковых — Леонид и Анатолий. Они держались на равных со сверстниками, не кичились своим происхождением.

Работая над этим материалом, я использовала воспоминания тех, кто лично знали Анну Александровну — её бывших коллег и воспитанников. Когда я показала фотографию учителей Замшенской школы довоенной поры "своему родственнику П. П. Стоянову, проживающему в г. Витебске, тот, несмотря на свой уже довольно солидный возраст и прожитый сложный жизненный путь, узнал на снимке всех, назвал их имена, отчества, преподаваемые ими предметы. Но самые тёплые слова говорил он об А. А. Сумниковой: «Вот такой она была в жизни. Такой она запечатлена на этом снимке: одухотворённые черты лица, вся стать её — птица перед взлётом». Помогли мне также бывшие ученики этой школы, жившие некогда в Замшенском сельсовете — братья Стояновы (Михаил, Василий, Пётр), Александра Петровна Колосова, живущие ныне в г.п. Лиозно, дети Лебедевых, Сумниковых, которые проживают теперь в

разных городах, и не только в Беларуси, с кем-то я вела переписку, с кем-то общалась по телефону. К счастью, со многими имела возможность встретиться лично. Таким образом и был собран богатый материал о замшенских патриотах. Безусловно, в одну статью всё не вместить. Вот если бы у кого-то появилось желание написать повесть о наших земляках, о тех, кто рисковал собственной жизнью, спасая мир, приближая победу.

Теперь непосредственно о том, кто запечатлён на этом снимке. Здесь всего 12 учителей Замшенской неполной средней школы предвоенного времени, шесть из них - Сумниковы. В первом ряду слева - Яков Фёдорович Сумников, бывший директор школы и его преемник, племянник Сергей Тихонович Сумников, директор предвоенного педколлектива. Между двумя Сумниковыми сидит Анна Ивановна Прохоренко (в очках). Это мать известного в Беларуси, заслуженного художника Щемелёва, юбилей которого весной этого года широко отмечался не только по всей республике, но и за её пределами. Далее, в том же ряду, в тёмном нарядном платье - Анна Александровна Сумникова. К сожалению, никто не может назвать имена двоих молодых людей, сидящих по обе стороны от неё. Это, по-видимому, были учителя начальных классов. Известно, что они оба были призваны на фронт по первой мобилизации.

Во втором ряду стоит Надежда Яковлевна Сумникова (Лебедева), дочь Якова Фёдоровича Сумникова (на фотографии - по диагонали с отцом). По правую руку от неё - супруги Анна Васильевна (Дорожкина) и Михаил Тихонович Сумников. Рядом с ним - преподаватель белорусского языка - Попел, по правую руку от неё - математик Ксения Дементьевна Бутянова. Крайняя - Татьяна Семёновна Демьянова, преподававшая русский язык и литературу. На фотоснимке по какой-то причине отсутствует Ефросинья Васильевна Сумникова - супруга Якова Фёдоровича и мать Надежды Яковлевны. Она преподавала в младших классах. Таким образом, в предвоенном замшенском педколлективе было семеро Сумниковых, а всего учителей в сельсовете - более двадцати, включая начальные школы.

К концу 30-х годов обстановка в деревне стабилизировалась. Зажиточнее становились колхозы. Школы укреплялись новыми молодыми специалистами, которые приезжали на работу в родные места. Так, школы Замшенского сельсовета, в т.ч. и неполная средняя школа, были укомплектованы педагогами из числа уроженцев данной местности. Такой подход к подбору кадров обеспечил более широкие возможности учебно-воспитательной работы в школе и общественно-пропагандистской деятельности среди местного населения. Замшенская семилетка стала одной из лучших в районе. Её коллектив был удостоен высокой чести: фотокорреспонденты по заданию облоно, выехав на место, сфотографировали педагогов на фоне здания школы. Этот снимок был помещён в областной газете, и каждый учитель получил такую же фотографию на память. Одна из них дожила до сего времени, бережно хранясь у сына Михаила Сумникова - Эдуарда, проживающего и сегодня в деревне Замшено.

ШКОЛА ЖИЗНИ. ШКОЛА МУЖЕСТВА И ДОБРА: об учителях Велишковичской школы //Сцяг перамоги. – 2003. - №87.

Когда у человека всё ещё впереди и он молод, то его помыслы устремлены в завтрашний день. Он думает о своем будущем: каким оно будет? Но чем короче путь к "финишной ленточке", тем всё чаще мы обращаемся к прошлому, анализируя то, что прожито, то, что было. Ещё и ещё раз мысленно заново переживаем пережитое когда-то, представляя себя в тех ситуациях, в которых были в прошедшие годы, и с теми людьми, которые вошли навсегда в наше сердце и память.

Первое значительное событие в жизни каждого человека — это, безусловно, школа. Вылетев из родного семейного гнезда, мы сразу же заполняем наш духовный мир новыми познаниями, новыми морально-этическими нормами, а в лице одноклассников и своих учителей обретаем близких, добрых друзей, наставников. На всю жизнь...

Больше шести десятилетий минуло с той поры, когда мы, четверо девочек из деревни Михалиново (я сама и три моих подружки), пришли после окончания Палёновской начальной школы в 5-й класс Велишковичской неполной школы. А впоследствии, получив здесь соответствующее образование, выбрали для себя одну и ту же профессию. И всё это время продолжали изредка встречаться, вспоминая время совместной учёбы, школу, ставшую нам родной, и, конечно же, учителей, которых мы

считали и считаем образцом для подражания. А тогда, после окончания семилетки, мы продолжали учёбу: кто в средней школе, кто в педучилище, затем — в институтах. Ведь нам очень хотелось стать педагогами. И непременно такими, как наши учителя из тех далёких предвоенных лет. Свою заветную мечту мы осуществили. Но не об этом хотелось бы рассказать в данной статье. Для истории, для сегодняшних учеников и педагогов очень важно иметь как можно больше сведений о том, какой была их школа в ту далёкую пору, чем жили тогда преподаватели и их воспитанники. Об этом и пойдёт речь ниже.

Стефан Александрович Макаренко и Надежда Семёновна Петровская. Они были мужем и женой. Оба уроженцы Уновского сельсовета нашего района. Стефан Александрович возглавлял школу, преподавал биологию, химию. Высокого роста, красивый, статный, вьющийся волос. Всегда подтянутый, подчеркнута аккуратный: выглаженный костюм, белоснежная рубашка, галстук. Неторопливая походка, внимательный взгляд. Директора, если не на уроке, то чаще всего

НА СНИМКАХ: С. А. Макаренко и Н. С. Петровская. (Фото из семейного архива).

можно было видеть в саду, так называли тогда пришкольный участок. Школа старинное здание, успевшее послужить на своём веку и жилым домом, и церковно-приходским училищем, и народным училищем, тогда выглядела совсем неплохо, являлась красой и гордостью села. Вокруг здания — сад, зелёные насаждения, цветы, ухоженные рачительными хозяевами. Всё это казалось нам, детям, настоящим раем. Но в "рай", разумеется, не разрешалось заходить просто так, когда кому вздумается. Ходили туда вместе с преподавателем на уроках ботаники. Под руководством Стефана Александровича проводили опыты, выполняли различные работы.

Помнится, в этом саду было два фруктовых питомника: в одном — только что привитые молоденькие яблоньки, в другом — деревца побольше, уже готовые для пересадки в грунт. Саженцами из последнего руководитель школы награждал учеников за отличные успехи в учёбе и примерное поведение, да в придачу ещё дарил книгу "Садоводство". Удостоились такой чести и мы, все четверо, обрадовав родителей. Ещё бы! Сам директор заботится о садоводстве в округе. Как это было дорого тогда и памятно поныне.

Стефан Александрович никогда не повышал голоса, разговаривал спокойно, не читал на уроках нравочений. Но зато во время перемены нередко заходил в классы, садился рядом с кем-нибудь из учеников и вёл с ним беседу. А иной раз, когда он шел по школе или по улице, ребята сами обступали директора, желая о чём-то спросить или поговорить.

С самого начала изучения ботаники, с 5 класса, С. А. Макаренко требовал от учеников хорошего знания окружающей флоры. В школе было множество гербариев, изготовленных им

самим и учащимися. Мы умели работать с микроскопом. Стефан Александрович научил нас также пользоваться определителем растений. Уже после, когда довелось изучать биологию в педучилище, мы, ребята из обычной сельской семилетки, удивляли преподавателей своими познаниями.

Его жена, Надежда Семёновна Петровская, была завучем школы и преподавала математику. Она, хорошо помнится, хотела сделать арифметику доступной каждому из учащихся, интересным и, следовательно, любимым предметом, что ей, по нашему нынешнему суждению, удавалось. Иначе не осталась бы она любимым учителем в памяти своих учеников. Аккуратная причёска, строгое, но в то же время доброе лицо, пронизательный взгляд. У этой супружеской четы был один ребёнок, сын Володя, который ходил тогда в первый и второй класс.

С 1937 года Стефан Александрович стал заведовать Лиозненским районным отделом народного образования, а на посту директора школы его сменил Тимофей Александрович Лебедев. Надежда Семёновна была назначена завучем Лиозненской русской средней школы. Жили они в райцентре. Во время Великой Отечественной С. А. Макаренко находился на фронте. Надежда Семёновна с сыном — в советском тылу. После окончания войны семья обосновалась в г. Витебске, где Надежда Семёновна вновь стала завучем, на этот раз, школы № 18, а Стефан Александрович — заведующим школьным отделом Витебского обкома партии. Владимир после окончания Витебского мединститута остался работать в этом учреждении, получил учёные степени. Он и сейчас продолжает заниматься преподавательской деятельностью, хотя уже давно на пенсии. Об этом замечательном человеке, прекрасном учителе и педагоге можно было бы написать целую поэму. Как об Антоне Семёновиче Макаренко. Во всяком случае нам, его ученикам, очень бы этого хотелось. Но сегодня ограничусь лишь небольшими воспоминаниями, насколько позволяют это сделать рамки газетной статьи.

Жил Кузьма Степанович в то время в семье своих родителей в деревне Замшено. Практически на протяжении всего дня его можно было видеть в школе. С нетерпением ждали мы уроков физики и математики в 6-м и 7-м классах. К. С. Гринкин, который преподавал эти предметы, убеждал нас, несмышлёнышей, в необходимости серьёзно относиться к изучению данных дисциплин, так как «математика приводит ум в порядок», а «физика толкает жизнь вперёд, помогая человеку, а тем, кто будет жить в XX-м веке, придётся в этом убедиться, так как XX-й век — это век физики». Тогда мы, дети-подростки, не могли понять всю глубину суждений нашего преподавателя. Зато теперь, по прошествии времени, на практике убедились в этом. Но вышеназванные предметы мы тем не менее старались учить как можно лучше. И кличка у нашего педагога была не оскорбительной — «фюзис», что в переводе на русский язык означает «физика». Понятно, что она отражала его любовь к преподаваемому им предмету и наше уважение к учителю.

На уроках математики Кузьма Степанович напоминал виртуоза. На геометрии, к примеру, без помощи нужных измерительных принадлежностей мог изобразить на доске любую геометрическую фигуру, будь то окружность, ромб или любой треугольник, хотя от своих учеников требовал навыков владения измерительными приборами. Любые математические записи он делал аккуратно, строго выводил каждую букву или цифру. Ученики всегда стремились ему подражать в этом.

«Физвух» — именно так на белорусском языке сокращённо назывался урок физического воспитания. Некоторое время эту дисциплину преподавал Кузьма Ульянович Бессмертный, который вёл у нас ещё и немецкий язык. Но потом на смену ему пришёл К. С. Гринкин, наш строгий «фюзис». Мы были несколько удивлены этим, считая, что уж ему-то никак «не подходит» вести второстепенные предметы. Но Кузьма Степанович на первом же уроке делом доказал, что он настоящий учитель и что физическое воспитание так же важно и необходимо, как и все другие школьные дисциплины. А было это так. Объясняя новое задание или упражнение, он сам выполнял их: будь то прыжки в длину или в высоту, техника бега или упражнения на турнике. Да к тому ещё и приговаривал при этом свои прибаутки-пословицы, стараясь

воспитать у нас любовь к физкультуре: «физвых» — ворота в любую науку», «Без «физвыха» будзе ліха», «Кто «физвых» не уважает, часто «неуд» получает, и на две ноги хромает».

По-видимому, он сам всё это сочинял экспромтом. Во всяком разе прибауток у него было много, на все случаи. Некоторые, правда, стёрлись из памяти, но многое помнится и сегодня.

Зимой уроки физкультуры проводились в актовом зале, который назывался «сборной». Иногда ходили на лыжах. Мальчики приходили в такие дни на своих лыжах-самоделках. У преподавателя были собственные, приобретенные в магазине (школьных лыж, как теперь, тогда не было). Мы, девочки, как-то механически выбывали из этого вида спорта. Нам оставалось разве что только «болеть» за соревнующихся в лыжном беге учителя и его воспитанников. На переменах, будь то лето или зима, всем надо было выходить из класса, чтобы проветрить классные комнаты. Часто на больших переменах (зимой) Кузьма Степанович бывал организатором снежных баталий среди старших учеников. Команды комплектовались по жеребьевке и были всякий раз новыми: то сражались «лётчики» и «трактористы», то «зеленые» и «красные», то «Абиссиния» с «Италией» и т.д. Такие снежные игры привлекали множество болельщиков. В роли судьи и арбитра выступал сам затейник этих весёлых игр. Учитель считал, что такой отдых на переменах предполагает активную познавательную деятельность на уроках.

Весной и осенью уроки физкультуры проводились на стадионе, который располагался недалеко от школы около разрушенной церкви. Там было все то же самое, что и сейчас есть на таких стадионах, если не больше: турники, бревно, перекладина. Имелись также шесты, канаты, «гигантские шаги». Есть основание утверждать, что создание этого спортивного сооружения не обошлось без участия самого педагога, потому что он бывал здесь не только с учениками на уроках, но и с местной молодежью во время различных соревнований. Спортивной формы тогда у школьников не было. Вот только на занятиях в зале или во время выступлений на школьных вечерах мы одевали трусы и майки.

Среди старшеклассников Кузьма Степанович организовал авиамодельный кружок, и на стадионе часто проводились смотры — «Чья модель полетит дальше». Наши старшие братья принимали в них участие, а двое учеников из нашей школы потом неслучайно поступили в летное училище и стали летчиками. Это Дорофеенко и Полинов.

В 7 классе К. С. Гринкин начал вести у нас русский язык и литературу вместо ушедшей в декретный отпуск учительницы Н. Я. Лебедевой, которую мы очень любили. Он же стал вместо нее и нашим классным руководителем. Наши сомнения и некоторое недоверие к вновь испеченному языковеду развеялись практически сразу же, когда он уже на первом же уроке, не заглядывая в книгу, начал объяснять новую тему, подкрепляя объяснение четкими красивыми записями примеров на доске, а на уроке литературы читал всегда все наизусть, причем выразительно, эмоционально и требовал того же от нас, убеждая заучивать как можно больше наизусть не только из того, что задано на уроке, а и по собственному выбору. Немного погодя с нами проводился интересный урок-конкурс чтецов, которые поощрялись не только хорошими оценками, но и призами (в основном книжками). В своей последующей педагогической практике мы также иногда прибегали к подобному виду работы на уроках литературы или литературного чтения. Многие из его бывших учеников, став учителями, унаследовали его педагогические приемы, активную жизненную позицию. В принципе он для всех нас, его воспитанников, служил примером для подражания.

В 1937 году наша страна отмечала 100-летие со дня гибели великого русского поэта А. С. Пушкина. В школе задолго до этой даты — 10 февраля — под руководством К. С. Гринкина шла подготовка к литературному вечеру. В той же «сборной», где проходило это мероприятие, вместо ламп горели стеариновые свечи. На стене — большой портрет поэта в зеленом обрамлении, цитаты и изречения, выставка рисунков учащихся — иллюстраций к произведениям Александра Сергеевича. Тематика их была широкой и разнообразной.

Кузьма Степанович выступил с докладом о жизни и творчестве великого русского поэта. В заключение сам докладчик продекламировал стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», после чего Объявил минутой памяти. Все встали со своих мест, и в зале воцарилась всё говорящая тишина. Такой волнующий и незабываемый момент нам довелось пережить, пожалуй, впервые в своей жизни.

Затем выступали декламаторы (именно так называли тогда любителей художественного чтения — декламации), учащиеся всех классов. Памятным для нас осталось и выступление

старшего учителя школы, языковеда Якова Трофимовича Костюченко. Он читал отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава». Девочки-семиклассницы выступили с инсценировкой его рассказов «Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель».

Вечер удался. На нем присутствовали педагоги, ученики и их родители. Причём, не только из Велешкович, но и из дальних деревень. Сюда они приехали на подводах, чтобы забрать Домой своих детей с вечера, а заодно и поприсутствовать на таком интересном мероприятии. Ведь тогда люди не были избалованы ни спектаклями, ни телевидением.

Нередко проводились в школе и другие тематические вечера. Был организован струнный оркестр под руководством все того же К. С. Гринкина. Многие ученики играли на музыкальных инструментах: кто на гитаре, кто на балалайке. Очень популярны были цимбалы. Очаровательная Маша Курякова из Старой Дубравы была лучшей цимбалисткой. К сожалению, во время войны она погибла при невыясненных обстоятельствах. В оркестре играл и её односельчанин, скрипач, не ученик, а уже взрослый человек Иван Кузьмич Бурденко. Он же и дирижировал оркестром. Вечера в школе проводились не часто, но обязательно к праздникам: 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая. Комсомольская организация под руководством комсорга Тамары Дубовко и старшей пионервожатой, учительницы начальных классов Глафиры Федоровны Шклярской всегда вели подготовку к ним на высоком уровне. Постоянно действующего танцевального кружка не было, но на вечерах присутствовали хореографические номера. Старшими девочками исполнялись «Лявониха», полька «Крыжачок» и др. Артисты сами готовили костюмы. Тогда, перед войной, в каждом доме если не в мамином, то в бабушкином сундуке можно было найти белорусскую национальную одежду, необходимую для выступления. К сожалению, в наше время ни на вечерах в школе, ни на смотрах художественной самодеятельности не увидишь этих уходящих в небытие танцев. Наши учителя делали все возможное, чтобы культура и народные традиции нашего народа продолжали жить в последующих поколениях.

Помнится и ещё одно доброе дело Кузьмы Степановича. Он боролся за чистоту языка и не считал лишним исправлять речь ученика, будь то русский или белорусский язык, давал наставления вдумываться в значения слов. Вот тому пример. Недалеко от Велешкович, на самом возвышенном месте, расположено старинное сельское кладбище, которое местные жители называют «сороковищем». А наш педагог исправлял это слово в речи своих питомцев на «церковище», объясняя при этом, что кладбищем стало место, где раньше, до постройки большой церкви в центре села, была небольшая деревянная церквушка, которая сгорела. Так это место и стало называться «церковищем» с ударением на букву «о». Но некоторые люди и поныне произносят его иначе, искажая первоначальный смысл, а досужие на вымысел объясняют так: там, якобы, было когда-то похоронено сорок каких-то мучеников.

В нашей школе регулярно выпускалась общешкольная стенгазета под заглавием «Ударник». Двое из нас (автор этой статьи и моя подруга) входили в состав редколлегии. В «сборной» постоянно висела деревянная рамка для стенной печати. Газета периодически, два-три раза в месяц, обновлялась. В ней было пять колонок. Первая предназначалась для передовицы и посвящалась какому-либо важному событию в стране или юбилею великих людей. Во второй — «Наши ударники» — рассказывалось об учениках, успевающих на «хорошо» и «отлично». В третьей помещался, как правило, критический материал: карикатуры на лентяев и нарушителей школьной дисциплины, прогульщиков, а также сатирические куплеты. Стенгазета была отражением школьной демократии. Здесь же, в «сборной», на стене был прибит «Ящик для заметок». Туда и опускали ученики свои письменные критические материалы (анонимные или с подписями). Редколлегия не имела права рассекречивать их авторов.

Самыми талантливыми в редколлегии были Фруза Бондарева и Николай Дорофеенко. Ефросинья Леонидовна ныне профессор, преподаватель факультета журналистики Белгосуниверситета, известный в республике кинокритик. Николай Фёдорович долгое время был главным редактором газеты «Віцебскі рабочы», он рано ушел из жизни. Опыт журналистской работы, умение правильно и грамотно писать пригодились позже и нам, мне и моей подруге, в нашей будущей педагогической работе.

Выход каждого номера стенгазеты был настоящим событием. Все переменки возле неё толпились ученики, обсуждали прочитанное, живо и эмоционально реагировали на критические

заметки. В школах и теперь есть стенная печать, но, к сожалению, её материалы нередко носят формальный характер, а выпуск газеты превращается в мероприятие для «галочки».

Кузьма Степанович Гринкин в любом деле прилагал максимум усилий и заинтересованности. Являясь умелым организатором, он, как правило, сам ничего вместо ребят не делал, но своим присутствием, доброй подсказкой, личным примером воспитывал у них ответственное отношение к любому поручению. Ибо в воспитании, как и во всей жизни, нет мелочей; именно из малого рождается великое — это внушал педагог своим ученикам.

Тогда еще не было такого слова, как профориентация. Но Кузьма Степанович, будучи глубоким психологом, знатоком человеческой души, считал своим долгом давать целенаправленные советы выпускникам: что им делать в будущем, какую специальность лучше избрать, чему посвятить свою жизнь. К его суждениям прислушивались не только в данном вопросе, но и в многих других ситуациях.

У нас активно работали пионерская и комсомольская организации. Наши сверстники были старше нынешних учеников базовой школы, ведь учёбу они начинали в восьмилетнем, а то и в девятилетнем возрасте. Так что семиклассники в своем большинстве уже становились комсомольцами. Как правило, в пионеры принимали только успевающих на «хорошо» и «отлично», имевших примерное поведение. В комсомол также рекомендовали при высокой успеваемости и активном участии в общественной жизни школы. Рекомендации ученикам давали учителя-комсомольцы. Общественная деятельность пионерской и комсомольской организаций не ограничивалась проведением сборов отряда или дружины, комсомольских собраний. Учителя-комсомольцы организовывали походы трудового характера. Колхозы тогда засеивали большие площади такой важной технической культурой, как лён. Уход за посевами долгунца требовал ручного труда (о химпрополке в то время и речи не было). Тут как никогда кстати была помощь школьников. Обычный сорняк вырвать было несложно, только не сорняк-паразит — повилику, которая, обвивая растение льна, тянула из него питательные вещества, выращивая на своем прочном стебельке узелки со спорами. Надо было вырывать лён, заражённый повиликой, собирать в кучки и сжигать, чтобы не засорять будущий семенной материал. Об этом с нами преподаватели беседовали еще до выхода на прополку. За работу не платили — это была пионерская помощь коллектива хозяйству. Председатель местного колхоза «Беларуская веска», переименованный по инициативе учащихся школы в 1939 году в колхоз имени Пушкина, известная Василиса Селезнева купила и принесла в школу патефон. Ученики собирались вместе в «сборной» и слушали музыку, стихи детских писателей.

У комсомольцев было постоянное поручение — ликбез, т.е. ликвидация безграмотности. Этим были заняты и учителя. Надо было всем сельским жителям дать начальное образование: каждого из числа неграмотных научить читать, писать, считать, независимо от возраста. Хотя по итогам первой Всесоюзной переписи населения самый низкий процент неграмотных был как раз в Велешковичском, Высочанском сельсоветах, в местечке Лиозно. Тем не менее, эта работа проводилась в нашей стране повсеместно вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Если глубже познакомиться с историей Велешковичской средней школы, приходишь к убеждению, что это учебное заведение за время своего существования (около 150 лет) выпустило сотни, а то и тысячи образованных, грамотных людей, которые, приобретя здесь достаточно прочный фундамент знаний, поступали затем в специальные учебные заведения в разных городах, вплоть до Москвы и Ленинграда. Получив нужное образование, возвращались в родные места, работали в школах, училищах, устраивались надомными учителями. Некоторые из них на протяжении ряда лет, вплоть до 40-х годов, занимались педагогической деятельностью в своей родной школе, сменив здесь прежних преподавателей, а также и в других школьных учреждениях района. Среди них Яков Трофимович Костюченко, Николай Аверьянович Исаченко, Ульян Семенович Сидоренко, Яков Федорович Сумников, Евсей Трифонович Волков, Кузьма Ульянович Бессмертный, Василий Волков, Анна Александровна Сумникова, Мария Трифоновна Волкова и многие другие, чьи имена, к сожалению, не сохранились в памяти.

Затем уже последующие поколения, приобретя среднее или неполное среднее образование в Велешковичской школе, поступали в педагогические учебные заведения, возвращались сюда в качестве преподавателей и трудились здесь до выхода на пенсию. И сегодня живут в памяти благодарных учеников их имена: Нина Николаевна Исаченко, завуч школы с 1943 года, она же

преподаватель химии и биологии; Валентина Ивановна Голубева, преподаватель математики; Татьяна Васильевна Волкова, учитель начальных классов; Евдокия Петровна Гречишникова, учитель начальных классов, а также преподавала математику (до этого она работала в Уновской НШ и заведовала Поленовской начальной школой), Нина Яковлевна Волкова, Зинаида Григорьевна Кунаева и другие. К примеру, больше полувека трудились здесь на педагогическом поприще супруги Лазаревы, трое детей которых, окончив в свое время Велешковичскую среднюю школу, унаследовали призвание родителей.

Великая Отечественная война высветила все лучшие качества нашего народа: патриотизм, сплоченность, ненависть к поработителям и готовность пожертвовать всем, даже жизнью, во имя победы над врагом. В Велешковичском сельсовете это проявилось особенно ярко и убедительно. Без сомнения, немаловажную роль здесь отыграла школа с ее всегдашним авторитетом, высоким уровнем учебно-воспитательной работы, личным примером учителей из Велешковичской, Замшинской, Глоданской неполной средних и местных начальных школ.

22 июня 1941 года наши люди, в том числе и жители Велешкович, никак не могли поверить в то, что началось великое противостояние, все тяготы которого придется испытать на себе каждому; от детей до стариков. И не только на передовой, но и по обе стороны фронта. Тогда думалось, что вторжение фашистов вскоре будет приостановлено и ликвидировано (ведь только недавно был заключен пакт о ненападении). Но уже на следующее утро в клубе состоялось собрание колхозников, а затем митинг, на котором конкретно было заявлено о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

В стране к тому времени была объявлена мобилизация. Мужчины, получив повестки, направились в райвоенкомат. Молодежь, бывшие ученики, учителя начали собираться на школьном дворе. Пришли заплаканные женщины, проводившие на фронт своих близких. Пришло и много учеников. Пионеры окружили Глафиру Федоровну, старшую вожатую, которая после окончания учебного года ещё не успела уехать домой, к родителям. Впрочем, ей уже никогда больше не встретиться с ними (в годы войны она погибла, как герой).

Вспомнили здесь и своего бывшего, самого авторитетного комсомольского вожака — Домну Дубовко. Дело в том, что после школы, когда выпускники разъезжались по разным уголкам Союза, Дубовко, окончив 9 классов, решила поступать в школу ФЗО металлистов. При этом еще и шутила с одноклассниками относительно такого необычного для женщины выбора профессии. Мол, не зря нарекли меня Домной: ведь это не что иное, как сталеплавильная печь. Плавить металл не смогу, а вот обрабатывать его буду. Сейчас идет индустриализация страны, и это очень нужная специальность. «Только чур! — заявила тогда девушка. — Я уже больше не Домна. Я теперь Тамара. Так, по крайней мере, посоветовал мне назваться наш Кузьма Степанович Гринкин, потому что это имя звучит величественно и строго. А старое я оставляю навсегда здесь, в Велешковичах».

В училище металлистов обучались в основном юноши, но они не игнорировали своего комсорга-девушку. Напротив, прислушивались к ее мнению. Как ученица-отличница и как комсомольский лидер, Т. Дубовко была избрана на первой же районной комсомольской конференции членом бюро Октябрьского райкома комсомола г. Витебска.

В 1939 году, сразу же после освобождения и присоединения к СССР западных областей Украины и Белоруссии, сотни молодых людей, коммунистов и комсомольцев, по призыву партии поехали туда. Работники идеологического фронта, врачи, учителя, финансисты. Среди посланцев было немало бывших учеников Велешковичской неполной средней школы, педагогов — учителя Нина Николаевна Исаченко, Ольга Павловна Морженкова, финансовый работник Мария Федоровна Логинова и другие. В их числе была и Домна (Тамара) Александровна Дубовко. Она стала секретарем Чижевского райкома комсомола Белостокской области.

Позднее Т. Дубовко вспоминала, как в октябре 39-го года встречали их поезд с посланцами-энтузиастами на вокзале в Белостоке: с цветами, музыкой, песнями, приветствиями. Здесь же, на вокзале, состоялся митинг, где выступающие выражали искреннюю радость по случаю прибытия друзей, которые помогут построить такую же жизнь, как в СССР. Тогда казалось, что она будет прекрасной и интересной. Хотелось трудиться с полной отдачей на благо братского славянского народа. Но уже в первые месяцы своего пребывания на белостокской земле девушке пришлось убедиться в том, что не все так просто и гладко. Секретарю, да и всем работникам райкома, приходилось выезжать, а чаще выходить пешком на встречи в далекие

деревни и хутора с целью создания комсомольских первичек, позднее — для организации колхозов. Нелегко было войти в контакт ни с молодежью, ни, тем более, с пожилыми людьми: так велико было влияние противодействующих сил, устоявшаяся веками психология собственности. Поскольку время было тревожным, идеологические работники имели при себе оружие, хотя применять его им не пришлось (до этого дело не доходило). Главным же их орудием было слово, умение убеждать.

И вот грянула Великая Отечественная. Уже на следующий день посланцев с восточных районов срочно отозвали на прежнее место жительства. Привожу воспоминания самой Т. Дубовко о том времени: «Утром 23 июня нас ознакомили с решением ЦК КПБ о срочном прибытии в распоряжение Витебского обкома партии в связи со сложившейся международной обстановкой. Уходили незаметно, дабы не было ни проводов, ни преследований, и не большим отрядом, а разбившись на маленькие группы. Не думали о том, что идти придется впроголодь, что единственные туфли не выдержат такого долгого пешего путешествия. Лишь волновались, что не сможем за три дня пройти такое расстояние (от Белостока до Витебска — не одна сотня километров) и явиться к указанному времени. Идти по большим шоссейным дорогам было невозможно: то налетали самолеты с черными крестами и поливали шоссе и передвигающихся по нему людей пулеметными очередями, то сбрасывали свой смертоносный груз — бомбы. Двигались на запад непрерывным потоком наши воинские части, и по шоссе невозможно было идти против такого течения. Тогда мы шли по перелескам, кустарникам, но потом, потеряв ориентир, снова выходили на шоссе, боясь заблудиться. Несколько раз нас задерживали постовые, приводили в штаб, чтобы выяснить цель нашего путешествия. Приходилось объяснять, показывать свои документы, тогда отпускали нас с миром. Скорость нашей ходьбы с каждым днем убывала, т.к. мы уже порядком устали, да и проголодались. Обращались к красноармейцам с просьбой дать что-либо съестного, но те шли, торопясь от привала до привала, не имея при себе сухого пайка; где-то вслед за частями следовали кухни.

Когда мы, утомленные, однажды забылись долгим сном и, проснувшись, хотели снова взойти на шоссе, то увидели, что по нему движется поток техники, но, подойдя ближе, мы с ужасом убедились, взглянув на пестрые танки, что это немцы. Теперь нам стало ясно, что не войти нам в Витебск: немцы уже в городе. От Орши до Велешкович шла одна, от усталости и от горького чувства, что враги уже разгуливают по нашей земле, было все безразлично, пусть даже и смерть».

Когда, наконец, добралась до своей деревни, девушке встретились знакомые односельчане, но не узнали они в грязной измученной беженке Тамару Дубовко. Зато родители, брат и сестра обрадовались ее возвращению домой. Но одновременно и забеспокоились: что ее здесь ждет? Неужели то же самое, что постигло уже некоторых односельчан, коммунистов и комсомольцев. Правда, о грозящей опасности Тамаре сразу ничего говорить не стали. Ведь девушка мало того, что была смертельно уставшая, истощенная, но вдобавок ко всему еще и заболевшая в пути воспалением легких. Домашнее лечение не могло спасти больную от затянувшейся пневмонии, местного же врача призвали в армию. В селе осталась лишь акушерка Бронислава Ивановна Исаченко, мать Жени Исаченко, которая считала Тамару своим старшим другом и наставником. Женщина, хотя и не врач, но все же медик с большим опытом, смогла поднять больную на ноги. Женя приносила в дом Дубовко все новости. А они были страшные: фашисты расстреляли несколько учителей (их имена есть в книге «Память. Лиозненский район»), а также колхозников,

Особенно взволновало сообщение о расправе с Василисой Ермолаевной Селезневой. Эта рядовая труженица была известна не только в нашем районе, но и далеко за его пределами как передовой льновод. Страна по достоинству оценила трудолюбие и деловые качества коммуниста Селезневой. Колхозники избрали ее председателем, а жители Велешковичского избирательного округа послали своим депутатом в областной Совет. Здешний колхоз был одним из передовых в Лиозненском районе по многим показателям. Накануне войны Василиса Ермолаевна была награждена орденом Ленина. Но не остановило палачей, казнивших руководителя хозяйства, даже то обстоятельство, что Василиса Ермолаевна была матерью пятерых детей.

Добрые соседи смогли укрыть их от врагов. Старшему, Михаилу, шел восемнадцатый год, и он ушел в партизаны, в скором времени погиб в одном из боев. Четверо девочек — Антонина,

Нина, Лидия, Валентина — избежали страшной участи — расстрела или угона в рабство. Их опекала старшая из сестер. Впоследствии государство помогло им стать на ноги, получить образование, занять достойное место в жизни.

Когда Тамара окончательно выздоровела, они с Женей Исаченко организовали группу в 14 человек из местной молодежи для подпольной работы, и в середине августа она была передана в распоряжение организаторов первого партизанского отряда. В нее вошли Тамара Дубовко, Женя Исаченко, только что окончившая медтехникум Нина Кротова, Дмитрий Дубовко, сестры Дроздовы, Ольга Гречишникова и другие. А гораздо позже Тамаре стало известно, что решением Витебского обкома партии от 25 июня она направлялась на подпольную работу в Лиозненский район. Не зная о данном распоряжении, отважная патриотка включилась в борьбу с врагом по собственной инициативе.

К концу августа 1941 года деятельные велешковичские комсомольцы организовали 17 активных групп, в которые вошло более ста юношей и девушек, в основном членов ВЛКСМ, бывших выпускников местной школы. Такие подпольные организации появились в деревнях Куряки, Заверино, Новая Дуброва, Ольховик, Замшено. Об этом не однажды вспоминала после войны Т. А. Дубовко, когда ее приглашали на встречу со школьниками в СШ № 1 и № 2 г.п. Лиозно, в пионерский лагерь (в ту пору она была секретарем Лиозненского райкома комсомола). И потом, уже работая в Витебске, Тамара Александровна также не отказывалась от приглашений на подобные мероприятия. Рассказывала она всегда очень интересно. Жаль, что тогда, из-за отсутствия необходимой техники, так и не удалось ни разу записать её выступление. Ведь ни в школах, ни у самих жителей Лиозно в ту пору магнитофона не было.

Что касается книги «Память. Лиозненский район», то в ней, из-за ограниченной площади, оказалось невозможным достойно воплотить образ того или иного героя. Там можно встретить лишь скудные сведения о Тамаре и Дмитрие Дубовко, о казненной Василисе Ермолаевне Селезневой и других славных патриотах. Правда, мы, уроженцы Лиозненщины, не теряем надежды прочесть повесть нашего земляка, первого послевоенного редактора районной газеты «Сцяг перамоп», писателя и журналиста Сергея Свиридова о героической борьбе жителей района с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Думается, не мало интересного может рассказать Сергей Алексеевич и о Велешковичской школе, где он в 30-е годы работал молодым учителем, о ее прославленных воспитанниках, имена которых стали известны не только в наших местах, но и далеко за пределами лиозненской земли. Среди них Е. Л. Бондарева, преподаватель БГУ, профессор, ведущий кинокритик, о которой говорилось ранее. Ефросинья Леонидовна не отрицает тот факт, что в её становлении как личности огромную роль сыграли педагоги Велешковичской неполной средней школы, где она училась, сумевшие зажечь в душе обычный деревенской девчонки жажду к познанию, открыть ей дорогу в большую науку.

Помнит свою школу, привившую ему любовь к такому нелёгкому делу, как работа в производственной сфере, и Владимир Павлович Морженков. Ему присвоено звание Героя Социалистического труда за внедрение в производство новых достижений на одном из московских химкомбинатов.

Проживает в г. Витебске участник двух войн, финской и Великой Отечественной, ветеран труда, капитан медицинской службы в отставке Мария Григорьевна Голодникова. Виктор Федорович Ландыченко, уроженец д. Михалиново, чьи боевые награды (полный кавалер ордена Славы) приравнены к званию Героя Советского Союза, в свое время также окончил нашу школу. Одним словом, немало её бывших выпускников прославили родную школу в труде и ратных подвигах.

Но вернёмся снова к воспоминаниям о Кузьме Степановиче Гринкине. С первых дней войны он находился в действующей армии. В начале июля наши войска оставляли Витебск с кровопролитными боями. Подразделение, в котором сражался К. С. Гринкин, должно было прикрывать отступающие части. Его ранило легко — в руку, а командира — в ногу. Оба получили приказ покинуть поле боя и самостоятельно отступать на восток, так как санитарный транспорт, уходящий с поля боя на восток, был перегружен. Легко раненые могли идти сами, но не по дорогам. Правда, комвзвода почти не мог передвигаться, в трудных местах даже полз. Его спутник тащил товарища на себе: благо он не был обделен физической силой и здоровьем. При первой же возможности сменили красноармейскую форму на штатскую одежду и сразу же

приобрели облик освободившихся из-под стражи арестантов. Подобных им бывших заключённых много тогда возвращалось из тюрем Витебска, Орши и других городов. Фашисты к ним были снисходительны по известной причине. Ведь некоторые из них, «обиженные» советской властью, впоследствии пошли на службу к оккупантам.

Путешественники рассчитали, что не успеют добраться до родительского дома в Замшине прежде, чем туда войдут оккупанты. Решено было остановиться в деревне Заверино, где жил когда-то любимый ученик Кузьмы Степановича — Николай Дорофеев (после войны он долгое время был главным редактором газеты «Віцебскі рабочы»). Местные жители показали, где живет Алексей Александрович Ксензов, отчим Николая, и предупредили, что немцы назначили его старостой общины (бывшего колхоза), а подобные им бродяги, появившиеся в деревне неизвестно откуда, должны явиться к нему и стать на учет. Так они и сделали. Гринкин вынужден был открыться Ксензову: мол, он бывший учитель его детей. Николая давно уже не бывало в Заверино: он продолжал учёбу, а затем ушёл на фронт. Две его младшие сестрёнки не узнали в явившемся в их дом «зеке» своего педагога и лишь удивлялись тому, что их отчим уделяет столько внимания каким-то неизвестным пришельцам, любезен с ними. Накормил, отвел им место в доме для постоянного проживания.

Немного позднее Ксензов объяснил гостям, почему он дал фашистам согласие стать здесь старостой — чтобы помогать своим. По этой же причине заняли аналогичную должность Федор Голодный в деревне Куряки, Гайков — в Михалиново. И в других деревнях старосты не были предателями и в течение всего периода вражеской оккупации служили надежными партизанскими помощниками, осуществляя связь с полицейской управой, где также были свои люди, защищали односельчан.

Погостил Кузьма Степанович у Ксензовых дня два-три и, уходя, сказал хозяину, что он намеревается заглянуть к родным в Замшине, а затем пробиться на восток, перейдя линию фронта (а «ворота» на нашу территорию тогда и в самом деле были за Колышками и за Красынями Глодонского сельсовета). Своему командиру Гринкин пообещал, что они обязательно встретятся, когда окажутся у своих. Забегая вперед, следует сказать, что Ксензов, связавшись с теми, кто представлял ядро будущего отряда мстителей, переправил вскоре и комвзвода на Большую землю.

В 1944 году, когда наша территория была освобождена от врага, Ксензов получил от давнего гостя, комвзвода, которого приютил в 41-м, письмо с благодарностью за все доброе, что тот для него сделал. В нем содержалась и просьба сообщить о Гринкине. А Кузьме Степановичу, к сожалению, не повезло...

Некоторое время его появление в родном доме в Замшине оставалось тайной. Знали об этом лишь его бывшие коллеги — Анна Александровна Сумникова и Надежда Яковлевна Лебедева. Их мужья, И. Т. Сумников и Т. А. Лебедев, были в то время на фронте. У Анны Александровны в подвале хранилась рация. Женщины каждый день слушали сводку информбюро, переписывали ее, размножали и раздавали знакомым. Те, в свою очередь, делали то же самое. Тогда это было очень нужно, ведь гитлеровцы, только ступив на нашу землю, кричали о своей победе: якобы Москва уже пала и русская армия капитулировала. Листовки-самоделки опровергали вранье гитлеровцев, несли людям правду. Те радовались, получив известие об истинной обстановке на фронте.

Подключился к этой деятельности и К. С. Гринкин, который смог связаться со своей бывшей ученицей из Велешкович — Женей Исаченко. Эта была смелая, находчивая девушка. Она без труда добиралась оттуда в Замшине. Радовалась каждой встрече со своим учителем. Сама переписывала текст полученных листовок и раздавала их односельчанам. Кузьма Степанович почти выздоровел после изнурительного похода, ранения и голодной осени 41-го, связался с партизанами и выразил желание переправиться на Большую землю, пойти в действующую армию. Ему отказали в этом, зато поручили нелегкое задание: сагитировать оставшихся в деревнях молодых людей в ряды народных мстителей. Он и в самом деле как авторитетный учитель имел огромное влияние на своих бывших учеников. А молодежи в селах было немало, особенно возвратившихся из городов, с мест учебы. Вскоре многие жители Велешкович, Замшине, Горян, Горшева стали партизанами не только по собственному желанию, но и благодаря настоящему совету своего педагога.

При высокой активности членов подпольной организации трудно было сохранять конспирацию. Кроме того, по слухам, имело место предательство. В результате в 1942 году были арестованы почти все участники подполья, жители Замшино, и несколько человек из других деревень. Их пытали в в комендатуре в течение нескольких дней, а потом расстреляли.

Приведу воспоминания жителя г.п. Лиозно Евгения Андреевича Пчелкина о той кровавой расправе в Замшино: «Мне шел тогда 15-й год, и годы войны мне запомнились навсегда. Особенно то, когда в 1942 году фашисты расстреляли большую группу наших людей (около 12 человек). Мы, мальчишки, всегда были в курсе всех событий в нашей деревне, и в то страшное утро из своего укрытия смогли наблюдать, как несколько немцев и два—три полицаи конвоировали группу обессиленных людей, которые еле переставляли ноги, хромя, поддерживая друг друга. Среди арестованных были и женщины. Кто-то плакал в голос, кто-то выкрикивал проклятья. Конвоиры тоже что-то кричали, подталкивая свои жертвы прикладами. На краю деревни стоял большой, теперь пустующий, колхозный сарай. Палачи поставили всех лицом к стене. Кузьма Степанович сделал пару шагов в сторону, повернулся к деревне и, сняв с головы шапку, прокричал несколько слов. Полицаи, участники казни, потом говорили, что он крикнул: «Прощайте, родные! Отомстите за нас». Его подтолкнул немец прикладом к стене, и раздались первые выстрелы. Никто не был убит: видимо, стреляли в землю. Потому что Анна Александровна Сумникова смогла приподняться на коленях и со слезами на глазах послала проклятья своим палачам. От слез, от душившей нас боли мы не смогли разобрать слов своей любимой учительницы.

Потом немцы, видимо, обозлившись на полицаев, оттолкнули их в сторону и выпустили по шеренге несколько автоматных очередей. Люди упали в разных позах. Еще было видно, как поднялась и беспомощно опустила чья-то рука, сделала какое-то произвольное движение чья-то нога...

Немцы собрались в кружок, закурили сигареты, а русские палачи поневоле стояли в сторонке и передавали друг другу после каждой затяжки самокрутку. Молчали все. Мы, очевидцы этой трагедии, сожалели о том, что не было у нас гранат, бросив которые в этот дымящий сигаретами кружок фашистов, смогли бы отомстить им сполна за их злодеяния. Немцы чувствовали себя хозяевами на нашей земле, победителями. Те, кого заставили служить великой Германии, быть «блустителями порядка», поняли, что их хотят сделать палачами своего народа. Больше их никто не видел в деревне. Получив подобный урок, они, по-видимому, ушли в партизаны. Только те, что остался лежать у стены, не могли больше ни говорить, ни думать. Их безмолвие было призывом к борьбе с коричневой чумой — фашизмом, к бдительности, готовности в нужный момент постоять за свою Родину».

В конце этого воспоминания Евгений Андреевич отметил, что, бывая на своей малой родине, в Замшино, всякий раз вспоминает те страшные дни оккупации, казнь патриотов. На деревенском кладбище — могилы Анны Александровны Сумниковой и Кузьмы Степановича Гринкина, которые напоминают о мрачных годах фашистского нашествия. Давно уже нет того сарая, где были расстреляны подпольщики (теперь там заправочная), но на этом месте, на мой взгляд, не мешало бы установить какой-то памятный знак, хотя бы скромную стеллу с именами казненных патриотов, чья жизнь была положена на алтарь победы.

Надежду Яковлевну Лебедеву фашисты пока не трогали. Но ареста она ждала изо дня в день. Каждый час ее жизни проходил в тревоге: вот-вот придут и за ней. Беспокойно было за дочурок — Раю, которая уже все понимала, и Реню, еще несмышлениша.

Враги догадывались, что ничего хорошего не может желать им сельская учительница, у которой муж — коммунист, бывший директор Велешковичской школы, теперь воюющий на фронте, а близкая родственница расстреляна.

В тревоге за судьбу детей (ведь они могли первыми поплатиться жизнью) Надежда Яковлевна обратилась через связных к партизанскому командованию с просьбой помочь ей: зачислить в свои ряды, решив одновременно вопрос о безопасности дочерей. Ответ пришел уже на следующий день, к сожалению, отрицательный. Дело в том, что в деревне должно было

действовать наше подполье. И вся надежда возлагалась именно на нее, Н. Я. Лебедеву. Женщине пообещали, что она будет зачислена в отряд, как только устроится на работу секретарем-переводчиком в волостную управу и начнет выполнять определенные задания командования.

Кто мог знать тогда в округе всю правду? Ведь подобные факты — связь с народными мстителями — держали в секрете. Вот почему односельчане к этому шагу Н.Я.Лебедевой отнеслись неодобрительно. Как же: бывшая учительница стала прислужницей у врага! Надежде Яковлевне с большим трудом удавалось играть новую роль. Ведь даже родителям нельзя было открыться. На упреки людей она могла только ответить: «Так надо. Знаю, что делаю». Те начали избегать встречи с ней, не здоровались как прежде. А в ненавистном учреждении приходилось делать веселое лицо, болтать глупости и выражать «искреннюю» благодарность за удачное трудоустройство.

Нелегко было вести такую двойную игру, каждый час, каждую минуту беспокоиться, что тебя, возможно, ждет разоблачение и страшная расплата. Ведь, по сути, ты в логове врага. Тем не менее, Н. Я. Лебедева систематически сообщала командованию отряда о готовящихся выездах полицейских и фашистов в деревни партизанской зоны с целью грабежей или расправы с кем-нибудь из членов семей, связанных с народными мстителями, а также о предстоящей карательной экспедиции. В её обязанности входило и выдавать пропуска своим людям, чтобы они могли пройти в Лиозно или же в другие населенные пункты. А чистые бланки женщина передавала в штаб отряда. Делалось это все через надежных связных. Одна из них и сейчас проживает в деревне Пронское. Это известная партизанка Надежда Ефимовна Козлова. А еще — Анна Васильевна Дорожкина.

Перед угоном молодежи в Германию фашисты предварительно проводили паспортизацию населения. Данные записывались в паспорт со слов самих людей. Зная, что обязательной отправке в фашистский тыл подлежат те, кто родился в 1925 и в 1926 годах, Надежда Яковлевна старалась ставить вместо них другой год рождения. Человек по паспорту становился то старше, то моложе на два-три года. Это помогло очень многим спастись от фашистского рабства. Сердце радовалось, когда после, поняв, в чем дело, некоторые родители приходили к ней со словами благодарности — хоть малую лепту внесла она в общую борьбу с врагом, чем-то помогла людям.

А на работе Н. Я. Лебедева по-прежнему не вызывала никаких подозрений. Немцы считали ее своим человеком, потому что местные жители высказывали своей односельчанке постоянное презрение: то забросят ночью камень в окно с угрожающей запиской «Смерть изменникам Родимы!», то сделают подобную надпись на дверях дома, где жила семья Лебедевых. Но это не очень огорчало патриотку, потому что та понимала: все это делается для того, чтобы ее обезопасив.

В конце лета 43-го, когда уже стало ясно, что близится час освобождения, Надежда Яковлевна получила письменное распоряжение незаметно покинуть Замшино и вместе с детьми прибыть и одну из деревень, откуда их перевезут в надежное мест. В стане врага в это время начались паника и неразбериха. Фашистам было не до Лебедевой, тем более, что она постоянно твердила о своем, якобы, желании отступить вместе с новыми хозяевами, чтобы избежать мести со стороны советской власти. Между тем в каждой очередной записке, полученной ею от партизан, неизменно стояла приписка: «враг будет разбит, победа будет за нами! Родина Вас не забудет». Читая это, добровольная помощница народных мстителей радовалась тому, что не сидела сложа руки, приносила пользу. Поэтому она с радостью ждала своих.

С приходом наших частей, освободивших территорию района, начали возвращаться в родные места те, кто уцелел в горниле войны. Шла вместе с детьми в свое Замшино и Н. Я. Лебедева, радуясь избавлению от оккупантов и тому, что смогла уберечь дочерей. Вот скоро она вместе с ними пойдет в школу. Только вот в какую? Пожалуй, в Велешковичи: там уцелело школьное здание. Там они опять будут учительствовать вместе с мужем, который вернется с фронта. Но не знала женщина, что впереди ее ждет серьезное испытание, и не одно. Первым страшным ударом было извещение о том, что Тимофей Александрович Лебедев пал смертью храбрых. Второе — возвращение к пепелищам: от дома ничего не осталось. И третье, которого она никак не ждала, — Н. Я. Лебедева предстала перед судом. Бывшая учительница обвинялась в измене Родине и сотрудничестве с оккупантами. Она сама признала это. Но записки, передан-

ные в свое время связными и написанные от руки, без подписи, не могли подтвердить тот факт, что Надежда Яковлевна работала в немецкой волостной управе по заданию народных мстителей. Партизанский отряд, из которого могли представить достоверные документы, уже передислоцировался в другой район, в тыл врага. К тому же нашлись и лжесвидетели, которые смогли, погрешив против правды, оговорить односельчанку. Суд же в основном акцентировал своё внимание на том, что Н. Я. Лебедева уцелела от репрессий, в то время, как другие её бывшие коллеги и товарищи по борьбе были расстреляны. В результате она получила срок лишения свободы. Но Верховный суд, рассмотрев, кассационную жалобу осуждённой, реабилитировал её, восстановив в прежней должности учителя и отменив предыдущее решение суда о лишении её этого звания.

Вскоре Надежда Яковлевна снова возвратилась в своё родное Замшино, хотя в отделе народного образования ей настоятельно советовали, во избежание кривотолков и незаслуженного оскорбления, сменить место жительства. Как сильный человек и истинный патриот, не чувствующий за собой никакой вины, она хотела сказать о себе правду людям, а ученикам Замшинской школы, приходя на урок немецкого языка, внушала, что «чужой язык — это мощное оружие в жизненной борьбе», и рассказывала им о том, как сама убедилась в этом на собственном опыте. У ребят постепенно изменилось отношение к преподавательнице и предмету. Чтобы развеять сомнения взрослых, дети которых учились в этой школе, на родительских собраниях выступали те, кто был причастен к партизанскому движению подполью. Они рассказывали об истинных событиях того времени. Помощь, оказанную Надеждой Яковлевной, подтверждали и односельчане, которых она смогла спасти от угона в Германию. Правда в конце концов восторжествовала.

Пришлось Н. Я. Лебедевой объясняться и перед учителями района, когда она впервые появилась на секции преподавателей иностранных языков. Надежда Яковлевна посчитала нужным принести своим коллегам своего рода исповедь. Она попросила слова и рассказала всё о том, что было с нею в годы войны. Это выступление было воспринято с пониманием, произвело впечатление на всех присутствующих. В подтверждение сказанному Лебедева показала и документ о своём непосредственном участии в борьбе с врагом. На неё стали смотреть другими глазами, установилось взаимопонимание. ...Больше полувека своей жизни отдала Надежда Яковлевна Лебедева самому прекрасному — воспитанию человека. Добрым словом вспоминают её те, к кому она прикасалась умом и сердцем, в кого вложила частичку себя, своей доброты, человеколюбия. Трудным, тернистым был путь этой женщины, но на земле она оставила прекрасный след, достойно воспитала детей, внуков — в них её продолжение. Если о тебе по-доброму вспоминают через многие десятки лет, то ты прожил жизнь не напрасно.

Далеко не все удалось рассказать в этом материале о Велешковичской НСШ, о тех, кто взял здесь старт в жизнь, об учителях, которые служили образцом для своих воспитанников. И сегодня они шлют слова высокой признательности педагогам школы, которая носит имя своего бывшего ученика, героя-пионера Серёжи Росленко. Памятник-стелла с красным пионерским галстуком у главного входа здания — свидетельство того, что это не только старейшее в районе учреждение просвещения, но и школа-воин, школа -герой, вписавшая яркую страницу в историю Великой Отечественной войны.

Воспоминания бывших учеников школы, ныне пенсионеров, Валентины Никитичны Балиной (заслуженной учительницы Республики Беларусь, бывшей учительницы СШ № 2), Валентины Ивановны Голубевой (бывшей преподавательницы математики Велешковичской СШ), Ольги Павловны Морженковой (бывшей учительницы СШ № 2) и других бывших одноклассников к печати подготовила М. ЕРМОЛАЕВА, учительница-пенсионерка.

Год назад, 1 апреля, ушла от нас хорошо известная не только в районе, но и в области женщина - Медведева Валентина Гавриловна, преподаватель химии средней школы № 1 г.п. Лиозно.

Мне довелось долгое время работать рядом с ней. Хорошо знала эту скромную, высокопринципиальную, требовательную к себе и другим женщину, которую любили и уважали коллеги, ученики и их родители.

Родилась Валентина Гавриловна 21 декабря 1927 года в г. Витебске в семье служащих. Счастлирое, безбедное детство, успешное завершение учебного года, предстоящая поездка с родителями на юг - всё это вдруг потеряло свою значимость, померкло. Взамен нависло что-то тяжёлое, непонятное, страшное - война! Уже на третий день после её начала семья Медведевых покинула родной Витебск и вместе с другими эвакуированными направилась на Восток, в глубокий советский тыл, в Свердловскую область. Вскоре и он стал вторым фронтом - трудовым.

На этом фронте трудились все: от мала до велика. Хотя девочке Вале не было ещё полных четырнадцати, она была принята в местный совхоз и наравне со взрослыми все лето, а иногда и зимой, выходила ежедневно на работу. Труд необходимо было сочетать с учёбой в школе. Приходилось нелегко, но, возвратившись из эвакуации в Витебск, Валентина успешно осуществила свою заветную мечту: поступила в пединститут и стала, как и её любимая учительница, преподавателем химии.

В 1951 году Валентина Гавриловна получила назначение в Лиозненский район. Белорусская средняя школа, куда она пришла работать, располагалась тогда в приспособленном, уцелевшем доме по улице Садовой. Тесные комнатки, школьная мебель-самоделка и прочие неудобства не разочаровали молодого педагога. Директор школы Петрашин, принимая новую учительницу (видимо, хрупкая девчонка не вызвала у него нужного доверия), посоветовал ей не брать 10-й выпускной класс, где почти все ученики были переростками, а некоторые - постарше самой преподавательницы. «Пусть в этом классе работает их бывшая учительница - Анна Емельяновна. Она знающий, опытный педагог, да и то ей трудновато с этими ребятами. А Вы, Валентина Гавриловна, с ними не справитесь», — откровенно объяснил обстановку директор. «Заранее не давайте оценку моей работе, - ответила та. - Я постараюсь опровергнуть Ваши сомнения. Хочу работать именно в трудном классе». Тогда, в первые послевоенные годы, работать в школе действительно было гораздо сложнее, чем теперь. Теснота, холод, от которого замерзали чернила, двухсменные занятия, полутемные, освещенные копилками классы, пешие маршруты до школы из отдалённых деревень, отсутствие хотя бы какого-то организованного питания в школе, а дома даже и хлеб - не частый гость на столе, платное обучение, начиная с 8 класса, жизнь в землянках и временках без нормальных условий для приготовления уроков - это с одной стороны. А с другой - высокие требования учителей, принципиальность и бескомпромиссность. Двойка - так двойка, провал на экзаменах - значит переэкзаменовка осенью, а то и оставление на второй год. Завышение оценки рассматривалось как очковтирательство, граничащее с преступлением.

Это что касается учебной части. Но на учителе лежал ещё и груз воспитательной работы. Ему помогали старший пионервожатый в 1—7 класса и комсорг-ученик в 8—10 классах. Правила для учащихся запрещали посещение каких бы то ни было мероприятий вне школы. Зато школьные вечера проводились регулярно. Лучшие из них обычно готовила Валентина Гавриловна, так как имела высокие организаторские способности и необходимые навыки. Не отказывала она коллегам, которые не могли самостоятельно организовать вечер отдыха и прибегали к её помощи. Именно тогда и пригодились В.Г. Медведевой навыки, полученные когда-то в далёкие школьные годы в кружке географии при городском Доме пионеров.

Не сразу трудный выпускной класс стал лучшим помощником преподавателя. А та находила время для дополнительных занятий по своему предмету. И ученики полюбили его. Многие трудные проблемы (в этом В. Г. Медведева всегда убеждала своих коллег на личном примере)

может решить учитель, если он не пожалеет личного времени и тепла своей души. У Валентины Гавриловны было завидное желание регулярно проводить большую дополнительную учебно-воспитательную работу. Учащиеся охотно посещали предметные кружки, дополнительные занятия, участвовали в вечерах. Ученики СШ № 1 занимали на районных, областных олимпиадах призовые места. За время работы В. Г. Медведевой (Букиной) в данной школе не один десяток её учеников успешно сдал химию при поступлении в мединститут, в Ленинградский химико-технологический институт и другие учебные заведения. Некоторые из них пополнили отечественную науку, получив учёные степени.

Была возможность возвратиться в родной Витебск, в благоустроенную квартиру, преподавать в городе. Но Валентина Гавриловна однажды и навсегда полюбила эту школу, её учительский коллектив, где она прошла своё становление как специалист и педагог. В её трудовой книжке всего две записи: о принятии на работу в 1951 году и о выходе на заслуженный отдых. Будучи уже в статусе пенсионера, она ощущала потребность не только пополнять свой багаж знаний, но и делиться опытом и знаниями с молодой сменой, а также со своими выпускниками, абитуриентами, заочниками. Почти до последнего дня к Валентине Гавриловне шли за помощью, за консультацией по выполнению контрольных работ. Мужественно переносила эта женщина коварную болезнь, заглушая боль решением сложных кроссвордов, разгаданные из них посылала по почте. И уже перед самой своей кончиной получила два приза как победитель.

За достигнутые успехи в деле воспитания и обучения, участие в общественной жизни В.Г. Медведева неоднократно награждалась почётными грамотами, отмечена значком «Победитель социалистического соревнования», медалью «Ветеран труда».

Ушёл от нас Учитель и Человек, оставивший дорогое наследие - людей, к которым прикасался своим умом и сердцем, кому смог передать своё жизненное кредо - всё достигается трудом и знаниями.

Низко склоняем головы перед памятью нашей дорогой коллеги и навсегда сохраним в сердце её светлый образ.

ЗАЛАТЫ ЮБИЛЕЙ: пра Рыбалтоўскага М.У. //Сцяг перамогі. – 1986. -

На ўскрайку гарадскога пасёлка Лёзна стаіць зграбны домік, які на першы погляд нічым не адрозніваецца ад іншых па вуліцы Валадарскага. Хіба толькі тым, што пабудаваны ён калісьці ўласнымі рукамі яго гаспадароў. Альбо тым, што прысядзібны ўчастак патанае ў зеляніне разнастайных дрэў і кветак, якія так любяць і шануюць тут працавітыя жыхары, нягледзячы на свой далёка немалады ўзрост. Жывуць у ім настаўнікі-пенсіянеры муж і жонка Рыбалтоўскія. У Міхаіла Уладзіслававіча за плячыма цяжкія франтавыя дарогі Вялікай Айчыннай вайны, раненні. Калі вярнуўся дамоў, ён працаваў - выкладчыкам фізікі і матэматыкі, завучам Лёзенскай сярэдняй школы. У гэтай жа школе працавала і Марыя Сяргееўна. За гады сваёй педагогічнай дзейнасці яны сотням вучняў далі пуцёўкі ў самастойнае жыццё.

Многія з іх абралі спецыяльнасць настаўніка і цяпер можна сустрэць былых выхаванцаў не толькі ў школах, але і ў шэразе навучальных устаноў краіны. Было б недастаткова сказаць, што Міхаіл Уладзіслававіч валодае толькі фізікай і матэматыкай, бо ён - усебакова развіты чалавек. Ведае глыбока літаратуру і мову, хімію і біялогію, музыку, замежныя мовы.

Даўно ўжо абодва Рыбалтоўскія знаходзяцца на заслужаным адпачынку. І здароўе не тое, што ў маладосці, а руплівасць - ранейшая. Шчыра дзеляцца яны з людзьмі кветкамі, якіх так багата пад вокнамі іх дома, а яшчэ больш - скарбам ведаў. На працягу многіх гадоў звяртаюцца да Міхаіла Уладзіслававіча за дапамогай-завочнікамі, людзі сталага ўзросту, вучні, абітурыенты. Звяртаюцца да яго і выбаршчыкі. Не адно скліканне з'яўляецца ён дэпутатам пасялковага Савета.

Ідуць у домік па вуліцы Валадарскага пісьмы, паштоўкі, тэлеграмы. Іх шлюць не толькі трое дзяцей, якіх вырастлі Рыбалтоўскія. Паведамляюць аб сваіх радасцях і нягодах і звяртаюцца за парадамі, дзякуюць былыя выпускнікі школы.

З Мінска піша Мікалай Мятлюк, цяпер прафесар Мінскага палітэхнічнага інстытута, з Днепрапятроўска - Люба Сераднякова, галоўны эканаміст «Днепрабуда», з Кіева - Тамара Яўсеева, доктар медыцынскіх навук, Валянціна Шлапакова - з Ленінградскага сельскагаспадарчага інстытута і іншыя.

Нядаўна Рыбалтоўскія атрымалі паштоўкі зусім іншага характару. З залатым вяселлем былыя выпускнікі павіншавалі Марыю Сяргееўну і Міхаіла Уладзіслававіча.

У далёкім трыццаць чацвёртым годзе звязалі яны свой лёс і так разам крочаць па жыцці пяцьдзсят гадоў, дзелячы радасці і гора, дапамагаючы ва ўсім адзін аднаму.

І пачыналася гэта сумеснае жыццё нялёгка. За святочным сталом Марыя Сяргееўна па просьбе дзяцей прыгадала той далёкі, ўрачысты дзень. А быў ён не такі ўжо багаты на ўрачыстасці. Якія там шлюбныя атрыбуты - ніякіх пярсцёнкаў. Нават сапраўднага вясельнага касцюма ці сукенкі не было. Была скромная святочная вячэра з калегамі-настаўнікамі. Але былі жыццёвы аптымізм, жаданне працаваць.

Горача павіншаваў залатых юбіляраў калектыў настаўнікаў Лёзненскай сярэдняй школы. Ён пажадаў ім моцнага здароўя і светлай радасці.

ПАМЯЦІ НАСТАЎНІКА І ЧАЛАВЕКА: пра настаўніка М.У.Рыбалтоўскага //Сцяг перамогі. – 1984. - №86.

На 85-м годзе жыцця пасля непрацяглай хваробы памёр Рыбалтоўскі Міхаіл Уладзіслававіч. Не стала сярод нас Настаўніка і Чалавека. Няпросты і нялёгкі жыццёвы шлях за яго плячыма.

Нарадзіўся ў г.Віцебску. Скончыў педагагічны тэхнікум у г.Ленінградзе, затым музычнае вучылішча. Пачаў настаўнічаць у Сібіры, а потым вяртаецца ў г.Віцебск, дзе працуе на чыгунцы і адначасова вучыцца.

Міхаіл Уладзіслававіч прайшоў цяжкімі ваеннымі дарогамі. Спачатку ўдзельнічаў у вайне з Фінляндыяй. Калі пачалася Вялікая Айчынная вайна, адразу пасля прызыву трапіў на фронт, быў паранены, затым палон, канцлагер, зноў фронт, раненне, шпіталь.

У Лёзненскай сярэдняй школе № 1 Рыбалтоўскі М.У. пачаў працаваць з верасня 1945 года выкладчыкам фізікі і матэматыкі. Глыбокае веданне сваіх прадметаў, ўменне перадаць гэта вучням зрабілі яго любімым настаўнікам, а прадметы - самымі папулярнымі. Многія яго вучні абралі прафесію свайго настаўніка і працуюць не толькі ў школах, але і ў ВНУ Санкт-Пецярбурга, Масквы, Кіева, Мінска, а таксама на розных высокіх пасадах.

Міхаіл Уладзіслававіч быў глыбока эрудыраваным чалавекам, які ўсё сваё жыццё вучыўся. Не будзе перабольшаннем, калі сказаць, што роўнага яму па эрудыцыі сярод нас, настаўнікаў, у раёне няма. Ён добра ведаў літаратуру і мову, хімію і біялогію, музыку і замежныя мовы. Амаль 20 гадоў займаў пасаду завуча школы. Валодаючы матэрыялам па ўсіх прадметах і метадыкай выкладання іх, ён быў сапраўдным настаўнікам і дарадчыкам для сваіх калег. Ужо ў сталым узросце, у сваім пенсіённым статусе, ён адчуваў патрэбу дзяліцца ведамі і вопытам з настаўнікамі, вучнямі, абітурыентамі, завочнікамі, якія амаль да апошняга яго часу ішлі дэ свайго Настаўніка.

Не стала з намі Чалавека - мудрага, шчырага, інтэлігентнага, шчодрарага, прынцыповага, непаўторнага. Ён цікавіўся дасягненнямі навукі і тэхнікі, перапісваўся з вучонымі-селекцыянерамі, атрымліваў ад іх парады, пасылкі, і тут жа дзяліўся імі з вучнямі, калегамі, суседзямі. Дзівосныя сарты яблык, груш, кветак растуць не толькі ў яго садзе, атрымалі яны таксама прапіску ў розных месцах раёна. Міхаіл Уладзіслававіч быў нязменным дэпутатам пасялковага Савета, уносіў слушныя прапановы па добраўпарадкаванню гарадскога пасёлка і сваёй вуліцы. За свой кошт ён выпісаў па пошце ружы і пасадзіў іх на тэрыторыі райбальніцы і каля помніка У.І. Леніну на цэнтральнай плошчы.

Пайшоў ад нас Чалавек-волат, у кім жыла вялікая сіла і прага да жыцця. Пайшоў, не пакінуўшы ніякіх зберажэнняў, але пакінуў ён куды больш дарагую спадчыну - людзей, да якіх дакрануўся сваім сэрцам і розумам, каб яны нават у самыя цяжкія часіны маглі ўзняцца над мітуснёй і блытанінай і стаялі за веру ў чалавека, каб прытрымліваліся жыццёвага крэда свайго Настаўніка - працай і ведамі дасягаецца ўсё.

Глыбока смуткуючы, нізка схіляем галовы перад Вашым светлым вобразам, наш незабыўны Міхаіл Уладзіслававіч. Дзякуй Вам за тое, што Вы былі.

СВЯЩЕНИК. ГРАЖДАНИН. ПАТРИОТ: Рассказ о настоятеле Свято-Вознесенской церкви отце Савелии //Сцяг перамогі. – 2002. - №2, 4, 5.

Человек, о котором хочу рассказать на страницах газеты, относится к категории тех, о ком редко вспоминают в средствах массовой информации. Разве что в последние годы...Ну, а прежде об этих людях практически никогда не писали. А если и писали, то далеко не в положительном плане. Достаточно вспомнить поэта Демьяна Бедного, белорусского драматурга и баснописца Кондрата Крапиву. Александр Блок в своей поэме «Двенадцать» также довольно непочтительно обращается к священнослужителю: «Что нынче невеселый, товарищ поп? Помнишь, как бывало брюхом шёл вперёд, и крестом сияло брюхо на народ?!»

Безусловно, не на пустом месте родились и закрепились в нашей речи разнообразные пословицы и поговорки о служителях культа— мздоимцах — «руки загребушие, глаза завидушие» и т. д. Только думается, что род занятий, профессия не определяют духовное начало человека, его внутренний мир. Действительно, есть и среди церковной братии те, кто пошёл в священники из соображений материального плана. Но большинство, на мой взгляд, заслуживают уважения. И не только среди верующих.

Вот и многие старожилы из числа жителей Лиозно помнят священника Свято-Вознесенской церкви, в которой он прослужил около трёх десятков лет, — отца Савелия. Это культовое учреждение, как известно, было закрыто в 30-годы и затем поочередно становилось Домом культуры, кинотеатром, клубом и т. п. В первые же дни оккупации района фашисты, стараясь снискать к себе расположение и авторитет у советских людей, принялись добровольно возрождать храмы. Так, в конце июля 1941 года вновь была открыта и начала принимать прихожан наша Свято-Вознесенская церковь. Прибыл из Витебска священник — Савелий Титов. По слухам, он получил духовное образование в Ленинграде, там же и служил, а летом 41-го приехал на родину, в Витебск, где и застала его война. Было ему около шестидесяти. Худощавый, среднего роста, очень подвижный, обладал сильным голосом. Поселился он с женой и дочерью Тамарой на улице Колышанской (ныне — улица Фомина). И сейчас там, в самом начале улицы, стоит тот невзрачный, по нынешним временам, домишко, где жила эта семья.

Откуда-то прибыл и диакон: высокого роста, солидный брюнет, лет пятидесяти. От его голоса, столь же сильного, как у Шаляпина, дрожали стены храма. Как в прежние времена, сюда потянулись верующие. Молодёжь тоже начала посещать церковь. Причём, вначале, скорее всего, из любопытства, потом — чтобы послушать удивительный по своей неповторимости голос диакона и слаженное пение хора. Отец Савелий разыскал всех, кто пел в хоре до закрытия церкви. Эти люди составили новый, профессиональный коллектив. Среди них были местные жители Томашов, Анна Сергеевна Глушакова, Анна Поликарповна Месцова, Арина Шашкова, Мария Карповна Алексейченко, Мария Тарасовна Ковалёва и другие прихожане. Уже после освобождения райцентра в октябре 1943 года в хор влились инвалид Великой Отечественной войны Авраам Воробьёв и Василий Шилов. Каждый из них бесплатно, по потребности души пел в церкви до своих последних дней.

Фашисты, конечно же, не подозревали, что, открыв в Лиозно культовое учреждение, они тем самым навредят себе. Поскольку церковь стала местом, где получила возможность встречаться молодёжь не только горпосёлка, но и всего района. Для этого достаточно было обзавестись пропуском, а его можно было заполучить у своих людей, которые работали по заданию на бирже труда и в других ведомствах. Некоторые девушки и юноши из отдалённых деревень нередко добирались сюда и без пропусков. Многих постовых можно было без труда миновать, произнося слово «кирхе» (церковь) и крестясь при этом. Немец обычно повторял: «Кирхе —это гут» и без возражений пропускал дальше. Молодые люди собиравась сюда отнюдь не только из-за желания приобщиться к Богу, послушать красивое пение или же посмотреть на невиданный ранее обряд венчания. В церкви встречались партизанские связные из окольных деревень, да и сами народные мстители могли здесь получить или передать листовки, различные письменные или устные донесения.

Некоторые из числа молодёжи именно в храме услышали предложение вступить в партизанский отряд. Так, к примеру, было с братьями Прокопенко. К сожалению, память не сохранила фамилии других отважных патриотов, изъявивших желание с оружием в руках бороться с врагом. А многое до сих пор остаётся неизвестным. Поговаривали, что и

священник, и диакон были также каким-то образом связаны с людьми, приходившими из леса. Наряду со своими обязанностями священнослужителей они выполняли одновременно и определённые задания. Есть основание верить такому предположению. Подтверждением тому может служить следующий эпизод.

В воскресный день лета 1942 года в церкви собралось много народа: женщины, старики, дети, молодёжь. Во время литургии из толпы присутствующих отделились двое мужчин (их никто не узнал). Быстрым шагом подойдя к священнику, они что-то ему тихо сказали и все втроём направились в алтарь. Понимающие ход литургии, досконально знающие этот обряд, были немало удивлены такому повороту событий. Но никакого замешательства не произошло, хор продолжал своё песнопение. Отец Савелий вышел из алтаря один и провозгласил то, что он часто делал в течение всей службы: «Ещё молимся о стране нашей многострадальной, о властях и воинстве её». Хор снова запел, и служба пошла в установленном порядке. Незнакомцы из алтаря так и не вышли. Зато среди молящихся вскоре появились двое жандармов и полицей, начали шнырять по толпе, внимательно присматриваясь к присутствующим, в особенности, к мужчинам. Затем подошли к отцу Савелию и приказали приостановить службу, что он и сделал, и повёл их в алтарь. Церковь замерла. Ситуация стала ясной для всех, и у каждого была одна мысль: не нашли бы. Из алтаря вышли в том же составе. Затем «гости» проследовали за священником в боковую комнату, что находилась за клиросом, оттуда также вышли ни с чем. Отец Савелий осенил их крестом, произнёс: «Благослови вас Господь. Ищите и обрящете (т. е. найдёте)». Служба продолжалась, но каждый присутствующий думал о судьбе тех, не вышедших из алтаря. Служба окончилась.

Все выходили из храма притихшие, унося с собой великую тайну и пример бесстрашного служения своему народу, Родине. Столько людей были свидетелями этого события, но это не дошло до ушей оккупантов и прислужников.

В горпосёлке, как и вообще на оккупированной территории, было введено военное положение: выйти из Лиозно в какую-либо деревню или войти в райцентр можно было только с пропуском в руках. В полицию кто-то сообщил, что на базаре видели людей из партизанской зоны, т. е. народных мстителей. Но и те в свою очередь узнали, что немцы и полицаи, возможно, их выслеживают. Гостям из леса удалось ускользнуть от облавы. Каким-то образом они очутились в церкви. И именно солидарность находящихся там прихожан и патриотизм священнослужителя спасли партизан от неминуемого ареста.

Когда фашисты почувствовали, что им придётся отступить, то закрыли церковь и стали готовить её под конюшню для своих лошадей. Здесь, в основном по деревням и в Лиозно, дислоцировались конные обозы. Если не уберечь лошадей, то на себе не увезёшь фургоны с награбленным за время хозяйничанья добром. Это враги понимали твёрдо. А стены церкви — надёжная крепость: их не смогут пробить не только пулемётные очереди, но и осколки бомб и снарядов.

После освобождения района от немецко-фашистских захватчиков в октябре 1943 года данное здание перестало быть храмом. Там снова разместились клуб, кинотеатр, библиотека. Немало трудов стоило людям очистить эти настоящие «Агеевы конюшни». Все ещё раз смогли увидеть подлинное лицо вражеских «освободителей», которые так «искренне» ратовали за открытие храма, а по сути дела сами, без чьего-то либо ходатайства, его открыли и впоследствии так невиданно осквернили. Достаточно сказать, что в качестве отхожего места они облюбовали алтарь. Разве это не чудовищно?

Видавшие виды старики чистили и убрали это священное место, щадя молодых, которые со слезами на глазах упрашивали фашистов посылать их на любую другую, самую тяжёлую работу, но только не в церковь. Супруги Титовы при отступлении немцев не пожелали отступить вместе с врагом и не ушли в лес, как это сделало большинство жителей Лиозно. Они остались в своём доме. У обоих было страшное недомогание. Только что схоронили дочь Тамару, которую сбила автомашина на шоссе недалеко от того места, где они жили.

Уже после освобождения райцентра один из мужчин, что работал на уборке церкви, пришёл как-то навестить отца Савелия. Он и рассказал о том, что происходит в храме. Преодолевая свои страдания и болезни, священник вдохновил паству на возрождение

святого места. А впоследствии ходил туда ежедневно, пока все здание не было очищено от развалин.

Представители местной власти поблагодарили стариков за проделанную ими работу, но и тут же их разочаровали, сказав, что это здание не будет больше использоваться как храм, так как оно нужно для других целей.

Секретарь райкома партии послал гонца за Титовым, и тот вскоре явился. Диалог между ними был коротким:

— Ну что же ты, батюшка, прислуживал немцам, а теперь и нам готов служить? Выходит, что ты — слуга двух господ?

Надо заметить, что Савелий Титов был образованным человеком и поэтому, также прибегнув к познаниям в литературе, ответил собеседнику:

— Вспомните слова известного Чацкого: «Служить бы рад — прислуживаться тошно». Да, я — слуга, но слуга одному Господу Богу. Если я служил во благо людей, то и служить буду.

С этими словами он ушёл, не надеясь на то, что когда-нибудь снова возвратит свой прежний статус. Но через некоторое время за отцом Савелием вновь пришёл гонец из уже известного места. На этот раз беседа была продолжительной и более насыщенной. Представитель местной власти поздоровался со священнослужителем за руку и предложил сесть. Начал с вопроса:

— Что же ты, Титов, не рассказал мне ничего о себе в предыдущую встречу. Мне недавно сообщили, что ты не просто поп, а героический поп. Если ты и впредь будешь так себя вести в отношении к власти, то иди и служи впредь и дальше. Только церковь мы тебе не отдадим, она нужна нам.

— А где же мне служить? Куда идти?

— А это уж твоё дело.

Подумав, отец Савелий решил открыть церковь в своём домишке, но слишком мал оказался он для этой цели. Дома побольше, которые уцелели, были заняты районными организациями и учреждениями. Может, на кладбище? Но там покоится прах недавно захороненной дочери. Хотя власти не возражали. А осень 43-го была великолепной: тёплая, без дождей, точно продолжение лета.

Люди, лишённые крова, куска хлеба, готовились к зиме: рыли землянки, собирали на полях оставшийся картофель. Фронт стоял в 10 километрах от Лиозно. Война ещё не окончилась, необходимо было сделать всё возможное для победы. Об этом и говорил в своих проповедях прихожанам отец Савелий. Среди них редко встречались счастливые и преуспевающие. Как правило, к Богу, его помощи прибегают несчастные, убитые горем люди. А горя было много: смерть близких людей, тиф, голод, постоянные налёты фашистской авиации и т. п. Люди откликались на просьбу священника, жертвовали на нужды фронта свои последние сбережения. За осень и зиму 1943-го таким образом было собрана сумма, которой хватило бы на танк. Отец Савелий стал авторитетным человеком властей, и его приглашали в горсовет на совещание агитаторов. Их работа в ту пору была очень важна, особенно для распространения очередного государственного займа. Агитаторами были учителя, врачи, наиболее авторитетные среди населения граждане.

За Титовым закрепили улицу Колышанскую, где он жил, а на улице Комсомольской, тоже по местожительству, агитатором стала учительница Доня Степановна Козлова. В сознании жителей Лиозно эти две улицы до сих пор воспринимаются как одна. Оба агитатора, закреплённые за ними, не требовали для себя дополнительной помощи, обычно вдвоём справлялись с распространением займа или лотерей. В то время, как агитаторы других участков говорили: «Дайте мне в помощники Титова, и я выполню план».

Лично я обычно была прикреплена к улице Садовой или же ко 2-й Слободской, вместе с врачом Григорием Фёдоровичем Дубовцом. Ему пришлось некоторое время отсутствовать в силу своих служебных обязанностей, и на его место назначили отца Савелия. И вот тут я получила большой урок общения с людьми, убедилась в силе агитаторского слова. Ходил священник обычно (вне службы) в простом мирском одеянии. Заходя в жилище, снимал головной убор, здоровался, благословлял «дом и сей живущий в нём», а потом расспрашивал как хозяин дома уцелел в страшные дни войны, кто из чад или домочадцев в это время пал

на поле брани. Затем шла беседа о войне. Соглашаясь с тем, что немало страданий пришлось испытать каждому, отец Савелий в то же время отмечал, что на фронте ещё труднее, что воины — наши защитники — испытывают ещё большие моральные и физические страдания, их силы истощились, и все люди доброй воли должны хоть немного им помочь, чтобы окончательно разгромить ненавистного врага. Прихожане соглашались со словами священнослужителя, шли ему навстречу. Но бывали и такие случаи, когда тот самолично давал им в долг с одной-единственной целью, чтобы те подписались хотя бы на минимальную сумму займа. «Разбогатеете — Бог даст, потом отдадите», — говорил он, совсем не думая о том, что бы ему непременно возвратили деньги.

С наступлением осенних холодов и последовавшей за ними зимы пришлось искать новое помещение. Сначала отца Савелия пригласил к себе в дом местный житель Иващенко, проживавший по улице Т. Дубовко, затем церковь переселилась в дом Марии Карповны Алексейченко, жившей по улице Орлова. Прихожан уже после освобождения всего района значительно прибавилось. Естественно, стало поступать и больше пожертвований. В результате был куплен домик по улице М. Октябрьской, в котором и находится до настоящего времени Свято-Вознесенская церковь.

Вскоре отца Савелия сменил прибывший в Лиозно молодой священник — Валентин Цвикевич. Они между собой не враждовали: напротив, уходивший в отставку священнослужитель делился опытом со своим приемником, приходил на помощь при совершении тех или иных обрядов. Но прихожане по привычке доверяли больше старому священнику. И проповеди его были гораздо разнообразнее по содержанию. В них звучали и патриотические, и морально-этические, и другие мотивы.

Отцу Савелию приходилось встречаться с населением не только в храме, но и за его стенами — на рынке, в магазинах, иных общественных местах. При необходимости вступал с людьми в беседу. Причём, в быту этот человек был очень скромен и не требовал особого внимания к себе. Если, к примеру, в магазине случалась возможность совершить покупку вне очереди, он отвергал подобную возможность и становился в ряд вместе со всеми: «Я такой же, как и все. Почему бы мне не постоять в очереди?», — спрашивал он.

Война прошла тяжёлым молохом по судьбам многих наших соотечественников. Не обошла она стороной и Титовых. К несчастью, хилый домишко их находился на бойком месте, на перекрёстке шоссе и городской улицы. Постоянно, сворачивая с главной дороги, чтобы сделать небольшой привал, именно здесь чаще всего располагались то вражеский конный обоз, то колонна машин. Спешившись, фашисты отправлялись по домам. Не только, чтобы обогреться, но больше всего для того, чтобы чем-нибудь пожить. Им было невдомёк, что за два с лишним года военного лихолетия в каждом доме «перевернулось» несколько десятков подобных «гостей» и каждый хватал то, что мог. Правда, в пустых холодных хатах к тому времени уже практически ничего не осталось.

Вот и в доме Титовых подолгу задерживались, привлекаемые иконостасом в углу, такие непрошенные визитёры. Узнав, что здесь живёт священник, требовали золотые или серебряные монеты, крестики с благородного металла. Им не верилось, что драгоценностей нет. В то же время из угла комнаты на пришедших взирали строгими глазами лики святых образов. Тем не менее, это не мешало мородёрам шарить по всем закуткам и даже обыскивать отца Савелия и его супругу, дабы убедиться в том, что, действительно, пожить здесь нечем.

Последние отступающие вражеские части также останавливали на улице свой транспорт, торопливо обшаривали ближайшие жилые строения. Двое офицеров сняли со стены все иконы в доме Титовых, а на просьбу хозяев оставить хоть бы одну из них — венчальную, ответили, что старым надо скоро умирать и икона им не нужна. Это ещё один штрих, раскрывающий сущность характеров тех, кто шёл на восток с именем Бога, чтобы жечь, грабить и убивать.

И ещё об одном испытании, выпавшем на долю Титова, хотелось бы рассказать. Летом 1942 года к нему в храм пришёл человек лет пятидесяти и кожаной куртке и с револьвером на боку. Попросил его обвенчать. Правда, у этого мужчины уже была жена и пятеро детей, которые проживали в Лиозно. Тем не менее, пришедший настаивал на своём. Мол, теперь в стране всё пойдёт по-новому, вот и он решил «обновить» свой брачный союз. Не давая отцу

Савелию и слова вставить, достал из кармана бумажку — документ, точнее, свидетельство о браке, дающее право на совершение обряда венчания. Священник всё же возразил мужчине, сказав, что ничего подобного прежде не встречал в своей практике, ведь церковь никогда не благословляла такие браки. Он наотрез отказался совершать обряд венчания. Тогда «жених» разразился бранью и, не шутя, пригрозил: «Ты, старик, — муха, и я тебя уничтожу, если не желаешь по-хорошему обойтись со мной». Для большей убедительности и устрашения священнослужителя он объявил, что является бургомистром Уновской волостной управы и может сам расправляться с непокорными. Завтра он придет к венцу со своим свадебным поездом и если ничтожный старик его опозорит в лице всех гостей, т. е. не обвенчает, то «обещание» он своё выполнит.

Ночь супруги Титовы провели в страхе и молитвах. А ещё отца Савелия мучил вопрос: что делать завтра? Совершать этот противозаконный греховный обряд или нет? Конечно же, умирать, тем более от рук предателя-соотечественника, не хотелось. Пришлось уступить. Венчание состоялось. Но отец Савелий, как он вспоминал позднее, «обошёл» таких «молодожёнов». Пользуясь их невежеством, сначала сотворил молитву о прощении этих двух заблудших людей и лишь затем благославил их нечестивый брак.

Возможно, кому-то из читателей описанный выше эпизод покажется вымыслом. Но этот факт действительно имел место, что могут подтвердить старожилы из Уно или Лиозно. Этот «жених» после войны был осуждён на 25 лет. В действительности он заслуживал большего, но те, кто мог подтвердить его причастность к казни известных в районе людей во время фашистской оккупации, не смогли явиться на суд. Вернулся А. из заключения в начале 70-х, вновь в свою многодетную семью. Его приняли, хотя и не с радушием. Ведь дети всю жизнь несли на себе груз отцовского позора. Их уже нет в живых, осталась лишь одна дочь, живёт в Санкт-Петербурге. Есть и внуки.

Что касается самого отца Савелия, то он также ушёл из жизни в конце 70-х годов. Супруга умерла ещё раньше, после чего из Витебска приехал внук, продал домишко Титовых и забрал дедушку к себе. Но вскоре старик снова возвратился в Лиозно, в те места, с которыми у него так много было связано в жизни. Добрые люди приютили земляка: сначала жил у Рудаковых по Шоссейной улице, затем — по улице Фомина у своих бывших соседей. Похоронены Титовы (отец, мать и дочь) в Лиозно, на старом городском кладбище.

В памяти жителей нашего горпосёлка отец Савелий остался как добропорядочный священнослужитель, как гражданин своего государства и как патриот.

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ГОДА. ДОКТОР СМИРНЫХ //Сцяг перамогі. – 2002. - №46.

Прочитав заглавие статьи, читатель, возможно, не сразу догадается, о ком же пойдёт речь. Пациенты, соседи, знакомые обычно обращались к ней по-простому — Нина Лаврентьевна. Больше сорока лет своей жизни эта женщина отдала делу здравоохранения.

Какие же пути-дороги привели её из далёкого города Омска на нашу Лиозненщину, где она отработала в районной больнице 31 год? Судьба ли? Военные ли перипетии? А может быть фронтовая любовь? Вполне возможно, что именно так оно и было. Ведь война не только убивала, жгла, уничтожала и разрушала. Война и соединяла человеческие судьбы, сводила вместе влюблённые сердца. Примеров тому можно привести немало. Так случилось и с Ниной Лаврентьевной Смирных, о которой пойдёт речь ниже.

После окончания Омского медицинского института его выпускница Н.Л. Смирных получила направление в Улан-Удэ. Кадров медиков тогда не хватало, поэтому пришлось сразу же, после студенческой скамьи, взвалить на плечи нелёгкую ношу. А точнее, занять должность районного санврача и одновременно — гинеколога. Безусловно, предпочтительнее для неё было бы работать лишь на последней должности, но обстоятельства тому не содействовали. Пришлось с ними смириться. Правда, долго тянуть две лямки не довелось. Не прошло и года, как грянула Великая Отечественная, которая всколыхнула всю страну. В далёкой сибирской глубинке патриотически настроенная молодёжь осаждала военкоматы с просьбой послать добровольцами на фронт. У

Нины уже был в кармане военный билет, а в сердце — горячее желание пойти туда, куда звала Родина. Но до осени 41-го она оставалась на своей прежней работе, а затем была зачислена в штат медперсонала, обслуживающего санитарный поезд. Санитарные составы формировались в глубоком тылу. Они направлялись почти к самой прифронтовой полосе, где в полевых госпиталях ожидали раненые, нуждающиеся в длительном лечении.

Нина Лаврентьевна вспоминала это время как самое трудное, отмечая, что штатские люди плохо представляли себе обстановку в военном санитарном поезде, когда высказывали суждения, народе следующих: «В санитарном поезде война - не война». Она же им на это всегда возражала, чуть-чуть перефразируя известное изречение Юлии Друниной: «Кто говорит, что в санитарном поезде не страшно, тот ничего не знает о войне». А здесь и в самом деле никогда не бывало ни привалов, ни перекуров, ни передышек между боями. Здесь каждый час, многие сутки напролёт шла борьба за жизнь. Задача медперсонала состояла в том, чтобы довести живыми до места назначения раненых. Таким поездом давали «зелёную улицу». Тем не менее, на один рейс туда и обратно уходило 10—15 дней. Но когда фронт приблизился к Москве, то враг старался изо всех сил поставить город на колени, обескровить столицу. Немецкие самолёты подвергали нещадной бомбардировке основные артерии жизнедеятельности — все ведущие с востока железнодорожные коммуникации. При такой обстановке санпоезда задерживались в пути, нередко попадали под налёты фашистской авиации. Люди умирали от ран или от бомбёжек. Приходилось хоронить их где придётся: на глухих далёких полустанках, в небольших селениях. Требовалась немалая физическая и моральная сила для того, чтобы совершать подобное.

После нескольких таких поездок состав медперсонала обновлялся.

Вскоре Н.Л. Смирных начала работать в стационарном госпитале в должности терапевта-помощника хирурга, санитарным врачом. В конце мая 1945 года она была назначена главным врачом инфекционной больницы в г. Улан-Удэ Бурят-Монгольской Автономной Республики. После победы многие фашисты, сдавшиеся в плен, смогли осуществить свою прежнюю мечту: побывать в разных уголках Советского Союза — на улицах Сталинграда и Ленинграда, Горького, Минска, Витебска и Москвы. Но уже не в качестве победителей, а жалкими, побеждёнными и пленёнными. В Бурят-Монгольской Автономной, в Улан-Удэ тоже разместился лагерь военнопленных. Начальником его был фронтовик, старший лейтенант Иван Александрович Кравченко, уроженец нашей Лиозненщины. Так пересеклись две дороги, сошлись судьбы героев моего повествования. Перед молодыми встал вопрос: «Что делать дальше?» У Нины Лаврентьевны была возможность возвратиться в свой родной Омск, где её ждали родные, друзья юности, где можно было поселиться сначала у родителей, а затем, как демобилизованным, получить собственную жилплощадь. Но разногласий по этому поводу не возникло, поскольку оба понимали: в разрушенной, разорённой Белоруссии они нужнее. Надо ехать на родину мужа.

Прибыли в Витебск. Здесь в то время были востребованы все специальности. Особенно не хватало рабочих рук. Вот почему каждому надо было отработать на расчистке развалин, заготовить при этом определённое количество кирпичей. Положенную норму и должное количество человеко-дней Кравченко отработал за себя и за супругу, которая с первого дня прибытия в Витебск заняла должность ординатора-терапевта во 2-й городской больнице. Затем работала в больнице им. Кагановича врачом-гинекологом и терапевтом.

Своей жилплощади у них пока не было, и в ближайшее время она не предвиделась. Как-то наведались в деревню Конашково, где жили родные мужа. Сельчане радушно встретили своего земляка, чудом уцелевшего на финской и провоевавшего всю Великую Отечественную. Вся деревня стекалась обычно к тому счастливому дому, куда возвратился живым солдат. Кто сам пережил это, тот помнит, как добры и великодушны были люди в то время друг к другу, к соседям, как приносили для встречи дорогого гостя всё, чем могли поделиться. И хоть всем жилось тогда очень трудно, но могли быть в прекрасном настроении от желанной встречи, возможности общения, от чувства гордости за свою страну-победительницу, сознания своей причастности к общему делу, от уверенности в завтрашнем дне.

Невестка была немногословна, но слушать её, уже столько пережившую и испытавшую, было интересно. Одним словом, она пришлась ко двору. Эта первая встреча с земляками супруга сделала поворот в её отношении к деревне, к людям села. Родившись в городе и живя в иных условиях, Нина Лаврентьевна недооценивала, как она сама впоследствии говорила, сельчан, плохо их понимала. Теперь же эти люди открылись ей совсем иными — духовно богатыми,

мужественными, оптимистичными. Появилось желание жить и работать среди них, творить благо. Почему бы не лечить, отдавая тепло своего сердца, тех, кто вынес войну на своих плечах, потерял близких, не утратил веру в светлый завтрашний день? Она высказала эту мысль вслух. Нашёлся и человек, который помог женщине утвердиться в данном решении. Это был Федор Иванович Пименов, близкий сосед Кравченко, работавший фельдшером Стасевского ФАПа. Ещё в первую мировую войну он был на фронте военфельдшером. Поселился в этой деревне, стал известен во всей округе как добрый, внимательный доктор. В свои шестьдесят пять не утратил чувство юмора. Не расставался со своей подругой юности — скрипкой, Отдыхая, часто брал инструмент в руки, играл или же шёл на молодёжную вечеринку, где присоединялся к гармонисту. Участвовал и в колхозной самодеятельности, ездил на смотры в район — получал премии, призы. Однако больше всего любил этот человек свою работу, которую считал самой престижной. Его старший сын был лучшим трактористом в хозяйстве, во время войны погиб под Москвой. Второй же работал в Латвии в сельской больнице. Две дочери тоже стали сельскими медиками. Кстати, старшая, Мария, в довоенное и послевоенное время работала вместе с отцом акушеркой на местном ФАПе.

Именно тогда, в разговоре с Фёдором Ивановичем Пименовым, Нина Лаврентьевна получила исчерпывающую информацию о состоянии здравоохранения в районе. Она поняла: несмотря на то, что Лиозно полностью разрушено, здесь идёт восстановление. Уже построена больница на 35 коек. Есть амбулатория, которая разместилась в уцелевшем доме по улице Комсомольской, а в приспособленном строении в деревне Черноручье — инфекционное отделение. Заведовал районным отделом здравоохранения Дмитрий Андреевич Торнапович, главврачом райбольницы был Григорий Фёдорович Дубовец. Фельдшерами работали Иван Яковлевич Языченко и Фёдор Родионович Мужелёв. Они уже успели построить себе жильё. Остальные же работники среднего и младшего звена жили по частным квартирам и во временках. Перспектива, словом, была мало утешительной, но зная, как остро не хватает кадров, надо было идти навстречу трудностям.

Так, молодые супруги по приглашению стариков Пименовых перешли к ним в уцелевший от войны дом, заменив этим людям детей, которых судьба разбросала по всей стране. На следующий день, 5 января 1948 года, Нина Лаврентьевна была принята врачом и заведующей лабораторией Лиозненской районной больницы. Спустя месяц она стала заместителем главврача, по совместительству — акушером-гинекологом.

Хозяйственный, работающий, с самого раннего детства приученный к труду, её супруг в течение двух лет возвёл дом. Причём, практически всё сделал собственными руками. Их усадьба впоследствии оказалась рядом с новым зданием райбольницы. В 1952 году в район прибыли после окончания мединститута супруги Курчевы. Софья Яковлевна прошла здесь весь трудовой путь врача-окулиста. Николай Павлович стал бессменным главврачом и хирургом. В благодарной памяти обоих образ врача Н.Л. Смирных остался как пример неординарного, высокопрофессионального специалиста сразу в нескольких профилях медицины, в том числе, в гинекологии, хирургии, терапии. Она была необходимой в коллективе медиков как опытный коллега, отличалась готовностью помочь любому и поделиться своими знаниями. Неоднократно поощрялась на уровне районного, областного здравоохранения, а в 1960 году ей было присвоено высокое звание — заслуженный врач Белорусской ССР.

Ещё через три года было сдано в эксплуатацию построенное по инициативе и при непосредственном участии главврача Н.П. Курчева здание первой в республике типовой районной больницы. Не считаясь с личным временем, руководитель медколлектива и его заместитель Н.Л. Смирных постоянно находились на стройке, внося свои коррективы и предложения. Как результат напряжённой работы всего медицинского персонала, высоких статистических показателей, наша райбольница стала участницей ВДНХ в Москве. Те кому удалось побывать на Выставке достижений народного хозяйства в павильоне БССР могли увидеть стенд «Лиозненская ЦРБ». На нём отражалась многоплановая деятельность медперсонала в деле повышения уровня здравоохранения в освобождённом от немецко-фашистских захватчиков районе. Особое внимание уделялось врачам — участникам Великой Отечественной, коммунистам — главврачу Н. П. Курчеву, его заместителю, заслуженному врачу Белорусской ССР Н.Л. Смирных. Имелись на этом стенде материалы и о других хороших врачах, о среднем медперсонале.

В 1969 году Указом Верховного Совета БССР Николаю Павловичу Курчеву также было присвоено звание заслуженного врача Белорусской ССР. В те годы наша райбольница переживала своё наилучшее время. Здесь всегда царил порядок в административно-хозяйственном плане, на

высоте было и санитарно-медицинское обслуживание населения. Нина Лаврентьевна практически до последнего времени совмещала должности заместителя главврача и врача-гинеколога. Как отмечали в областной печати, в её бытность на должности главного гинеколога района показатель рождаемости на Лиозненщине был самым высоким. Это подтверждает и её преемница Вера Петровна Гречишникова. Ведь Смирных проводила большую работу в данном направлении.

При родильном отделении постоянно действовала руководимая ею «Школа молодых матерей». Как известно, аборт тогда были запрещены. Но тем не менее, некоторые женщины желали избежать появления «лишнего» ребёнка. Врач находила возможность переубедить их. Можно смело сказать, что каждого новорожденного она подержала на своих руках, никого не обошла советом или участием. Если требовалось, могла всю ночь провести у постели больного. А уж вызовы, в том числе и ночные, прямо из дома, который находился буквально в ста метрах от медучреждения, были явлением привычным.

На пенсию она стала оформляться только в 60 лет: не могла сидеть без дела. И хоть сдавало здоровье, уже будучи в статусе пенсионерки, ежедневно приходила в своё отделение: авось потребуется её совет или помощь. В.П. Гречишникова и поныне с благодарностью вспоминает, как училась у этой женщины. И затрудняется сказать, где же больше почерпнула знаний — в институте или у своей старшей коллеги, наставницы на всю жизнь. Трое детей и их внуки унаследовали жизненное кредо своих родителей: беззаветное служение делу, которому посвятили себя, трудолюбие, любовь к человеку, стойкость.

В заключение хочется сказать несколько добрых слов и об Иване Александровиче. Без его надёжного, крепкого мужского плеча, рыцарского отношения к подруге жизни не состоялась бы Н.Л. Смирных как врач, руководитель, специалист.

Нина Лаврентьевна рано ушла из жизни, но оставила о себе добрую память, яркий след на земле, пример служения делу и людям.

УМЕЛ СПЛОТИТЬ КОЛЛЕКТИВ: рассказ о директоре СШ№1 Трутнев К.И. //Сцяг перамогі. - 2001. - №29.

В этом году ему исполнилось бы 70. Но не дожид он до своего юбилея. Девять лет тому назад Константин Иосифович Трутнев ушел из жизни. Это стало печальным событием не только для педагогов и учащихся средней школы № 1 г.п. Лиозно, где он работал долгие годы, но и болью отозвалось в сердцах многих людей.

А знали его не только коллеги, ученики и их родители, но и жители ближайших населенных пунктов — труженики местных хозяйств, да, пожалуй, и всего района.

Родился К. И. Трутнев 27 июня 1931 года в Бешенковичском районе. Еще ребенком полюбил он школу, где работали его родители и куда спешили по утрам. Нередко и сына с собой брали. Когда Костя начал сам постигать школьную науку, то сразу решил, что будет педагогом. По совету отца приобщился к чтению: ведь будущему учителю надо много знать. Старался и в учёбе быть в числе лучших. ...1941 год. Едва Косте исполнилось 10 лет, как грянула война. Фашисты ворвались в их дом, сорвали со стены и уничтожили портрет Ленина, приказали убрать из дома все книги и вынести их на улицу, где вскоре вспыхнул большой костёр. Мальчик, держась за руку матери, громко плакал — горели его любимые детские книжки, а папу увели с собой чужие люди в незнакомой форме. Немцы арестовали отца вместе с другими "провинившимися" односельчанами. Правда, через несколько дней его выпустили, но в сердце сына на всю жизнь осталась душевная рана от перенесенного потрясения и страха за близкого человека.

Прошло не одно первое сентября, прежде чем Костя смог снова сесть за школьную парту. Но свою детскую мечту не забыл, остался ей верен. После окончания седьмого класса поступил в Витебское педучилище. Потом была служба в Советской Армии, учеба в Витебском пединституте на физико-математическом факультете. После демобилизации и окончания ВУЗа К.И. Трутнев был направлен на работу в Лиозненский район, на родину своей бывшей однокурсницы по педучилищу и будущей жены В.И. Звирбуль. Начал преподавать физику и математику в Лиозненской вечерней школе рабочей молодежи, затем стал и её директором.

Контингент учащихся данной школы составляла тогда не молодёжь, а в основном солидные по возрасту и занимаемой должности люди, бывшие фронтовики, которые из-за войны вынуждены были прервать учебу. Методы преподавания, полученные в педучилище и институте, отнюдь не предусматривали обучение именно таких учеников. Но молодой учитель нашёл верный путь — индивидуальную работу с каждым. Днём — консультации по физике, математике, вечером — уроки. В результате весь день был занят и, конечно же, делалось всё это без дополнительной оплаты.

В 1968 году К. И. Трутнев стал преподавать физику в Лиозненской СШ № 1, а спустя два года возглавил её педколлектив. Это новое назначение было встречено им без особой радости и даже с некоторой боязнью: сможет ли справиться с такой ответственной задачей? Но приказ получен и его надо выполнять.

Учительский коллектив данной школы был и тогда самым многочисленным в районе. Большинство его членов составляли маститые наставники, мастера педагогического труда, имевшие звания и награды. Поэтому здесь не без некоторого недоверия встретили вновь назначенного (десятого по счету) директора. Но все опасения оказались напрасными. Вскоре молодой руководитель снискал уважение всего коллектива, к нему пришел заслуженный авторитет. Достиг его Константин Иосифович тем, что не пошел по пути администрирования и приказов с высокого директорского кресла. Руководил, участь этому у опытных педагогов. Ещё с детства, с молоком матери, впитал он в себя ту истину, что каждый человек — личность. Чем больше уважения и внимания проявлять по отношению к нему, тем плодотворнее и результативнее будет отдача. Как руководитель К.И. Трутнев считал порочным прибегать в своей работе к таким методам, как публичное порицание, унижительный "разнос" предметников или классных руководителей. Он предпочитал доверительное собеседование или индивидуальную беседу, что было намного эффективнее. Как учитель Константин Иосифович пользовался любовью и уважением.

Он никогда не унижал своих учеников ни окриком, ни угрозой, ни "двойкой". Умел заставить учиться, развить у ребёнка интерес к постижению нового. Объяснял предмет просто и доходчиво. Любили посещать его уроки и педагоги-коллеги: всегда было чему поучиться.

Трутнев-коммунист понимал, что у него есть лишь одна привилегия — быть всегда и везде впереди. Будь то воскресники или субботники на строительстве здания новой школы, заготовка кормов в подшефном колхозе имени Чапаева. Первый прокос, как правило, делал сам директор, ловко управляясь с косой, за ним менее умелые косари, в том числе и женщины. В результате доведенная норма всегда выполнялась.

На долю К. И. Трутнева выпала необходимость пережить непростое объединение двух школ. Благодаря его опыту и человеческим качествам администрация смогла безболезненно для учителей и учеников решить все возникшие проблемы и вопросы. К примеру, тот же "Родительский лекторий", как могучее средство педагогического просвещения населения и связи школы с родителями, утвердился при непосредственном участии в нем Константина Иосифовича. В СШ № 1 еще со времен его первого директора В.В. Уголева жила добрая традиция—учительская художественная самодеятельность. Это была не только одна из форм культурного досуга учителей, но и хорошее средство сплочения коллектива, укрепления дружбы и взаимопонимания между его членами. Осознавая это, К. И. Трутнев был заинтересован в её развитии, сам пел в хоре, всячески поощрял самодеятельных артистов. В ту пору учителя осуществили постановку комедии Я. Купалы "Павлинка". И именно потому, что одну из главных ролей удачно исполнял Константин Иосифович. Не устранился директор и от учительских коллективных поездок-экскурсий, празднования юбилейных дат. Умел веселиться и веселить других. И не это ли было главным в создании той благоприятной атмосферы, которая царила в те годы в школе.

Безусловно, не только одной работой жил этот человек. Был у него уютный (не в смысле роскоши, а в смысле удобства) домашний очаг. Вместе с Верой Ивановной, которая не менее преданно, чем ее супруг, служила делу воспитания и образования, вырастили и поставили на ноги двоих детей, которые унаследовали жизненные принципы своих родителей: скромность, человеколюбие, трудолюбие. В свое время они поступили в престижные столичные ВУЗы, стали отличными специалистами. Конечно же, супруги Трутневы имели право на определённое

внимание к себе, но никогда ничего не требовали и не ждали. Они сами, своими руками, как могли, построили скромный дом, где и прожили счастливо и в согласии не один год.

Короткой, но яркой была жизнь Константина Иосифовича. Но он успел посеять в душах многих зерна добра, разума, человеколюбия. Потому и сегодня жива память о нем в сердцах тех, кто его знал, учился у него, работал вместе с ним.

И ПАМЯТЬ СЕРДЦА ГОВОРИТ: рассказ о братьях Францевых //Сцяг перамогі. - 2001. - №15, 16

Как это начиналось

В конце прошлого года в районной газете была помещена моя статья под названием «В грозные военные годы». Эта публикация вызвала живой интерес у жителей деревень Замшено и Велешковичи, которые в ней упоминались. Стали поступать отзывы из различных мест от самых разных людей. Это Э.М. Сумников из Замшено, В.М. Сумникова и А.В. Дорожкина из Гомеля, Р.Т. Лебедева из Москвы, А.И. Зубенко из Бесково, С.К. Павлов из Велешкович и другие.

Материал был воспринят как весьма актуальный и необходимый для краеведческой работы. Тем более, что свидетелей тех событий остаётся всё меньше и меньше. Поэтому читатели указывали на недостаток статьи - отсутствие сведений о довоенных учителях из д. Замшено (И. М. Францеве, Лещёве и других), об их судьбе. Сделать это, к сожалению, не так просто: люди помоложе их не знали, старшие помнят кое-что или же забыли почти всё.

Но есть те, кому небезразлично прошлое. Именно благодаря им располагают сегодня наши музеи именами, фактами, событиями минувшего, узнают свою историю. Так, у истоков краеведческой деятельности стояли Н. П. Кедич, Е. С. Алейников, Е. И. Гречишникова, М. М. Богомоллов, Г. А. Тимченко, Н. З. Антонова, Ф. В. Виноградова, Н. Л. Косаревич, Л. Г. Барановская, Н. К. Тихомирова, а затем и её дочь Ирина Николаевна и другие. Именно Нина Петровна Кедич одна из первых начала поисковую работу с красными следопытами из СШ № 1 г.п. Лиозно.

Отдельно хочется сказать об Е. С. Алейникове. Пережив суровое военное детство, он стал преподавателем физического воспитания, тесно связав педагогическую деятельность с краеведением. Отмечу, что война не только обожгла его детскую душу, отняла отца, но и ранила его самого физически, нанесла отнюдь не невинную травму, оставшуюся на всю жизнь. Именно поэтому Евгений Семёнович одним из первых на Лиозненщине стал у истоков краеведческой работы школьников, вылившейся впоследствии в создание музея народной славы. Не в погоне за «длинным рублём», а по зову сердца не расставался он с фотоаппаратом, принимая активное участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. В турпоходах вместе с учащимися школы и учителями исходил не только свой район и область, но и места боевой славы наших воинских частей и партизанских соединений.

В СШ № 1 г.п. Лиозно, благодаря активной деятельности поисковых отрядов, накопилось такое множество материалов, что решением исполкома школе было передано здание старой аптеки - под музей. Экспозиция его, альбомы, фотоподборки, снимки, материалы, переписка, воспоминания ветеранов представляли собой результат многолетней плодотворной деятельности по восстановлению фактов исторического прошлого. Все педагоги, да и многие ученики, внесли посильную лепту в создание музея. Художественное оформление его осуществлял преподаватель рисования А. П. Василенко, фотооформление - Е. С. Алейников.

В 1978 году он с полным правом переселился в новое здание СШ № 1 г.п. Лиозно. Свежее дыхание получил музей под руководством неравнодушного, инициативного человека - учительницы Нины Константиновны Тихомировой, ещё более дополнившей имеющиеся экспозиции, добывшей ценные сведения об освободителях района.

Братья Францевы

Недавно Е. С. Алейников, который, будучи на пенсии, продолжает преподавать в Велешковичской СШ и по-прежнему является активным краеведом, в областной периодике обнаружил фамилию - Францев.

С Петром Мартыновичем мы познакомились вначале по телефону. Затем состоялась встреча с его семьёй, проживающей в г. Витебске по улице Ленина. В тот день, 15 февраля 2004 года,

ветерану исполнилось ровно 90 лет. Перед нами предстал не глубокий старик, а пожилой человек, интересный собеседник со светлой памятью, богатыми воспоминаниями о прошлом и собственным видением мира и современной жизни.

...Сегодня даже на самой маломасштабной географической карте Лиозненского района не найдёшь деревни Аргуны, что когда-то располагалась недалеко от Крынок. Для этого хутора-пятидворка, казалось, сама природа выбрала такое красивое место. Здесь, в семье небедного по тем временам крестьянина Мартина Францева, подрастали двое сыновей. Отец был грамотным. Рано научил читать и писать своих детей. Погостищанская семилетка, которую окончили оба брата, повлияла на их дальнейшую судьбу. Кстати, заслуженная учительница республики Софья Ивановна Шлапакова, ныне пенсионерка, в своё время также обучалась здесь. Её любимыми учителями были известные в своё время в районе Василий Васильевич Уголев, Иван Анисимович Шмулявцев, Мичудо (к сожалению, его имя и отчество не сохранились), Матрёна Кузьминична Атекова и другие педагоги. Но не только благодаря им С. И. Стеклова (девичья фамилия Шлапаковой) не ошиблась в выборе будущей специальности. В течение всего полувекового педагогического пути она использовала методы и приёмы воспитания и обучения своих наставников.

А П. М. Францев и сегодня с сердечной теплотой вспоминает о своей первой школе и её учителях - С.И. Шлапаковой, Ф. В. Виноградовой и других, отмечая при этом их самоотверженность, высокая нравственность, способность повести за собой других. Что касается современных учителей, то, по мнению ветерана, они, будучи идейно обезоруженными не в состоянии дать такой духовный заряд своим воспитанникам, который бы определил их дальнейшую судьбу, в чём виноваты нынешние постсоветские времена, их последствия. Пётр Мартинович в беседе с корреспондентом областной газеты подчеркнул, что именно благодаря своей первой школе и её учителям он стал ведущим и на педагогическом поприще, а затем и будучи военным.

После окончания педтехникума прибыл на работу в Лиозненский район. Был направлен в Горбовскую неполную среднюю школу преподавателем русского языка и литературы. Там не только интересно излагал свой предмет, но и делился с воспитанниками запасом духовности, стараясь зажечь в них искру молодого задора, горения. Спустя много лет П.М. Францев, хранивший в памяти имена своих первых учеников, встретил одного из них, Петра Ковриго, который, узнав своего давнишнего учителя, горячо благодарил его за те уроки гражданского воспитания, что помогали ему и в учёбе, а затем и в работе.

Из Горбово П.М. Францева перевели в Глоданскую неполную среднюю школу в качестве директора. Вскоре он стал работать в аппарате РОНО на должности инспектора. Эта работа пришлась ему по душе. Представилась возможность узнать, как живут и работают педагоги в других школах района. Пётр Мартинович вспоминает, что к новым обязанностям приступал с некоторой боязнью, но Василий Васильевич Уголев, который в то время был директором Лиозненской белорусской образцовой средней школы, заверил его в том, что данная должность молодому человеку по плечу: знакомство с новыми учителями, возможность отточить своё педагогическое мастерство и т. д. Ко всему прочему этот необычайно талантливый человек увидел в новичке ещё одного актёра для своего самостоятельного драмтеатра, с любовью созданного им в горпосёлке.

«Жизнь в Лиозно, - вспоминает Пётр Францев, - осталась в моей памяти самой светлой и интересной страницей прожитого. Чаще я как инспектор бывал в Замшенской НСШ, где преподавал географию мой младший брат Иван Францев. В этой школе трудился коллектив молодых учителей». Инспектор Францев действительно посещал Замшенскую школу не только с целью контроля, но скорее для того, чтобы помочь младшему брату подняться на более высокую ступень педагогического мастерства. А Иван Мартинович, в свою очередь, не однажды приезжал к старшему брату в Лиозно, в народный театр, где тот преуспевал на сцене.

В воспоминаниях о пройденном жизненном пути П. М. Францев с большой теплотой шпорит о периоде своей жизни на Лиозненщине предвоенные годы - счастливое детство и интересная школьная пора, светлая память о наставниках, о тех, «с кого делал жизнь», любимая работа в

школах района и в аппарате РОНО, увлечение сценой, радость и гордость за младшего брата, который также с энтузиазмом трудился на ниве народного просвещения, периодические военные сборы - курсы переподготовки командного состава (в 1940 году в результате прохождения таких сборов Петру Мартиновичу было присвоено звание младшего политрука).

В 1939 году младший брат был призван в Красную Армию на срочную службу. 22 июня 1941 года старший из братьев вместе с В. В. Уголевым ушёл на фронт. Больше Францевым не суждено было свидеться. Разные пути-дороги вели их к победе. Иван Мартинович в 1943 году, освобождая Беларусь, пал смертью храбрых. Похоронен вблизи деревни Ульяновичи Сенненского района. Пётр Мартинович в 1971 году в звании полковника вышел в отставку. Живут Францевы, как уже и говорилось выше, в областном центре. Ветеран — частый гость в школах города и других учебных заведениях. Медсестра Зиночка, которая более полвека тому назад перевязывала ему раненую ногу, стала верной спутницей жизни. Зинаида Максимовна также заботливая мать и бабушка тем, кто продолжает род Францевых. Семейный союз старших из этой фамилии являет собой пример верности делу и семье, человеколюбия, жизнестойкости.

Бывшие ученики, коллеги братьев Францевых, которые когда-то, в предвоенные годы трудились на поприще народного образования на Лиозненщине, узнав о судьбе учителей-воинов, низко склоняют головы перед светлой памятью младшего из Францевых - Ивана Мартиновича и желают светлого долголетия старшему из них - Петру Мартиновичу, поздравляя его с праздником Победы.

«МОРЕ НЕ ТОЛЬКО РОМАНТИКА...»: рассказ о капитане речного флота Хотькине Л.Л. //Сцяг перамогі. – 2002. №14,16.

7 ноября 1972 года в своём праздничном выпуске, посвященном 55-летию Октябрьской революции, газета «Правда» опубликовала «Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР в области науки и техники». Среди лауреатов значилась и фамилия нашего земляка, уроженца г. п. Лиозно Леонида Лазаревича Хотькина.

Лиозненцы хорошо знали семью, в которой родился будущий лауреат. Ему ещё не было и пяти лет, когда началась Великая Отечественная война. В 1943 г. Лиозно было освобождено от немецко-фашистской оккупации, но последствия нашествия ещё долгое время напоминали о себе каждый день: голод и холод, теснота временных жилищ, отсутствие малейших условий личной гигиены, тиф. Маленького Лёню врачи не могли оторвать от матери, которую госпитализировали в Велешковичскую инфекционную больницу. Увезли вместе с ней и мальчика: всё равно он заболит, да и не оставишь одного. Ефросинья Степановна вскоре умерла, а ребёнок так и остался среди чужих больных людей. Не плакал, а терпеливо ждал возвращения матери. Из больницы его забрала старшая сестра Маша. Она занималась на курсах при Витебском облфинотделе, который, как и многие областные организации, до освобождения Витебска находился в д. Горяне. До окончания войны Лёня был на попечении сестры, жил вместе с ней в общежитии в г. Витебске, ходил в садик.

После Победы отец со старшим сыном возвратились домой, точнее к пепелищу бывшего дома. Поневоле отцу пришлось подумать о женитьбе. Теперь уже младший сын жил не с сестрой, а в новой семье отца, где все ему сначала были чужими: и тётя Гэля, и бабушка, и даже отец, от которого мальчик отвык за долгие военные годы и воспринимал теперь, как чужого дядю. Гэля Брониславовна, не имея своих детей, старалась заменить ребёнку мать. Понимая его одиночество, уделяла мальчику больше внимания: ходила на родительские собрания, помогала разобраться в школьных заданиях, хотя в помощи он почти не нуждался. Лёня серьёзно относился к изучению всех предметов и успевал на «хорошо» и «отлично».

В семье с крестьянским укладом жизни лишних рабочих рук не бывает, поэтому с самого раннего возраста Леонид узнал, какой нелёгкой ценой добывается всё то, что нужно человеку для жизни. Летом приходилось пасти скот, помогать во время сенокоса, заготавливать дрова, работать на огороде. Дети той сложной послевоенной поры быстро, не по годам, выросли и

впрягались в любую взрослую работу. Впоследствии, уже будучи взрослым, Л. Л. Хотькин говорил о себе словами известного русского писателя: «В детстве у меня не было детства».

В свободные от уроков часы, зимой, в каникулярное время отец брал его с собой в мастерскую: пусть помогает и одновременно учится ремеслу. Отец, потомственный колесник, возглавлял в райпромкомбинате колесную мастерскую. В первые послевоенные годы, пока ещё автотранспортных средств было очень мало, требовалось много гужевого инвентаря. Нужны были телеги, сани-розвальни для перевозки разных грузов. У руководителей районного масштаба не было, как теперь, служебных автомашин, их заменяли сани-возочки, пролётки, рессорные телеги, изготовленные кустарным способом, вручную. Небольшой штат мастеров-колесников не в состоянии был обеспечить всех нуждающихся в подобном транспорте. К тому же процесс изготовления такого вида изделий был длительным. Начинался он с заготовки древесины. Пригодным считалось не любое дерево. В определённое время года, брались деревья необходимых видов и возраста (ясень, вяз (ильм), дуб, некоторые породы берёзы). Затем делались заготовки, распаривались, после чего им придавалась путём сгибания нужная форма (полоз, обод, дуга и т. п.). После длительной выдержки-сушки шла окончательная обработка.

Лёня, к великой радости отца, с интересом выполнял все поручения, даже кое-где вносил поправки, предложения

Вместе со своим другом-одноклассником умело работал на ручных (кустарных) деревообрабатывающих станках. (На таком точильном станке, если помнит читатель, трудился старик Болконский из кинофильма «Война и мир»). Им удавалось вытачивать детали: спицы и даже ступицы колеса — не хуже взрослых. Во время каникул заготавливали их про запас, что позволяло немного заработать. Взрослые одобряли ребят, а отец Леонида давно уже вынашивал мысль: после окончания школы оставить сына работать на этом месте, чтобы унаследовал такую нужную фамильную профессию, а потом и должность. Что касается дальнейшего образования, то его можно получить и без отрыва от производства. Сын молча выслушал предложение отца, не одобряя и не отвергая его, сказал: «Время покажет».

В первые мирные годы юноши мечтали о военных училищах, мореходных или лётных. И Леонид давно уже «заболел» морем, но никому об этом не говорил. Он лелеял мечту о мореходном училище, непременно Ленинградском, куда практически и поступил с первой попытки. Данные медкомиссии, экзаменов и собеседования давали ему возможность быть зачисленным, но когда Г, Л. Хотькин сказал, что хочет быть судоводителем, то ему предложили начать с трудовой ступеньки. Медвежьегорское училище ФЗО готовило специалистов морского дела всех профилей, начиная от коков и заканчивая плотниками. Именно эту специальность и предложили ему освоить, видимо, оценив недюжинную силу парня физическое здоровье, почти двухметровый рост и редкое в таком возрасте владение топором и другим плотничьими инструментами.

«Ну, чем не Петр Первый?»—подшучивали над Леонидом на теплоходе, куда он пришел судовым плотником. Затем стал механиком, потом помочником капитана. Леонид понимал, как сильно ему помогла отцовская выучка, та колесная мастерская. А друзьям отвечал «Ну, что касается Петра I, то я в цари по статусу не вышел, и рост чуть ниже отца, а дед мой Пётр в самом деле был выше двух метров и слыл в округе «Петром Великим». Шутка понравилась, а прозвище так и «прилипло». К нему обращались то «Внук Петра», то «Царский наемник». На шутки он реагировал без обиды и злобы, сам любил шутить.

Леонид умел дружить. У него всегда спрашивали совета, обращались за помощью. Так по крайней мере, вспоминает его бывший одноклассник, минчанин Ефим Шлемович Цымбал. Он отмечает, что в их среде были белорусы, которые тщательно скрывали своё белорусское происхождение, избегая употребления слов на родном языке. Леонид же, напротив, любил «ввернуть» словечко-другое на «своей мове» иногда для загадки, а иногда для «жарта». Это несколько не унижало и не компрометировало его. Своего сына-первенца Ефим назвал именем лучшего друга — Леонид — в честь морской дружбы. После окончания Ленинградского речного училища и Петрозаводской школы командного состава флота друзья расстались: Л. Л. Хотькин был сначала назначен помощником капитана, а вскоре — капитаном, ходил в далёкие зарубежные рейсы; Ефим остался в Петрозаводском порту — на берегу тоже много работы. Но это не мешало мужчинам держать письменную связь или общаться по

телефону, а то и приезжать друг к другу. Узнав о болезни Леонида, Ефим отправился в Петрозаводск. Но в последний путь не проводил: в день смерти Л. Л. Хотькина Ефим попал на операционный стол. К счастью, операция прошла успешно.

Бурное послевоенное развитие северо-западного региона страны требовало интенсификации речного и морского судоходства. На север шёл поток жизненно важных грузов: хлеба и металлов, машин и оборудования, соли и нефти. На юг в большом количестве транспортировались лес, стройматериалы, руда, рыба и другие продукты моря. Чтобы доставить груз к месту назначения, приходилось прибегать к так называемому перевалочному методу (перевалка грузов с речного транспорта на морской или наоборот). Это отнимало у водников много времени и сил. Встал вопрос о создании судна нового типа — река-море. Этим занимались учёные-проектировщики Ленинградского института инженеров водного транспорта и карельские речники. При непосредственном участии начальника пароходства Успенского и капитана Л. Л. Хотькина проводились испытания нового судна в зимних условиях при штормах в Баренцевом море, вносились в проект поправки, усовершенствования. Затем в Петрозаводске организовывались симпозиумы с участием финских водников, в результате чего появилась новая модель теплохода для экспортно-импортных перевозок, которому регистр СССР дал зелёную улицу в бассейнах Белого, Баренцева, Балтийского, Чёрного, Северного, Средиземного морей.

В августе 1967 года капитан Л. Л. Хотькин в г. Горьком принял головной теплоход «50 лет Советской власти», подарок сормовских рабочих Родине к 50-летию Октября. Экипаж под командованием своего капитана на данном судне на деле доказал, что теплоходы этого типа пригодны для эксплуатации в зимнее время; в них достигнуто полное соответствие систем и устройств требованиям Международной конвенции по охране человеческой жизни на море.

Многие пароходства взяли на вооружение изобретение карельских водников, и суда с районом плавания море-река появились в Дальневосточном, Енисейском, Ленском, Волго-Балтийском, Западном и в других пароходствах. Сколько средств сохранилось благодаря ликвидации промежуточных перевалок грузов! Если в конце 50-х годов из Петрозаводского пароходства всего одно судно ходило в заграничные плаванья, то к юбилею Октября 47 наших теплоходов нового типа заходили в порты Польши, Финляндии, Германии, Англии, Франции, Италии, Швеции, Египта, Ирана и других стран.

Это накладывало на каждого из тех, кто идёт в заграничные плаванья, ещё одну обязанность — высоко держать честь флага своей державы. Но для этого необходимо было заботиться о повышении своего культурного уровня в знании литературы, искусства. Быть в курсе современных событий, изучать по мере возможности язык других стран. Не везде одинаково встречали суда под советским флагом. Если в одних странах — с русскими песнями, музыкой, цветами и угощением, то в других — совсем наоборот. Успех рейса зависел не только от технической оснащённости судна, его экономического потенциала, метеорологических условий. Не менее важным в мореплавании является человеческий фактор. Бесспорно, экипаж теплохода «50 лет Советской власти» отвечал всем требованиям, которые предъявляются к труженикам моря. К примеру, за пять лет (1967—72 гг.) экипаж сэкономил 145 суток эксплуатационного времени, выполняя планы перевозок на 103 — 104 процента. А сам капитан подготовил за это время четырёх морских штурманов и пять рулевых на судах смешанного плавания.

Любил Леонид Лазаревич приезжать хоть изредка на свою малую родину, в Лиозно. Не мог он обойти с родственным визитом всю свою многочисленную родню, что проживает в Лиозно и в его окрестностях. Родственники сами, услышав о приезде Леонида, собирались к Марии Лазаревне, той самой, которая в далёком детстве делила с братом горе потери самого близкого человека, тепло души и кусок хлеба. Было о чём поговорить с человеком, который объездил полсвета: о морской романтике, о далёких странах, где ему довелось побывать, о трудностях морских походов. Родным он привозил в качестве сувенира то кокосовый орех, то ананас или ещё что-либо экзотическое. К сожалению, в то время подобные заморские диковинки мы могли увидеть разве что на рисунке. Конечно же, кто-нибудь из слушающих замечал: «Да, счастливый ты, Лёня». Тогда он, улыбаясь, пытался передать все трудности своей романтической профессии.

— Одно дело, когда судно плавно устремляется вперёд, рассекая волны, а ты смотришь на него с берега, думаешь о дальних странах и прелестях круиза. — говорил Леонид Лазаревич. — Другое дело, когда ты обслуживаешь теплоход. Иногда приходится не часами, а сутками работать, не отрываясь. Море любит не только отважных, но скорее трудолюбивых. Трудно тем, кто работает в полсилы. У моряков даже поговорка такая входу: «Море за день три берёт, а долги отдаёт». Потому и не бывает среди представителей этой профессии долгожителей. А что касается командного состава, в частности, капитана, то нагрузка — в десять раз больше. Но и радость от этого труда — огромная. Я испытывал её много раз. Когда возвращался домой в родной порт, когда мне дважды присваивалось звание «Лучший капитан речного флота РСФСР», когда награждали за труд орденами и медалями, когда жители Петрозаводска, оказывая высокое доверие, неоднократно избирали депутатом высшего органа Карельской автономной республики. Апогея моё счастье достигло 7 ноября 1972 г. — на борт теплохода «Бал-тийский-22» из Москвы пришло поздравление с 55-й годовщиной Октября, а также сообщение о присуждении мне высокой награды — Государственной премии СССР.

За получением награды в числе других, удостоенных такой же Государственной премии, Л. Л. Хотькин был приглашён в Москву. Побывал на приёме в Кремле, где лауреатов приветствовали руководители Правительства, а награды вручал президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Для Леонида Лазаревича это были незабываемые, счастливые времена. Но это счастье к нему пришло не вдруг: он трудился, не жалея собственных сил, учился.

Последняя награда нашла Л. Л. Хотькина посмертно. Один из теплоходов, приписанных к Петрозаводскому пароходству, носит теперь имя «Леонид Хотькин». Заслуженное увековечение памяти достойного человека. В заключение так и просятся строки из стихотворения В. В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»:

...мы идём сквозь револьверный лай,
чтобы, умирая,
воплотиться в пароходы,
строчки и другие долгие дела.

ЖИВА В ПАМЯТИ ЛЮДСКОЙ: о пионервожатой Велешковичской НСШ Шкляровой Г.Ф.
//Сцяг перамогі. – 2003. - №44, 45, 48.

В прошлом году наша газета предложила вниманию читателей объёмный материал, рассказывающий о педагогах и учениках Велешковичской неполной средней школы довоенного и военного времени, основанный на воспоминаниях её бывших учащихся. И хотя публикация не претендовала на всестороннее освещение фактов и событий, она, тем не менее, явилась ценным материалом для местных библиотечных учреждений, школьных краеведческих кружков, а также Лиозненского военно-исторического музея,

С интересом и благодарностью был воспринят этот материал и теми людьми, которые когда-то учились в данной школе, помнят прежних педагогов и сохраняют о них благодарную память. Одна из них - Анна Ивановна Филипповская, жительница г.п. Лиозно. Именно она принесла в редакцию фотографию, которую бережно хранила более 60 лет. На ней - бывшая учительница и старшая пионервожатая Велешковичской НСШ, которую многие помнят и сейчас, Глафира Фёдоровна Шклярова. Такой она и была в жизни - невысокого роста, очень подвижная, с красным галстуком на груди. Всегда опрятная, чаще всего её можно было видеть в светлом костюме или платье. Весь её день практически был отдан работе.

Подполковник в отставке Аркадий Титович Дроздов, проживающий в г. Витебске, также хорошо сохранил в памяти то время, когда Глафира Фёдоровна была его первой учительницей, его первой пионервожатой. Он и другие бывшие воспитанники многое поведали о её судьбе.

После окончания Витебского педучилища, в 1935 году, Г. Ф. Шклярова получила назначение на должность учителя младших классов. Как отличница, она имела право выбора. Поэтому и попросилась в Лиозно, где проживала со своей семьёй её старшая сестра Александра Гарбук. В местном РОНО Глаша получила направление в одну из лучших в районе школ -

Велешковичскую. В райкоме комсомола, куда девушка пришла, чтобы стать на комсомольский учёт, её встретили, как говорится, с распростёртыми объятиями: школа, точнее, школьная пионерская организация в Велешковичах давно уже ждала старшего вожатого (его должность, т.е. обязанности, выполняла девушка-комсомолка из седьмого класса). Таким образом, это учреждение сразу обрело в одном лице и преподавателя начальных классов, и старшего пионервожатого. Следует отметить, что старшими пионервожатыми тогда на общественных началах работали молодые учителя-комсомольцы. Это поручение следовало выполнять на совесть, в то же время не в ущерб своей преподавательской деятельности.

Как же мог молодой специалист, ещё не имея опыта, справиться с такими непростыми задачами? Глаше это удалось блестяще. Залогом тому стали её высокая ответственность за порученное дело, комсомольский задор и энтузиазм. К сожалению, в настоящее время подобные слова воспринимаются как «пережиток прошлого». Мало кто хочет браться за дело, не получая вознаграждения: дескать, зачем это надо? А между тем, энтузиазм - движущая сила, без которой невозможны никакие свершения ни в великом, ни в малом. Глафира Фёдоровна пять лет так и проработала сразу на двух должностях, скромно и незаметно свершая великое. Пионерская организация Велешковичской школы в то время слыла одной из лучших на Лиозненщине. Наиболее активных пионеров приглашали на районный слёт. Действовала такая мера поощрения - лучшим учащимся-пионерам и комсомольцам представлялась возможность полетать на самолёте, чтобы обозреть с высоты весь район. Это ли не радость?! А сама Г. Ф. Шклярова была удостоена чести по- бывать во всесоюзной пионерской здравнице - Артеке.

Никто из бывших членов пионерской и комсомольской организаций не станет отрицать той факт, что они были призваны формировать в человеке лучшие качества: патриотизм, готовность преодолевать трудности, человеколюбие. Это нравственное кредо становилось опорой и ориентиром в жизни каждого. Хочется попутно заметить, что создаваемые ныне детские и молодёжные организации вряд ли смогут стать достойной альтернативой тех прежних детских и юношеских объединений, которые были незаслуженно упразднены и ушли из жизни современной молодёжи.

...Лето 1941 года для пионеров Велешковичской школы обещало быть интересным, насыщенным разнообразными мероприятиями. Сначала предстояло прополоть немалую площадь льна в колхозе имени Пушкина, а затем, как награда за хороший труд, ребят ждала поездка в район, на пионерский слёт (на конных упряжках, автомашины в хозяйстве не было). Намеченная на воскресенье, 22 июня, она так и не состоялась.

В сельсовет из райцентра поступила телефонограмма, из которой жители Велешкович и окрестных деревень узнали о том, что началась война. Прибывшие из района представители собрали в местном клубе общеколхозное собрание, а директор собрал на школьном дворе не уехавших в отпуск педагогов и учащихся. Ни у кого не было мысли о том, что война придёт на нашу землю, что враг войдёт в наши города и сёла полноправным хозяином. Это всего лишь пограничные происки фашистских агрессоров, считали люди. Им будет дан достойный отпор. А мы в тылу должны проявлять бдительность и показывать образцы трудового героизма. Было решено, что учителя и другие жители деревни будут нести дежурства в сельсовете и по мере необходимости связываться с соседними населёнными пунктами. Г. Ф. Шклярова со своими воспитанниками должна была снова отправиться на прополку льна, теперь уже в другую деревню, вплоть до особого распоряжения.

Очередной отпуск и поездка к родителям в далёкий Дриссенский район откладывались теперь на неопределённое время, пока урегулируется международная обстановка. Но этого не случилось, и уже в начале июля немцы заняли всю территорию нашего района. В Велешковичах они уже при первом появлении показали своё звериное лицо. Из книги «Память. Лиозненский район» и других публикаций известно о расправе с мирным населением, в том числе и с учителями. Глафире Фёдоровне удалось избежать этой участи и в первый, и во второй раз. Бывший её ученик, тот же Аркадий Дроздов, хорошо помнит, как она, боясь быть обнаруженной врагами в своей квартире, и поэтому шла к кому-либо из своих учеников. Чаще всего приходила то к Росленкам, то к Дроздовым. А приезжавшие в очередной раз из Лиозно гестаповцы спрашивали кого-либо из местных жителей об интересующих их людях (в основном это были учителя, медработники, служащие и просто активисты, комсомольцы и коммунисты). Значилась в этом списке и Глафира Фёдоровна, но её фамилия была искажена, так

что никто из жителей даже по наивности не смог предать девушку. Тем не менее, врагам удалось схватить Глашу и отвезти в Лиозно в комендатуру, откуда было лишь два выхода: либо отправляться в концлагерь, либо быть расстрелянной в Адаменской роще. Жители улицы Садовой, прилегающей к роще, в течение всей оккупации могли наблюдать, как группа оккупантов в составе 5-6 человек с автоматами и лопатами сопровождала свои жертвы на казнь. Слышались автоматные очереди, а вскоре каратели возвращались обратно. Были среди казнённых и мужчины, и женщины, и старые, и молодые, преимущественно те, кого гестаповцы привозили после своих карательных экспедиций из разных деревень. Возможно, и Глафира была казнена в Адаменской роще. Никто не знает, где именно и как окончила жизнь отважная девушка-патриотка. Одно ясно, что она героически погибла за светлые идеалы, за Родину. Тогда, в военные и послевоенные годы, шли разговоры о том, что среди казнённых на одной из виселиц в г. Витебске была девушка в белой блузе с красным галстуком на шее.

Фашисты, конечно же, не упустили такой возможности - устроить всю эту красногалстучную пионеррию и комсомольцев: дескать, смотрите и думайте, что ожидает всех непокорных.

Ещё до недавнего времени жила в Велешковичах мать Серёжи Росленко. Туристические маршруты краеведов Лиозненской СШ № 1 в партизанские деревни пролегали через данную местность. И всегда ребята непременно встречались с матерью героя, от которой многое узнавали о жизни и подвиге сына. Пережив чёрные дни оккупации, она дождалась победы, но не дождалась с фронта мужа. Война отняла у неё обоих сыновей. Известно, что погиб Серёжа, приняв мученическую смерть от фашистов. Получила она известие и о смерти старшего сына. Ему едва исполнилось семнадцать. Виля, тоже будучи партизаном, погиб как герой.

Ещё в начале войны от многочисленных смертей односельчан, воспринимаемых как большое личное горе, женщина занемогла, слегла надолго. Не могла даже собраться с силами, чтобы позаботиться о своих детях. Помогали соседи: Феня Кухтова, Люся Гречишникова, Ольга Аболина и другие. Приносили каждый кто что мог из продуктов, топили печь, убирали. А Глафира Фёдоровна практически не покидала эту семью ни днём, ни ночью. Ей удавалось лучше, чем кому другому, заменить ребятам мать: её они слушались и любили. Известно, что мальчишки в сложной обстановке знают всё и обо всех. Чуть настанет день, Виля с Серёжей отправлялись на разные дела: собирали и припрятавали оставленное оружие, боеприпасы, шли за получением очередных заданий (в ближайших деревнях с первых дней оккупации уже действовали группы патриотов, будущие партизаны). Братья, возвратившись, докладывали обо всём. Глаша продолжала чувствовать себя вожатой, главной, обязанной учить своих воспитанников, выполняя подобные задания, быть осторожными, соблюдать конспирацию. Мальчишки чувствовали себя увереннее, слушая свою наставницу.

Но однажды совсем неожиданно Глафира Фёдоровна исчезла. Заволновались и забеспокоились и мать, и её сыновья. Вскоре стало известно, что её схватили враги и увезли в сторону Лиозно. Семья Росленко знала, что у Глафиры Фёдоровны там есть родственники. Братья отправились в райцентр, чтобы отыскать её, ведь без своего педагога им было так плохо во всех отношениях: пусть она возвратится и всегда живёт вместе с ними. Но по нужному адресу в Лиозно они никого не нашли. Очевидно, та семья эвакуировалась в советский тыл. Мальчишки возвращались домой. На выходе из горпосёлка на шоссе стояла длинная вереница немецких грузовиков, которые были загружены различным снаряжением. Фашистов было не так много. Они собрались в одну кучу, играли на губных гармониках, пили чай из термосов, ели. Некоторые, разминаясь, танцевали. Ребята остановились, якобы заинтересованные этой компанией, и стали просить хлеба {так учила их Глафира Фёдоровна). Поняв, о чём идёт речь, немцы заготовили и начали бросать им под ноги хлебные кусочки. Подобрав скудную подачку, мальчишки поспешили удалиться. Благо, фрицы не заинтересовались более серьёзно этими попрошайками. Спешным шагом направились они в сторону своих Велешкович мимо растянувшейся колонны вражеских машин. Некоторые грузовики не были накрыты, и ребята теперь уже точно убедились, что машины везут смертоносный груз в сторону фронта. Забыв об осторожности, Виля предложил взобраться на проезжающий транспорт, чтобы поживиться там кое-чем. Но именно он первым заметил опасность и, подав тревожный сигнал брату, одним прыжком очутился в придорожных кустах. Не надеясь на то, что сможет выручить Серёжу, торопливо, где шагом, где бегом, поспешил домой.

Агафья Росленко в тот же вечер почувствовала, что младшего сына она больше не увидит. Не потерять бы и старшего - отправила его из дома к надёжным соседям. Назавтра двое гестаповцев из лиозненской жандармерии привезли изувеченного мальчика в родительский дом, спрашивая о втором «бандите». Серёжа на допросе им говорил, что вместе с ним вчера был незнакомый мальчишка из райцентра. Мать также уверяла, что у неё только один ребёнок и что он ходил в Лиозно к тётке за хлебом. Немцы, ища оружие, перевернули в доме всё вверх дном: взрывали половицы, обшарили сараи, прощупали штыками землю вокруг дома. Поиски, как и следовало того ожидать, оказались напрасными. Наконец, один из «гостей» сорвал висевшую на стене пустую полотняную Серёжину сумку и вытряхнул из неё содержимое. Оттуда высыпался нехитрый ребячий скарб: игрушки и какой-то красный кусок ткани. Фриц потоптал игрушки кованым сапогам, а кусок ткани, попавший в руки немца, оказался пионерским галстуком.

— Это галстук! Твой? Ты - пионер, маленький коммунист?

Серёжа молчал, сдерживая свой гнев и порываясь схватить галстук из вражеских рук, но наручники помешали ему это сделать.— Не волнуйся, — продолжал фриц, надевая Серёже галстук на шею, - Мы тебя будем вешать на нём!

И начал подталкивать мальчика коленом, приговаривая: «Пошёл вон!» Мать вцепилась в Серёжу, истошно кричала: «Не отдам сына! Убивайте нас вместе!» Фашист со злостью отшвырнул её в сторону, сильно ударив чем-то по голове. «Все потонуло во мраке забвения, — рассказывала позднее несчастная женщина. — Только откуда-то издалека доносился пронзительный крик Серёжки. Он у меня и сейчас звучит в ушах».

Выходили Агафью те же соседи, поддерживая её своим сердечным участием. Убедили в том, что надо жить ради Вили. И она осталась жить, хотя и потеряла зрение. Погиб в партизанах и Виля. Не вернулся с фронта муж. Не потеряв рассудок от таких страшных потрясений, собрав всю силу воли, Агафья Росленко решила продолжать жить за тех, чьими жизнями была оплачена великая победа, — за сыновей, мужа, за прекрасную девушку Глашу.

Именно благодаря деятельности отважной патриотки Г. Ф. Шклярской и подобных ей людей пламя общенародной борьбы против поработителей разгорелось в Велешковичском сельсовете ещё ярче, вовлекая в ряды народных мстителей всё новых и новых борцов.

НОСИТ УЛИЦА ИМЯ ГЕРОЯ: воспоминания о жителях улицы Орлова //Сцяг перамогі. – 2006. - №86, 89, 72.

В нашем горпосёлке больше полсотни улиц, молодых и старых, с самыми разнообразными названиями. Они - суть отражения времени и истории их возникновения. Поинтересуйтесь, какая же самая старшая? Пожалуй, многие скажут: «Улица Ленина». Но так ли это?

...Населённый пункт, в котором мы живём, прежде никак не назывался. Это были хаотично раскиданные по берегам реки домишки, не представлявшие собой ни деревни, ни улиц. Здесь жили люди, занимавшиеся сплавом древесины. Река «работала» день и ночь. И только по крутым берегам сегодня можно представить, что в былые времена она была судоходной. Понятно, что морские и океанские суда сюда не заходили. Грузы перевозили на лодках, баржах и т.п. Но эта водная артерия, начинавшаяся в Бабиновичах и впадающая в Западную Двину, составляла протяжённость около 100 километров. А ну, попробуй проделать этот путь на лошадях, да ещё и по бездорожью! У людей, занимавшихся сплавом, доход был больше, чем у прочих. Они понимали, что благосостояние им приносит река. Вот и название нашей Мошны с этим связано - та самая кожаная сумочка на ремешке, где хранили обычно деньги. Правда, и поныне бытует ещё одна версия местных краеведов о том, что Мошна происходит от слова «мох». Мол, река течёт по мшистым берегам.

Впоследствии в связи с правительственным указом о частичном отселении евреев из крупных городов, по берегам Мошны, особенно по её правому крутому и высокому, менее подверженному затоплению во времена наводнений, образовалась улица, которую называли Бабиновичской, т. к. водный путь соединял село Шибекينو с Бабиновичами. Здесь жили евреи, имелись синагога, еврейская школа, кладбище (которое существует и поныне). Так что самая старшая в Лиозно улица - Бабиновичская, впоследствии переименованная в Микулинскую, Колышанскую, ныне - Гагарина.

На месте городского стадиона стояла деревянная церквушка, а рядом несколько домиков, где проживали служители культа. Эту улицу называли Поповской. Вокзальная появилась после того, как был построен железнодорожный вокзал Лиозно. Она соединяла станцию с почтовым трактом. Сегодня это - улица Ленина.

Уместно будет отметить, что изменился и статус самого селения: из посёлка Шибекино оно превратилось в местечко. Именно так назывались населённые пункты, где селились евреи. Местечками были Лиозно, Добромисли, Бабиновичи, Кольшки, Микулино и другие. Проживавшие здесь представители еврейской национальности вели между собой оживлённую торговлю, способствовали приливу населения. В Лиозно, к примеру, уже не стало мест для застройки. Правительство преследовало не только ту цель, чтобы разгрузить перенаселённые города, но и то, чтобы переселенцы нашли себе занятие на селе. Правда, они не торопились стать земледельцами, животноводами или лесорубами. Евреи были убеждены, что сам Бог указал им иные пути добывания хлеба насущного. Они не селились в глухих безлюдных местах, а напротив, выбирали что-то поуютнее, поближе к людям, чтобы было кому оказывать услуги, а по возможности, и заняться торговлей. Поэтому среди прибывших было немало и швей, и сапожников, и другие мастера. Как грибы после дождя появлялись лавчонки, шинки, мини-мастерские. Впоследствии стали работать и фотоателье. В моментальном в течение короткого времени заказчику выдавали готовый фотоснимок на документы. А в кабинетной фотографии, где работал без малого полвека мастер высокого класса Мирмович, делались очень дорогие снимки, зато высокого качества, которые сохранились и до сего времени.

Было определено место для рынка (почти там, где он и сейчас). Крестьянину теперь не надо было на лошади присоединяться к обозу, отправляться в Витебск с целью что-то продать или купить. На рынке в Лиозно продавались молочные продукты, мясо, яйцо, куры и другая птица. На возах - кустарные изделия, телеги, сани, предметы домашнего обихода, самопрядилки, деревянная посуда, керамика. Стояли и возы с дровами, сеном. Коров евреи не держали. Некоторые - лишь коз.

Представители еврейской и других национальностей, жившие здесь, никогда не враждовали: ни в школе, ни по-соседству. Напротив, было немало примеров крепкой дружбы и браков. А в войну многие лиозненцы спасали евреев, жертвуя собой. Теперь их называют «праведниками мира». Некоторые из них и сегодня живут в нашем горпосёлке.

В 30-е годы активизировалось колхозное строительство. Упраздняялась хуторская система. Активистами разбирались единоличные строения, которые затем свозились в места будущих посёлков, а то и просто растаскивались: лишь бы очистить землю, переданную на вечное пользование колхозу. Кто-то начал строиться на новом участке, а те, кто не стал членом коллективного хозяйства, должен был перебраться в урочище Болтутоао или же обратиться в райисполком с просьбой предоставить пляц для застройки. Заявлений поступило много. Пришлось расширять территорию местечка за счёт присоединения колхоза «Прожектор» (впоследствии - колхоз имени Ленина).

Спланировали около десяти улиц и переулков. Данный район, находящийся на окраине, назвали Слободкой, а все его улицы и переулки, не мудрствуя лукаво, Слободскими. На 1-й Слободской построили 42 дома. Забегая вперёд, скажу, что именно она после Великой Отечественной и была названа в честь одного из освободителей нашего района.

Дело в том, что в послевоенное время многие улицы в Лиозно стали носить имена героев

войны. Когда на одной из сессий горсовета встал вопрос об увековечении памяти Героя Советского Союза Т. Н. Орлова **(на снимке)**, его именем было решено назвать 1-ю Слободскую. Ученики СШ № 1, жившие здесь, из переписки уже немало знали о Тимофее Николаевиче. Он родился в 1915 году в селе Большое Чаусово Курганской области. На фронте - с июля 1941 года. 11 ноября 1943 года стрелковое подразделение полка, которым командовал заместитель командира полка майор Т. Н. Орлов, уд. Красная Слобода прорвало линию вражеской обороны, отбило 12 контратак противника, уничтожив 500 гитлеровцев. 25 декабря 1943 года во время прорыва обороны противника наши воины пересекли железную дорогу Смоленск-Витебск, прорвались в тыл к фашистам и уничтожили колонну гитлеровцев. Т. Н. Орлов погиб в этом бою и был похоронен в д. Стасево.

...Узнав о том, где находится могила отца, в послевоенные годы в Лиозно приехали его сын и внучка. Гости вместе с учениками и педагогами СШ № 1 побывали в Стасеве на месте захоронения героя, сфотографировали кладбище и могилу Тимофея Николаевича.

Впоследствии родственники Орлова ещё раз наведались на лиозненскую землю, встретились с местными жителями, в том числе и со стасевцами. Они сообщили, что в г. Кургане одна из улиц носит имя Героя Советского Союза Т. Н. Орлова. Само собой пришло осознание необходимости увековечить его память и у нас. Так, 1-я Слободская стала называться улицей Орлова.

А в Лиозно и, в частности, на нашу улицу Орлова (тогда 1-ю Слободскую) война пришла так. Воскресное утро 22 июня 1941 года выдалось каким-то особенно солнечным, праздничным. По улицам гуляли группами и парами выпускники обеих школ, прощались со сверстниками перед отъездом к местам своей дальнейшей учёбы. Не знали жители посёлка о том, что на западе уже ступил на нашу землю враг, что льётся кровь защитников Отечества, что на многие советские города упали фашистские бомбы.

Лиозно в ту пору не было радиофицировано. Единственная чёрная тарелка-рупор висела на столбе в центре посёлка. Из неё и прозвучало сообщение о начале войны. Услышав эту страшную весть, толпа мгновенно растаяла. Из динамика громко зазвучала мелодия песни «Если завтра война...».

Люди шли в военкомат, чтобы удостовериться, в самом ли деле фашисты напали на нашу страну или это всё же не так. Вчерашние выпускники приходили сюда с просьбой записать их в добровольцы. Молодёжь отправляли назад со словами: «Ждите. Когда потребуется, мы вас позовём». А все взрослые мужчины на следующее утро получили повестки и собрались на хорошо известной здесь полянке, на опушке Адаменской рощи. Из призывников формировались отряды: одни отправлялись на запад, чтобы остановить, разгромить и повернуть вспять назад немецкую армаду; другие - на Москву. Пятеро мужчин подхватили на руки своих малолетних сыновей и так шли в колонне до остановки. Это была их последняя совместная дорога: мало того, что все отцы не вернутся домой с войны, но погибнут здесь же, на своей улице, их малыши. Об этом несколько позже...

10 июля оккупанты вошли в Лиозно. Русская школа, где остановилась на отдых их часть, находилась в самом начале 1-й Слободской. Поэтому немецкие солдаты начали шастать по дворам с целью поживиться. Зелёная униформа, у некоторых - чёрная, автоматы наперевес. Двери в дома открывали коваными сапогами. Иногда стреляли в потолок, видимо, боялись засады. Требовали «млека», «яйка», «шпик» и т.д. Но в домах в основном было пусто.

Много позже двери в жилища лиозненцев практически не закрывались, одни мародёры сменяли других. Вот плюгавый фашистский вояка вырывает из рук бабушки Струковой верёвку (она пасла телушку в своём палисаднике). Фрицу же вздумалось поживиться свежим мясом. Старушка кричит, плачет и зовёт на помощь соседа. Тот, быстро оценив ситуацию и владея немецким языком, прочитал непрошенному гостю внушение и пригрозил, что пожалуется коменданту. Немецкая речь тут же отрезвила солдата и тот убрался восвояси. А Егор Ильич (так звали мужчину) на самом деле пошёл в школу и имел там беседу с каким-то начальником, говоря, что армия-освободительница, как её называют в листовках, не должна так себя вести. Фашист вначале хотел пустить пулю в лоб отважному русскому, владеющему немецким и бывшем когда-то в германском плену, но потом передумал и предложил ему пойти на службу к новым хозяевам. Она состояла в том, чтобы охранять продовольственную базу. Накануне прихода вражеских войск руководители торговых предприятий отдали приказ повесить замки на все магазины и склады. Но всегда найдётся человек, который проникнет сюда, несмотря на запоры, чтобы прихватить с собой мешок-другой муки или что-нибудь из промтоваров. Поэтому и требовалась охрана. Егор Ильич дал согласие.

За свою службу он получил немного муки, что было очень кстати: ведь в семье - шестеро детей. Но такая фашистская подачка оказалась отнюдь не в радость для его близких. Вот и супруга, Ефросинья Демидовна, высказала мужу слова гнева и негодования. У виновного же было единственное оправдание: детей как-то надо кормить. Да, действительно, их ребята, как и все дети на этой улице, в ту пору голодали, поскольку у взрослых не было никаких продуктовых запасов. Испечь бы малышам по блину или сварить похлёбку! Но женщина в сердцах высыпала принесенное в помойное ведро. И ребятня, наблюдавшая эту картину,

приняла сторону матери. А старший, 16-летний Виктор, сказал: «Не ходи, папа, больше сторожить. Ведь получается, что ты врагам помогаешь». Тот же в ответ грозно заявил: мол, я в доме голова и все должны меня слушать. Молоды ещё учить батьку. Буду делать то, что считаю нужным.

Но вскоре выяснилось, что продуктов на базе, которую охранял Егор Ильич, больше нет. Немцы погрузили их на гражданский транспорт и увезли в Германию: там тоже ждут продовольствие. Узнав это, мужчина расстроился и сказал членам своей семьи, что больше не будет служить фашистам. Ведь он так надеялся, что продукты достанутся его близким и землякам. На это услышал в ответ от коменданта, что всё теперь здесь принадлежит Германии, в том числе и люди. «Вы теперь завоёванная страна и будете работать на нас». Немец тут же приказал запрячь лошадей и поехать в деревню, чтобы привезти оттуда мясо. Все полевые кухни вместе с войсками,двигающимися к Москве, проходили через Лиозно. Поэтому здесь, в тылу, местное командование должно было самостоятельно обеспечивать питанием своих солдат за счёт имеющихся ресурсов на завоёванной территории.

Каждая попытка проникнуть в партизанскую зону заканчивалась для оккупантов плачевно: либо гибелью, либо получением ранений. Они еле уносили ноги. Вот и на этот раз из одного из населённых пунктов района, куда их сопровождал местный житель, фашисты вернулись ни с чем, потеряв подводу, одного солдата, а их добровольный помощник получил лёгкое ранение. Командование дало распоряжение организовать карательную экспедицию в эту неприступную зону и очистить её от партизан, для чего требовались и люди, и техника. А кто станет отвлекать с фронта боевые силы? Пусть, мол, тыловики сами решают свои проблемы с партизанами и продовольствием.

Егор Ильич, о котором рассказывалось в предыдущей публикации, на ту пору уже служил при комендатуре - осуществлял пропуск к коменданту. Раненая рука такой службе не была помехой. Он старался, занимая данную должность, хоть чем-то помочь своим соотечественникам. И даже устроил одной женщине, которой грозила серьёзная расправа, побег. Таким образом та избежала страшной участи. Приходя с работы, мужчина рассказывал о том, что хорошего успел сделать, желая наладить взаимоотношения в семье. Но ничего не помогало: противостояние усиливалось. Жена утверждала, что супруг отдал душу чёрту. Но самым больным местом было будущее детей, ведь им когда-нибудь придётся отвечать за преступное отцовское сотрудничество с оккупантами.

...Близилось время освобождения Лиозно. Местное население по приказу оккупационных властей должно было эвакуироваться на запад, в Германию. Егор Ильич покинул близких, дабы облегчить их участь. Кто-то из детей впоследствии поступил на учёбу, кто-то стал работать. Власти не занимались поиском Егора Ильича, так как за ним не числилось никаких преступлений. Напротив, поступали сообщения от людей, которым он оказал какую-то услугу, спасая от оккупантов.

В Германию наш земляк не подался, а нашёл пристанище в одной из деревень в соседней области. Одинокого человека, потерявшего, по его словам, семью, приняли добрые старички, у которых в войну погибли дети. Неожиданный постоялец пришёлся им ко двору: помогал вести хозяйство, рассказывал много интересного из своей жизни, легко сходилась с местными жителями. Стал ходить в церковь.

Дети, пытавшиеся разыскать его, узнали о судьбе отца слишком поздно. Им сообщили, что в той деревне три года назад схоронили какого-то доброго одинокого человека. По некоторым вещам, оставшимся от постояльца у хозяев, они точно установили, что это был Егор Ильич. Кстати, погиб он трагически: воз с сеном, на котором тот сидел, зацепился за провод...

Можно ли считать мужчину предателем, учитывая тот факт, что на сотрудничество с оккупантами его толкнула забота о семье и желание помочь другим людям?

А вот ещё один пример. В первые дни войны представители новой власти зашли в дом по улице первой Слободской (теперь Орлова), где жила многодетная семья Бельченковых. Был здесь и молодой человек лет двадцати. Переводчик задал ему несколько вопросов, а затем сообщил немцу, что того зовут Василием и ему 22 года. В Красной Армии не служил по состоянию здоровья, работал на заводе, родители занимались сельским хозяйством. Фашист одобрительно закивал головой и сказал: «Это то, что нам нужно». И хоть юноша не хотел идти с ними, но ему объяснили, что господин начальник желает побывать в каждом доме и лично

представить Василия Бельченкова как десяцкого и что, мол, все его приказы надо будет выполнять. Быть начальником улицы, да ещё вдобавок выполнять указания немцев пареньку было не по душе. Но что тут поделаешь? Подворный обход состоялся. Соседи подбадривали: дескать, мы свои люди и найдём общий язык. И в самом деле, десяцкий оказался довольно изворотливым и, в то же время, исполнительным перед господами оккупантами.

Улица всегда была расчищена, выполнялись все прочие распоряжения. Местные жители вовремя предупреждались десяцким о предстоящих облавах или других акциях, проводимых в посёлке. Тот по всякому вопросу советовался с ними. А когда началась отправка молодёжи в Германию, которой в обязательном порядке подлежали юноши и девушки 1925-го и 1926-го годов рождения, то и здесь Василий оказался весьма полезным. Так, Мария Лазаревна Хотькина сменила свой 25-й год на 23-й. Специальная медицинская комиссия под председательством И. В. Жарикова по заявлению граждан устанавливала год рождения молодым людям. И, как правило, возраст, обязательный к отправке, по известной причине не утверждала.

Не повезло лишь Валентине Андреевне Турковой (на снимке), также родившейся в 1925 году. Комиссия дважды рассматривала её заявление, но ничего поделать не могла. Мать девушки, Мария Филипповна, обращалась в различные инстанции с просьбой освободить дочь от отправки на чужбину. Мол, она старшая среди своих шестерых братьев и вполне могла бы при необходимости заменить хозяйку. Надо отметить, что эта семья была образцовой во всех отношениях. Дети приучались к труду, каждый имел обязанности по дому и по хозяйству. Младшие слушались старших. Все были внимательными и ласковыми друг к другу, обращаясь не иначе, как Шурочка, Мишенька, Варенька.

Кстати, на улице, о которой идёт рассказ, проживало немало многодетных семей. Это Кузнецовы, Агностиковы, Чубаревы, Хотькины и другие. Но именно над семьёй Турковых тёмной тучей нависла угроза потерять одного из своих членов, дочь Валентину, которая запросто могла сгинуть в ненавистной Германии. В надежде на спасение обратились к самому коменданту. Но там также был получен отказ. И всё же выход нашли - заключение фиктивного брака. В роли жениха выступил сам десяцкий. Для большей убедительности справили «шумную» свадьбу. Небогатая застольца с музыкой, а главное, с регистрацией в самом ЗАГСе и получением настоящего документа с соответствующими печатями, который молодой «супруг» отнёс на биржу вместе с заявлением об исключении «жены» из числа граждан, направляемых на жительство в Германию.

После войны Валентина сначала работала на восстановлении разрушенного Витебска. Затем связала свою судьбу со службой в Советской Армии. Что касается Василия Бельченкова, то ему с приходом наших войск была инкриминирована измена за известную деятельность в период оккупации. Не помогло ходатайство семьи Турковых и самой Валентины, спасённой от угона в немецкие земли. Не помогло и коллективное ходатайство всей улицы с просьбой смягчить его участь.

ОНИ ЖИЛИ НА НАШЕЙ УЛИЦЕ: воспоминания о жителях ул. Орлова // Сцяг перамогі. - 2006. - № 16, 29, 30, 40.

В конце минувшего года в нашей газете было опубликовано несколько материалов, посвящённых людям, жившим в Лиозно на бывшей 1-й Слободской (ныне эта улица носит имя Героя Советского Союза Т. Н. Орлова), и рассказывающих о тех событиях, которые имели место в прошлом. Их автор - учительница-пенсионерка М. Д. Ермолаева, также проживающая здесь.

Нынешней публикацией мы продолжаем данную серию, уже под другим названием, но преследующую всё ту же цель - сохранить для потомков интересные факты, а также воспоминания о тех, кто каким-то образом запечатлел своё имя в памяти других.

Сегодня мой рассказ об Александре Фёдоровне Барченко, которая до войны жила в Глоданском сельсовете. Её муж в первый же день войны ушёл на фронт. Шура осталась с первенцем Костей на руках. Раньше чем где, на Глоданщине зародилось подполье, затем и партизанское движение. Барченко стала активной партизанской связной, а затем ушла в отряд народных мстителей. Костя остался на руках у дедушки. Связная Барченко могла выполнить

любое задание. Хорошо знала людей и местность. Но однажды её схватили и привезли в Лиозно, в комендатуру. Отсюда арестованных отправляли либо в Витебск, либо в Рудню. Недалеко от Рудни в д. Переволочье был перевалочный лагерь. Там узников сортировали. Более молодых на поездах отправляли в Германию, где нужна была рабочая сила. Людей постарше - в лагерь смерти или казнили на месте.

Товарный поезд с вагонами-телятниками полностью забит живым грузом - людьми. Такие составы гоняли без конца. В них не было ни света, ни воды. Спёртый воздух. Ни о какой еде не могло быть и речи. Александра Фёдоровна, вспоминая об этом телятнике на встречах со школьниками, не могла сдерживать слез на глазах. Люди были обречены на медленную мучительную смерть. Несколько молодых человек сумели продырявить крышу в вагонах, выбраться наружу, отомкнуть двери.

Люди, кто поздоровей, выбирались из своего заточения и растворялись в темноте. Вскоре на станции открылась стрельба из автоматов, пулемётов, полетели осветительные фонари.

«Но не все смогли подняться, выбраться из вагона и погибли. А кому это удалось, разбрелись в разные стороны. Но куда идти? Вместе со мной оказалась учительница из Замшено - Татьяна Семёновна Демьянова. Я во всём полагалась на её ум, находчивость, решительность. Именно благодаря этой женщине, правда не так скоро, мне удалось снова оказаться в своём партизанском отряде», - вспоминает А. Ф. Барченко.

Впоследствии она была награждена за участие в Великой Отечественной войне, а также за трудовую доблесть (много лет работала в торговле). Недавно ушла из жизни. Оставила о себе добрую память и тёплые воспоминания в сердцах её прежних соседей. В Лиозно живут дети и внуки Александры Фёдоровны, достойно продолжающие род Барченко.

Не могу не вспомнить и о Марии Устиновне Дидан. До начала Великой Отечественной она работала в Сутокской школе (ныне Первомайская СШ) техничкой.

Муж в первый день войны ушёл на фронт, да так и не возвратился. Нелегко было женщине одной воспитать троих детей. Характерен такой момент: уходя их школы, она увидела оставленное школьное знамя. Взяла его с собой, чтобы сохранить до прихода наших. Причём, не задумалась о том, какие последствия может повлечь за собой этот поступок.

За время оккупации пришлось не раз менять место жительства. Таскала за собой самое необходимое, но, тем не менее, знамя сохранила. Хоть говорят, что в походе и иголка вес имеет. Своим сокровенным желанием сберечь дорогой для нее символ, поделилась с детьми. И те её поддержали. Ответ был однозначным: сохраним, не выбросим, понесём. И сохранили.

В октябре 1943 года, когда освобождали наш район, перед солдатами-освободителями предстала трогательная картина. Из лесного укрытия с развёрнутым красным знаменем вышла женщина с тремя детьми. В очередном номере об этом факте написала районная газета, а также сообщалось по радио.

Спасённое школьное знамя и сегодня находится в областном краеведческом музее. Последние годы жизни Дидан проживала на нашей тогдашней 1-й Слободской (ныне улица Орлова) в семье своих детей, зятя Михаила Скрипелёва и дочери Галины. Бывала частым гостем в школах горпосёлка.

НА СНИМКАХ: жительницы улицы Орлова в г.п. Лиозно М.У. Дидан с внучками и А. Ф. Барченко;

Обладала удивительным талантом общения с детской аудиторией. Ей было о чём рассказать. И не только о спасении знамени.

В заключение хотелось бы высказать пожелания, чтобы этот уникальный экземпляр нашёл свою постоянную прописку в Лиозненском военно-историческом музее.

Семья Шиловых - Петра Ивановича и Матрены Васильевны, также проживавшая на нашей улице Орлова, одна из немногих, кого пощадила война, в том смысле, что все её члены уцелели.

После ухода Петра Ивановича на фронт, Матрёна Васильевна осталась с двумя детьми. Володя к этому времени окончил 3 класса. Отец, уходя на войну, сказал сыну, что на него теперь возлагаются все мужские обязанности. На улице жили ещё несколько таких отцовских «заместителей». Одинаковые условия военного времени, одинаковые проблемы в каждой семье сблизили мальчиков. Они не мыслили в одиночку никаких занятий: то поход за хворостом, то сбор колосков, ягод или грибов. Всегда все ребята были вместе. Но самым любимым занятием, как ни странно, была игра в войну. На этот случай мальчишки перевоплощались, одевали кто отцовскую шапку, кто пилотку или сапоги не по размеру, кто подпоясывался ремнём. У каждого был свой род войск, своё звание: командир, моряк, лётчик и т.п. Они настолько вживались в свои образы, что пользовались ими и после игры. А потом те стали их псевдонимами. Хуже обстояло | дело с ролью врага. Никто им не хотел быть, потому что гитлеровцы брали в плен, расстреливали, сажали в тюрьму. Поэтому фрицами доводилось быть поочерёдно, чтобы никому не было обидно.

...Володя вырослел. Мысль о море его не покидала. А тут сразу две радостные новости - возвратился с фронта отец и ошеломил сына необычным подарком: накинул ему на плечи купленную по пути шинель. Друзья, пришедшие разделить Володину радость, определили, что она морская. Значит сама судьба велит ему стать моряком. Но отец сказал, что служба на море требует очень много сил, как физических, так и духовных. А чтобы стать капитаном, требуется много знаний. То же самое паренёк услышал и в школе от своих педагогов. М. В. Рыбалтовский и П. П. Вишняков умели передать свои знания. Умели и требовать с учеников. На должном уровне преподавали свои дисциплины военрук Т. Гаврилов и учитель физвоспитания В. П. Дубровский.

В результате Володя успешно окончил школу, а затем - Рижское мореходное училище. Ходил в дальние зарубежные плавания в качестве старпома. Мечтал о должности капитана. После учёбы в Ленинградском высшем морском училище стал самостоятельно водить суда в далёкие рейсы. После возвращения с очередного плавания, как правило, появлялся в родительском доме. Рады были встретиться с ним и школьные друзья, и учителя, и соседи. Много рассказывал о заморских странах. Но судьба его была короткой: рано ушёл из жизни. Как правило, люди приверженцы морского дела, не бывают долгожителями, но оставляют о себе добрую память.

Родился на нашей улице ещё один мореплаватель, капитан дальнего плавания Леонид Лазаревич Хотькин. В войну совсем малышом Лёня лишился матери. Воспитывала его сначала сестра Мария Лазаревна, которая и сейчас проживает в Лиозно. Затем после возвращения отца с фронта рос в его семье. После окончания средней школы обучался в учебных заведениях Ленинграда. Работал в Петрозаводском пароходстве капитаном дальнего плавания. За разработку нового типа парохода бесперевалочного судоходства был удостоен звания лауреата государственной премии. Три года тому назад этого человека не стало. Его жена и сын живут в Петрозаводске. Примечательно, что один из пароходов был назван в честь нашего земляка - «Леонид Хотькин». Районная газета уже писала о Леониде Лазаревиче ранее.

НА СНИМКАХ: капитан дальнего плавания Л. Л. Хотькин; семья Шиловых (крайний слева - Владимир Петрович)

По счастливой случайности на нашей улице Орлова уцелело четыре дома. Они не только являлись временным пристанищем для тех, кто лишился собственного крова. Здесь

размещались и государственные учреждения. В большом доме Кузнецовых всю зиму 1943 года находилась воинская кухня. Потом, с 1944 года, здесь была районная библиотека (до переезда в церковное здание). В первой половине дома Александры Захаренко с 1945 года занимались на первую и вторую смены классы белорусской средней школы. У М.Ф. Турковой квартировал директор с семьёй. Многие учителя жили на квартирах в д. Пронское, Черноручье или жили в землянках в бору, что остались после полевых госпиталей.

Отдел соцобеспечения долгое время занимал первую половину дома Чубаревых. Их большая семья ютилась в задней половине. Уцелел дом и Марии Карповны. Война забрала у неё мужа, добрейшего Николая Григорьевича, и семилетнего сына Колю. Оставшись одинокой вдовой-солдаткой в 35 лет, женщина жила в одиночестве. И хоть была возможность выйти замуж, но ни с кем она не связала свою судьбу, оставшись верной святой памяти погибшего на фронте мужа. Жила в трудных буднях, взяла на себя заботу о престарелой матери и двух осиротевших племянниках. Приняла все невзгоды как волю Всевышнего и укрепились в своей вере: посещала церковь, пела в церковном хоре, трудилась, не покладая рук. Когда-то обучалась портняжному мастерству, которое теперь, в войну и в послевоенные годы, очень пригодилось.

После освобождения нашей территории от немецко-фашистских захватчиков Лиозно представляло собой ужасную картину: сплошные развалины, лишь кое-где возвышались печные трубы, а в центре белело здание церкви. Сюда люди боялись заходить. Страшились того, во что превратили божий храм эти поборники веры - «освободители», на ремне у них красовалась надпись «С нами Бог». Да, это их бог позволил им превратить храм в конюшню, а его самое святое место, алтарь, приспособить под клозет.

Молодёжь, мобилизованная на восстановление посёлка, трудилась охотно. А вот работать по очистке церкви отказалась. Узнав об этом, церковный староста Авраам Воробьёв, вернувшийся с войны инвалидом, на одной ноге, собрал пожилых людей, верующих, которые взялись навести здесь порядок. Пришёл и отец Савелий, вдохновил своих прихожан, сказав, что нет греха в том, что они будут исполнять неприятную работу против своего желания, но во имя очищения, освобождения церкви-матери от осквернения.

В райкоме поблагодарили самоотверженных жителей Лиозно, но сообщили, что церковь и в дальнейшем не будет использоваться по своему прямому назначению - как культовое учреждение. Здесь, как и до войны, разместятся кинотеатр, клуб, библиотека, книжный магазин. Верующие и сам отец Савелий с пониманием отнеслись к решению властей. Позже, с наступлением холодов, прихожане спешили на службу в небольшой уцелевший домик по ул. Т. Дубовко. Мария Карповна решила, что её дом для этой цели подходит лучше и на церковном совете предложила такой вариант. Несколько лет кряду её дом был церковью и местом жительства семьи одного из священнослужителей. Хозяйка денег не брала, а приняла это как великую честь для себя. Сама убирала и отапливала помещение.

Фёдор Григорьевич Скрипелёв возвратился с фронта инвалидом войны, но не пал духом. Понимал, что нельзя расслабляться. Его семья (жена и шестеро детей) пережила трудное время лишь благодаря заботам и помощи бабушки и бабушки Чубаревых. Государство на ту пору не могло оказать поддержку всем нуждающимся и участникам Великой Отечественной. Люди сами, как могли, строили себе жилища: кто землянку, кто времянку и т.п. Фёдор Григорьевич, долго не размышляя, начал возведение дома. Помогала супруга, Татьяна Борисовна. Строительный материал тогда был сравнительно дешёв: цемент, шлак. Шлакобетонные дома получались по тем меркам сравнительно красивые. Конечно, не нынешние роскошные коттеджи, но всё-таки - крыша над головой.

Дети подрастали, заводили свои семьи. И отец почти каждому построил жильё. Помогал обзавестись им и родственникам. В итоге, как вспоминает сейчас его старший сын Михаил, Фёдор Григорьевич построил восемь домов. Не Бог вещь из чего сработаны эти строения, но служат больше полувека тем, кто в них живёт.

...Одной из первых когда-то поселилась на 1-й Слободской семья Чубаревых - Борис Кузьмич со своей супругой, Натальей Никитичной, и восьмью детьми. Этот мужчина был инвалидом первой Мировой войны. Мало того, что оставил в лазарете ногу, так ещё пробыл несколько лет в плену. Дружная, работающая семья, управляемая Натальей Никитичной и старшим сыном Григорием, справлялась с любыми делами, даже самыми большими. Чубаревы первыми завершили перевозку своего жилища сюда, в Лиозно. У каждого из них в руках

буквально горело всякое дело. Нет такого дома на нашей улице, где бы они не приложили своё умение и мастерство. Сам глава семьи также приходил на помощь, чтобы помочь подросткам, женщинам. У этого человека никогда не было в душе места для злобы: вечно с шуткой, с улыбкой на лице. Да и вся семья, казалось, была заряжена желанием делать людям добро.

Война забрала у них четырёх человек, в том числе мужа старшей сестры Христины, которая потом одна воспитала двоих детей. Сейчас ей уже за 90. Живёт с сыном и его семьёй в бывшем доме Бориса Кузьмича.

Живёт здесь же, неподалёку, на ул. Кольцова, младший из Чубаревых - Алексей. В своё время он овладел профессией валяльщика обуви. Изготовленная им вручную продукция всегда пользуется большим спросом.

* * *

И ещё об одном человеке, фронтовике, который проживал на улице Орлова (бывшей 1-й Слободской) в г.п. Лиозно, хочу рассказать на страницах газеты. Это Иван Мартинович Лепин. Судьба подарила ему долгие годы жизни. Он не дожил буквально пару месяцев до своего столетия.

В 1931 году И. М. Лепин был арестован за так называемое вредительство и выслан в Сибирь, где вместе с другими заключёнными был занят на строительстве БАМа.

Когда началась Великая Отечественная, Ивана Мартиновича реабилитировали и призвали в действующую Красную Армию. С боями он дошёл до Берлина. А оттуда был переброшен вместе со своими однополчанами на Дальний Восток. Участвовал в войне с милитаристской Японией. После её капитуляции наш земляк возвратился в Лиозно.

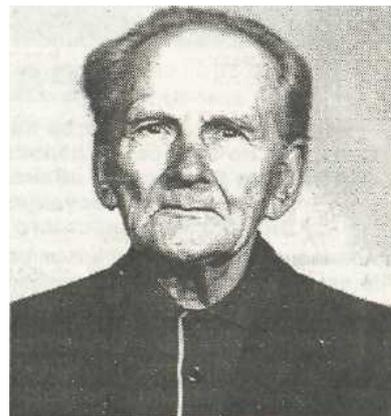
Продолжительное время работал бухгалтером в районном отделе народного образования. Добросовестно относился к порученному делу. Ратные подвиги и трудовые дела И. М. Лепина были отмечены орденами и медалями, многочисленными благодарностями.

* * *

...Это случилось 22 июля 1944 года. Уже был освобождён Витебск. Линия фронта отодвинулась ближе к западной границе, но вражеские самолёты не переставали забрасывать свой смертоносный груз на освобождённую территорию, явно рассчитывая на разрушение дорог, важных объектов, на уничтожение мирного населения. Один такой «гостинец» упал на лужайку на северной стороне посёлка. Первым увидел его проходящий мимо Коля Савченко, не случайно прозванный Капсюлем за свой слишком большой интерес к боеприпасам. Он пробежал по улице и оповестил об этом игравших около своих домов мальчиков-друзей. Предупредил, что, мол, пусть они не подходят близко, а лишь посмотрят издали, если боятся. А сам паренёк отчаялся смело взобраться на блестящее брюхо бомбы. При этом пританцовывал, прикладываясь ухом к ней и сигналил братве, стоящей поодаль: «Молчит! Что-то шипит внутри! Опять молчит!».

Их соседка, которая вела козу на пастбище, увидев такую картину, строго приказала мальчику, чтобы ушёл оттуда, иначе она пойдёт к матери и та его накажет. Коля послушался тётю Лену и, отойдя от бомбы, направился к друзьям. И в этот момент мощный взрыв потряс околицу. Женщины улицы, как по команде, оторвались от своих занятий, выскочили из жилищ и побежали по направлению взрыва. Над полянкой повис огромный чёрный столб дыма,

детей нигде не было видно. Только Коля Алексейченко бежал навстречу, крича: «Мамочка, прости: я не подходил близко!» Из горла у него горячей струйкой била кровь. Мария Карповна подхватила сына на руки и, не сделав десяти шагов, почувствовала, что он умирает от потери крови: на шее мальчика сияла небольшая рана. Лицо было бледное, но сохранило свою красоту. Остальные четверо тел ребятшек превратились в фрагменты, которые в последствие взрослые собирали по признакам и остаткам одежды. В этот день от взрыва, кроме Коли Алексейченко, погибли Женья Агнестиков, Саша Лапунов, Вася Ермолаев и Коля Савченко. Отцов этих

мальчиков также забрала война. Возвратился с фронта только Лазарь Лапунов. Но он был ранен и вскоре умер.

Жертвами Великой Отечественной, кроме упомянутых, в нашем районе стали многие десятки и сотни других ребятшек. При желаний их имена можно установить. Только кто это сделает и когда? Ведь о тех, кто погиб на поле брани, не всегда есть нужные сведения. Но краеведы и просто неравнодушные люди, не по долгу, а по зову души, открывают имена павших.

У жителей нашей улицы Орлова давно зрела мысль увековечить память погибших на войне своих соседей. Вопрос об этом обсуждался в своё время на одной из сессий поссовета. Самая скромная мемориальная доска и высаженные вокруг зелёные насаждения требуют не так уж и много материальных затрат. Но, к сожалению, даже подобных средств не нашлось.

Да и вообще, умеем ли мы бережно относиться к своему прошлому?

В прежние годы был установлен памятник на окраине Адаменской роши, где покоится не одна сотня невинно убиенных: стелла с изображением матери с ребёнком на руках. До так называемой перестройки учителя двух школ горпосёлка вместе со своими учениками в определённые дни с цветами в руках шли той дорогой, по которой вели несчастных к месту казни, т.е. по Садовой улице, затем налево, к кладбищу. Здесь планировалось заложить аллею скорби из голубых елей. Посадка уже была начата от кладбища, но до Садовой улицы не хватило саженцев. Отложили до неопределённого времени.

На том всё так и осталось...

* * *

В заключение хочу привести имена тех, кто проживал на улице Орлова и погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Это Пётр Филиппович Агностиков, Даниил Иванович Ермолаев, Дмитрий Данилович Ермолаев, Пётр Афанасьевич Захаренко, Андрей Прохорович Турков, Сергей Степанович Скрипелёв, Семён Павлович Шашков, Григорий Евменович Турков, Григорий Борисович Чубарев, Яков Борисович Чубарев, Терентий Макарович Красиков, Иван Захарович Сметанников, Антон Антонович Воробьёв, Фёдор Григорьевич Болейко, Николай Григорьевич Алексейченко, Михаил Данилович Кудрявцев, Семён Иванович Барченко, Афанасий Морженков, Иван Никифорович Авсиевич, Михаил Николаевич Тишутин.

Вечная им память и глубокий низкий поклон от нас, живущих под чистым мирным небом.

ЖИЛИ ЕДИНОЙ СЕМЬЁЮ: латыши на лиозненщине // Сцяг перамогі. – 2001. – 62, 64, 66, 69, 70.

Безземельные и малоземельные латышские крестьяне приобрели себе участки не только в Выдрее. Они поселились в деревнях Стасево, Уно, Буи, Бржезово, Глодонки, Горбово и других населённых пунктах. Переселенцы, как правило, оседали по вполне понятной причине вблизи столбовых дорог. Таким образом, в Михалиново и соседние деревни приехало более 20 латышских семей. Среди них значились такие фамилии, как Авин, Апет, Берзин, Стипник, Балдис, Улит, Стырно, Янсон, Петерсон, Вепрет, Бояр, Боет, Целов, Берскал, Балин, Страздин, Целов, Лельмеж, Мезек, Скурстен, Веен и т. д. Расселились они, начиная от Михалинова вплоть до Уна и Стасева. Ещё и сейчас можно видеть следы латышских поселений: добротные сработанные склепы, пруды, правда, уже заросшие, и многое другое. Видно, на каких красивых местах селились эти люди: на холмах, берегах речек, дополняли великолепие природных пейзажей рукотворной красотой. Строили плотины, запруды, делали мельницы, выкапывали пруды, сажалки, озеленяя их. Сажали сады, устраивая вокруг них естественные ограждения. В каждом хозяйстве были садовые цветы и, как правило, пчелиные пасеки. Щедро делились с соседями не только опытом хозяйствования, но и всем тем, что имели.

Латыши, как мужчины, так и женщины, помнится, были аккуратны во всем: в одежде, в ведении хозяйства. Скот у них был сытый, ухоженный. Свои владения хозяин обходил с лопатой, чтобы луг не засорялся. Осушали болотистые места. Жившие с нами по соседству Янсон, Петерсон разработали в огромной горе глинистый карьер, построили своими руками глинобитку, в которой долгое время жила семья, медленно и добротным образом достраивая новый большой дом. Впрочем, долго жить в том просторном жилище не пришлось не только этой

латышской семье, но и некоторым белорусам или русским из-за последовавших известных исторических событий, которые предусматривали "ликвидацию как класс" подобных зажиточных крестьян.

Глинистый карьер получил белорусское название "цагельня", и все в округе сельчане по примеру латышей освоили производство отличного кирпича для своих нужд.

А каково же было стирать тогда, 60-70 лет назад, когда ещё и в помине не было ни эффективных моющих средств, как теперь, ни стиральных машин. Надо было сварить щелок из золы осины или ольхи. Белое кипятили в специальном чане. Замоченное бельё расстилали на длинных столах, а затем производили стирку при помощи деревянных валков (праников), ударяя по белью не беспорядочно, а в определенном ритме: две-три женщины одновременно наносили удары валками и в результате такой тяжелой труд некоторым образом облегчался. На молотильных токах, когда обмолот производился вручную, прибегали к такому же методу: так легче и продуктивнее было трудиться.

С приездом этих переселенцев в наши места словно оживились деревни. У каждой семьи прибывших имелась какая-нибудь сельскохозяйственная техника: молотилка, веялка и др. Латыши на определенных условиях предоставляли соседям свою технику. Вошла в быт крестьянина толока, это тоже было нововведение приехавших; за использование техники, лошадей приходилось обрабатывать. Потом, при раскулачивании, некоторые крестьяне подпишутся под документом, что, дескать, им приходилось работать на кулака. Ну, это уж пусть останется на совести тех, кто этим погрешил.

Могучая волна культуры хлынула вместе с переселенцами. Не только культура быта, но и культура отдыха отличала латышей от местного населения. Несмотря на то, что жили приехавшие в разных уголках района, они держали между собой тесную связь.

Больше всего таких людей было в деревне Уно и в Уновском сельсовете. В Уно размещалась Уновская латышская семилетка, а также Уновская ШКМ (школа калгаснай моладзи). В белорусской школе обучалось примерно 170 учащихся. При латышской школе, где было около 300 учащихся, был интернат для детей из отдаленных деревень Горбовского, Глдонского, Сутокского и других сельсоветов. Возглавлял латышскую школу со дня её основания Григорий Иванович Вейс, участник гражданской войны, выпускник высшей партийной школы. Он сплотил талантливый учительский коллектив. Уновская латышская школа считалась лучшей среди национальных школ страны. Кто мог предугадать, что судьба так жестоко обойдется с этим человеком, который так нужен был своей школе, её коллективу учителей и воспитанников, который так славен был не только в своей округе, но и в области, во всей стране. Весной 1937 года скоростижно скончалась его жена, оставив четверых детей (старшему — 14 лет, младшему — несколько месяцев), а осенью этого же года его арестовали как врага народа и вскоре расстреляли. Вслед за этим сразу же последовал арест двенадцати человек из числа учителей, обслуживающего персонала латышской школы-интерната. Среди них: Эмилия Апш, Иван Беб-рис, Карл Бебрис, Карл Проворный, Пётр Смильга, Антон Забак, Павел Забак, Пётр Забак, Пётр Смильга, Аркадий Брильян. Все они были реабилитированы посмертно. Дети бывшего директора были выселены из собственного дома, их приютили добрые люди. Они выросли, получили образование, заняли достойное место в жизни и сейчас проживают в разных уголках нашей страны. Такова же судьба и других детей арестованных "врагов народа". В 1939 году латышская школа была закрыта. Латыши, хотя и были расселены по всему району, продолжали поддерживать между собой тесные контакты. Выше уже говорилось о том, что всех представителей этой национальности, как мужчин, так и женщин, отличало большое трудолюбие. Редкая из местных хозяек могла сравниться по мастерству и усердию с латышками, которые могли и сшить, и вышить, и связать, и выткать и т.п. Точно так же нельзя было сравниться с ними и в проведении досуга. В летнее время устраивались маевки то в Уно, то в Михалиново. Выбиралось красивое место, куда латыши съезжались на раскрашенных повозках в нарядных национальных одеждах целыми семьями. Это было не пьяное сборище, а культурное мероприятие, кем-то умело руководимое. Присутствовали здесь и оркестровая музыка, и хоровое и сольное пение, а также хороводы и танцы. На Ивана Купалу латыши славили своих мужчин, надевали на них венки из дубовых веток, водили хоровод, пели свою купальскую песню с известным припевом: "Лиго!Лиго!" К купальскому празднику варили

пиво, готовили вкусные сыры (не водку). Такие маевки привлекали множество молодежи из окольных деревень и хуторов. Завязывались новые знакомства, дружеские связи, что нередко заканчивалось свадьбой. В этом, как и во всем, не было никаких проявлений национализма. Напротив, было много смешанных браков, которые завершались созданием благополучной, крепкой семьи. Об одной из них и хочется рассказать.

Следующее моё повествование о латышах-переселенцах будет посвящено семье Лепиных.

Жили они в деревне Буи, где образовался колхоз имени Ворошилова. Ивана Мартиновича, как грамотного человека, избрали счетоводом хозяйства. Ольга Андреевна была рядовой колхозницей. Её назначили звеньевой по льноводству. В семье был один ребенок, маленькая дочурка. Вместе с Лепиными жил и престарелый отец Ивана Мартиновича, который не мог ни минуты обойтись без дела. Обычно каждое утро он являлся в бригаду на разрядку и предлагал свои услуги. Чинил гужевой и сельскохозяйственный инвентарь, мог быть шорником, кузнецом и т.д.

Лепины верили в колхозный строй: сообща, только дружно, можно гору свернуть, считали они. И когда в конторе не было срочной работы, Иван Мартинович шел косить вместе с другими косарями или становился за плуг. По своему отношению к делу, трудолюбию люди никогда не были и не будут равными. Вот и в это хозяйство пришли и настоящие труженики, и просто лентяи: в надежде улучшить свое материальное положение без особого напряжения. По стране уже шагало ударничество. Соседний колхоз именно так и назвали — "Ударник", и там уже все работали по-новому, с полной отдачей. На очередное колхозное собрание приехал представитель из района, чтобы познакомиться с местными передовиками. Оказалось, что есть такие и в колхозе имени Ворошилова. Молодой колхозник К. за три часа вспахал под зябь одиночным плугом 0,50 га. Значит, он ударник. Награждаем его красным вымпелом. Гость из района пристегнул ему на грудь красный вымпел. Все одобрительно захлопали в ладони. И гость тоже. Один Иван Мартинович не хлопал, а встал и сказал, что за такую работу надо наказывать, а не поощрять. Качество вспашки настолько плохое, что хуже и быть не может: сплошные огрехи, глубина вспашки очень мелкая. Дерном и камнями загрязнены луговые уголья. Уполномоченный помрачнел, закрыл сходку и назначил на завтра новую, сказав, что во всем разберемся. На следующий день собрались снова. Но о вспашке и об ударничестве уполномоченный больше не вспоминал. Зато отметил, что в колхоз имени Ворошилова проникли кулацкие элементы и тормозят колхозное строительство, нужно от них освободиться. Здесь же, прямо на собрании, семью Лепиных исключили из коллективного хозяйства с конфискацией всего имущества. Ивана Мартиновича забрали с собой, сказав, что он предстанет перед судом за свою вредительскую деятельность.

Осталась семья в большом пустом доме без хозяина, без средств к существованию: ни огорода (вся земля до углов отошла под колхоз), ни какой-либо живности. А руки просят работы. Пошла Ольга Андреевна с просьбой: дайте возможность, буду честно трудиться. И снова - отказ. Старик-отец затосковал по сыну, которого ему уже больше не суждено было увидеть. Руки его, привыкшие к работе, остались не у дел. И вскоре он умер...

Что было делать Ольге Андреевне вместе с восьмилетней дочерью Верой? Такие слабые, наедине с такой огромной бедой. Девочка училась в латышской школе. Могла бы жить в интернате, чтобы не преодолевать ежедневно 12 километров. Но им было тяжело переносить свою беду порозень. Иногда по бездорожью и в зимнюю стужу мать сопровождала Веру до школы и обратно. Чтобы как-то прокормиться, она вынуждена была батрачить у соседней за литр молока, за кусок хлеба. Благо умела и шить, и вязать, и прясть. После окончания Уновской латышской средней школы дочь поступила в Ленинградское латышское педучилище, которое окончила в 1941 году и приехала к матери в родную деревню. ...Война сорвала Лепиных с насиженного места в Буях и они перекочевали в деревню Бржезова, где жили их далекие родственники. Так и прожили они черные дни оккупации.

Кажется, отошла на задний план боль утраты близких людей: мужа, отца, бабушки. Теперь каждый день приходилось испытывать голод, холод, страх. Почти каждый день в деревню врывались каратели, терзали жителей за связь с партизанами, кого-то забирали с собой, и тот, как правило, уже не возвращался домой.

Наконец, в октябре 1943 года пришло долгожданное освобождение. Жизнь возвратилась в деревню: кто-то разыскивал своих родных, которые более двух лет находились под фа-

шистским ярмом. Мать и дочь Лепины радовались за тех, кому удалось отыскать близких людей, плакали вместе с теми, кто получил похоронное извещение, и думали: "Пусть бы лучше и нам пришла "похоронка", чем такая безызначность, что тянется уже 12 лет."

А то событие — арест отца и мужа давало о себе знать ежедневно, ежечасно. Уже в первые дни после освобождения в деревню Бржезово, как частично уцелевшую в войну, начали свозить отовсюду с освобожденной территории осиротевших детей — здесь открылся разновозрастной детский дом. Требовались кадры: учителя, воспитатели, другой обслуживающий персонал. Вера Лепина, как учитель по образованию, по зову сердца явилась к руководителю учреждения с просьбой принять ее на работу. Девушку радостно встретили и стали оформлять прием на работу. И тут натолкнулись на проблему. Вера Ивановна не могла вразумительно объяснить, за что же арестовали её отца в далеком 1931-м году. То, что все это время семья не получала писем от осужденного, несколько успокоило директора. Решено было принять В.И. Лепину на работу временно (до выяснения в КГБ вопроса об отце). Если и в самом деле он арестован как враг народа, то имеет ли моральное право его дочь быть воспитателем, учителем?

Детдом начал работу уже в конце октября. Так как подходящего здания не нашлось, и не сразу был создан материальный фонд, детей на какой-то срок разместили по всей деревне, в каждый дом — по несколько малышей и подростков: в надежде на милосердие хозяев. Поначалу все сельчане принимали участие в санитарной обработке ребятшек, их переодевании и кормлении. Для этого собирали всё, что можно. Тем же занимались и воспитатели. Затем, со временем, все стабилизировалось.

Жизнь пошла своим путём. Лепины по-прежнему ничего не знали о судьбе близкого человека

Буквально в течение двух недель после ареста Иван Мартинович Лепин был уже в далекой Сибири. Известная Байкало-Амурская магистраль начала строиться в начале 30-х годов. И возводили ее заключенные. В июне 1941 года было построено первых 108 километров. В своих воспоминаниях Иван Мартинович делился впечатлениями об условиях труда и быта в ГУЛАГе. Орудиями труда были лом, лопата, кайло, тачки. Никакой другой техники не имелось. Многокилометровую черную гряду снесли на руках в болото арестанты. Зимняя спецодежда мало чем отличалась от летней. Между тем летом — жара, зимой — нестерпимый мороз. Постоянное ощущение голода. Правда, за перевыполнение дневной нормы выработки увеличивали и норму продуктов. А первая была так велика, что не всегда удавалось её выполнить. О каком перевыполнении могла идти речь...Если не выполнил норму, то продляли рабочий день. Выполнишь норму — иди отдыхай, не выполнишь — оставайся на рабочем месте. Надсмотрщиков и учётников было предостаточно. Подгоняли, торопили и постоянно упрекали, что арестованные, подразумевалось «кулаки», привыкли жить и обогащаться за счет других. А теперь вот, мол, потрудитесь сами. Всегда в таких случаях хотелось возразить, но опыт показал, что лучше молча согласиться.

Изредка устраивали для заключённых баню. Но это была своего рода пытка, проверка на выносливость. В барак, где стояли бочки с водой, впускали несколько десятков человек. Не было ни скамеек, ни тазов, а считанные кусочки мыла переходили из рук в руки. Вот в таком своеобразном аду надо было «мыться» не менее 30 минут. Выходя, а точнее, выскакивая оттуда, арестованные хватали свое или же чужое белье, которое прошло «дезинфекцию» на морозе и наспех одевались, стуча зубами (если они были), а затем бежали согреться в такой же неудобный барак. Вредные же насекомые действительно погибали от холода. Уже ради этого стоило идти в так называемую баню. Летом баня была точно такая же. Вот только белье бросали в дизкамеру, чтобы уничтожить паразитов. После таких процедур назавтра многие из заключенных не могли подняться даже при самых настоятельных командах надзирателей, задыхаясь от скоротечной пневмонии и других заболеваний дыхательных путей. Перенаселенность, скученность людей в бараках, отсутствие гигиены быта в течение долгого времени вызывали вспышки тифа, который уносил десятки, сотни жизней.

Хоронили умерших в общих могилах, без всяких надписей над захоронением. Из прибывших на эту каторгу нескольких тысяч человек за время нахождения на ней И.М. Лепина осталось немногим более одной тысячи.

«23 июня 1941 года исполнилось ровно 10 лет моего заключения в аду, — вспоминал Иван Мартинович. — Сразу не верилось, что можно прожить хоть один год в таких условиях, а прожили. Вместе со мной освобождались, отбыв срок, больше 20 человек. Накануне нас отправили в настоящую баню, обслужили в парикмахерской и выдали форму. Правда, всю ту же форму заключенных, но не бывшую в употреблении. Затем нас повели в ближайший военкомат, так как все мы еще не были сняты с учета. Прежде, чем выдать военные билеты, нас поздравили с освобождением, отметив, что теперь мы равноправные граждане своей страны, но за свои преступления Советское государство определило нам по сути слишком мягкое наказание. Есть возможность послужить своей стране, окончательно искупить свою вину. И здесь мы услышали от выступающего перед нами военного комиссара страшное известие: вчера на нашу страну напала фашистская Германия. Далее мы слушали его информацию о ходе военных действий, о том, что фашисты бомбардируют наши города, что враг продвинулся уже на значительное расстояние, а в Брестской крепости наши командиры и красноармейцы стоят насмерть. На вопрос комиссара, кто из нас желает пойти на фронт (сегодня же — отправка) все ответили дружным согласием».

В лагере жизнь заключённых часто висела на волоске. Имелась ни одна возможность умереть, но тогда было страшно уйти безвестно из жизни: что будут думать о них родные, близкие? Не хотелось умирать без вины виноватым. Верилось, что когда-нибудь правда восторжествует. И вот представилась возможность сражаться вместе с другими защитниками отечества, умереть за родину в честном бою. Такая смерть не страшна. По крайней мере, семья будет знать, что не в тюрьме погиб близкий человек.

Вскоре И. М. Лепин был в действующей армии. Воевать пришлось в штрафной роте. Эти части попадали на самые «горячие» участки фронта. Первый раз он был ранен под Москвой осенью 1941 года. Потом еще дважды получил ранения. Победу встретил в Берлине. За все годы войны не имел никакой весточки от семьи. Посылал солдатские треугольники по старому адресу, в деревню Буи, но родные там уже не проживали. Почтальоны просто не брали его письма с почты. Мол, зачем это делать, если там такие не живут. Фронтвики радовались победе и тому, что скоро вернутся на родину. Но им объяснили, что с одним врагом — фашистами, покончено, а на Востоке нам давно угрожает другой агрессор — империалистическая Япония. Значит, рано прощаться с оружием. Но всему приходит конец...

Домой Иван Мартинович возвратился в 1946 году. Нашел жену и дочь в деревне Бржезово. Было и радостно, и тревожно. Хорошо, что вернулся живым и невредимым, через пятнадцать лет разлуки с близкими людьми. Но тень прошлого, тень «врага народа», осужденного за антигосударственную деятельность, не давала спокойно жить. Об этом лишний раз напомнили и в НКВД. Но ордена и медали, да три нашивки на гимнастёрке, свидетельствующие о ранениях, несколько успокаивающе подействовали на жену и дочь. Всё же не из тюрьмы вернулся — всю Отечественную прошел. Как-никак, а побывал на двух войнах.

Здесь уместно будет сделать маленькое отступление. Следует сказать о том, как были одеты люди после войны. Они не обновляли свои гардеробы по известной причине в течение четырех лет. Война уничтожила всё, что имелось в запасе. Так что и после победы на плечах бывших фронтовиков была повседневная, отнюдь не парадная одежда. То же касалось и тех, кто оставался в тылу. Вчерашние солдаты не имели возможности сменить надоевшую военную форму на штатскую одежду. Снимали только погоны со значками различия, награды же оставляли. Долгое время ходили, позвякивая своими орденами и медалями. Во-первых, потому, что они дорого достались воевавшим, а, во-вторых, эти награды красноречивее всяких слов характеризовали человека — где и кем был в войну.

Рядовой Лепин, подобно другим, также ежедневно носил свою старую форму. И когда приходил устраиваться на работу, сразу же получал положительный ответ и принимался оформлять на должность. Но едва дело доходило до предвоенного времени, ему тут же отказывали в приеме на работу. Дескать, дела по роду деятельности придётся иметь с финансами, а такой большой срок судимости не внушает доверия. С одинаковой вежливостью Ивану Мартиновичу отказывали и в сберкассе, и в отделении госбанка, и в других местах, куда он пытался трудоустроиться.

Когда И. М. Лепин, почти отчаявшись найти работу, зашел в районный отдел образования, который располагался в маленьком домике по Колышанской улице (ныне улица Фомина), за одним из столов в офицерской гимнастерке со множеством орденов и медалей узнал заведующего отделом. Тот, чтобы не мешать работающим сотрудникам, поднялся, подошел к посетителю и, подав руку для приветствия, спросил: «Солдат, видно, ко мне пожаловал. Я - заведующий РОНО, Константин Михайлович Чернецкий, капитан в отставке». Не дожидаясь ответа, продолжал: «Что преподавать будешь, солдат?» Лепин представился жизнерадостному начальнику и выразил сожаление, что он не педагог, а всего лишь бухгалтерский работник. А здесь как раз требовался бухгалтер. Константин Михайлович пригласил пришедшего к своему столу, подал ему личный листок по учету кадров. Но прежде, чем начать заполнять его, Иван Мартинович исповедался заведующему о перипетиях своей жизни, начиная с 1931 года. Затем рассказал о ГУЛАГе, военных дорогах, семье, нынешнем хождении в поисках работы.

Проницательный начальник увидел в своем будущем подчинённом честного, добропорядочного человека и рассказал ему историю такого же бесхитростного латыша, также осужденного в 1931 году, но не возвратившегося из мест лишения свободы. Сказал, что Иван Мартинович — порядочный человек и что в скором времени он будет признан невиновным, то есть его реабилитируют. Прав оказался К. М. Чернецкий: так оно и случилось.

Не одно десятилетие отработал И.М. Лепин бухгалтером РОНО. Долгое время был в бухгалтерии отдела один, выполняя функции всех работников, положенных по штату. Школ в районе имелось немало. В послевоенное время в каждой из них шли строительные или восстановительные работы.

Все документы проходили через бухгалтерию районного отдела образования. Бухгалтер РОНО составлял ведомости на получение зарплаты по всем школам. Правда, верхних школах были счетоводы, функции которых по совместительству выполняли учителя, но требовалась постоянная проверка их работы. Приобретение инвентаря, наглядных пособий для школ тоже проходило через бухгалтерию райотдела. Зарплата у Ивана Мартиновича была одна — оклад главного бухгалтера. Случалось, что не управившись со всеми делами за восьмичасовой рабочий день он набивал портфель документами и долгими вечерами до полночи засиживался за столом, выполняя «домашнее задание». В шутку (и всерьез) домочадцы называли его — «наш министр финансов». Он не сердился, сознавая, что является плохим помощником по дому. Зато в отделе — полный порядок. Здесь он, что говорится, «пришёлся ко двору». Наблюдательность, жизненный опыт и трудолюбие позволяли ему освоить работу всего отдела. Своими советами И.М. Лепин помогал заведующему по кадровым вопросам. Инспектор и методисты так же советовались с ним, как лучше сформулировать текст акта проверки, отчета, как правильнее выразить мысль в приказе или характеристике. А нередко и просто спрашивали, как правильно пишется то или иное слово: за войну многое забылось. И он охотно помогал каждому. Вот и закрепились за ним шуточные прозвища — «Справочник», «Энциклопедия», «Словарь». Свои финансовые документы этот человек всегда оформлял настолько аккуратно, чётким каллиграфическим почерком. Теперь такой трудно где-нибудь встретить. Самые скрупулезные и придирчивые ревизоры никогда, за все время его пребывания на этой должности, не обнаружили у главбуха ни одного финансового нарушения. И, уезжая, с благодарностью пожимали руку заведующему и его подчинённому. И.М. Лепина неоднократно приглашали в отделение госбанка, куда его не приняли на работу: там и работы меньше, и оклад гораздо выше. Но Иван Мартинович, поблагодарив, неизменно отказывался. Со временем появились и сотрудники в его бухгалтерии. Ветеран щедро, по-отцовски, делился с ними опытом, учил работать без ошибок, за что молодое пополнение было искренне ему признательно.

Даже в свои шестьдесят Иван Мартинович не смог уйти на заслуженный отдых, так как десять лет, проведенных за колючей проволокой не шли в зачёт трудового стажа. Пришлось продолжать работать. А в 1972 году эту семью постигло большое горе — умерла Ольга Андреевна Лепина. Арест, а затем отсутствие мужа, хозяина и кормильца в течение 15 лет, скитание по чужим углам, трудные военные и не менее сложные послевоенные годы сказались на её здоровье. Смерть матери подкосило и Веру Ивановну, в результате чего, она вынуждена была досрочно пойти на пенсию, болезнь давала о себе знать. Две небольшие пенсии с трудом могли удовлетворить минимальные потребности отца и дочери, и без того проживших свою жизнь в постоянной нужде. Но они никому не жаловались, ни у кого не просили помощи,

никого не упрекали. От материальной помощи эта семья отказывалась. Не требовал Иван Мартинович и возврата стоимости конфискованного некогда имущества, возмещения морального ущерба.

Когда пришло сообщение о реабилитации и о том, что ему будет возмещено всё, что он утратил в результате судимости, тот ответил, что документ, подтверждающий его невиновность очень нужен был ему на фронте, где он слыл как бывший «враг народа», и еще больше — после войны, когда с таким недоверием к нему относились при попытке устроиться на работу. А сейчас это уже слишком запоздалая радость, подчеркнул он. Но тем не менее созвал к себе соседей, близких и знакомых людей, с которыми разделил приятную новость.

Со стороны казалось, что Лепины замкнулись в своем кругу, живя лишь собственными проблемами. Но это совсем не так. До последних дней к ним шли письма, бандероли, посылки от родственников и знакомых латышей, а также коллег по работе. По зову сердца приходили в этот дом бывшие учителя и ученики, бывшие соратники по работе. Из своей скромной пенсии выкраивали деньги на то, чтобы выписать периодическую печать, оба были активными читателями районной библиотеки. Всего два месяца не дожил Иван Мартинович до своего столетия. Причём все долгие годы отличался завидным здоровьем и бодростью духа. Только уже в самом конце, накануне кончины, к нему пару раз вызывали «скорую помощь». Анализируя свою жизнь, уже в последние её дни И.М. Лепин благодарил судьбу за долгий век, который ему был дарован. Никогда и никого не упрекал за свои земные страдания, даже за тот страшный ГУЛАГ. Думается, что такое долгое пребывание на земле было ему даровано за большое человеколюбие, трудолюбие, терпение. И, конечно же, за то, что он никогда не прибегал к «спасительной» силе курения или рюмки. Всегда был оптимистом и не жаловался на жизненные невзгоды. Вот уже девять лет как нет среди нас этого замечательного человека. А год назад не стало и его дочери, Веры Ивановны. Она была талантливым педагогом, знала в совершенстве многие языки, в том числе русский, белорусский, латышский, немецкий. До последних дней жизни главной ее потребностью было общение с людьми, с периодической печатью, книгами. Постоянно интересовалась делами школы, которой отдала лучшие свои годы. К сожалению, эта женщина не смогла реализовать до конца весь свой багаж знаний, человеческих возможностей. Не оставила она и наследников, но зато покинула глубокий след в сердцах тех, кого воспитывала, и кто с ней общался.

* * *

И еще об одной латышской семье хочу рассказать читателям газеты.

В деревне Михалиново проживал вместе со своими близкими переселенец К.П. Стырно. По-видимому, он имел медицинское образование, потому, что служил в кавалерийском полку фельдшером и одновременно ветеринаром. После империалистической войны возвратился домой, принялся за свои обычные крестьянские дела. Росли в семье и дети. Их было пятеро, старшенькая — Ольга, дальше — Валентина, Елена, Александр, Владимир. Карл Петрович известен был как лекарь, народный целитель. Он безошибочно устанавливал диагноз, лечил ангину, скорлатину, воспаление легких, разные желудочные заболевания и т.д. Разумеется, лечил без медикаментов, прибегая к таким средствам, как вода, травы, руки врача, его слово, слова психотерапевта. Карл Петрович был всегда заинтересован в результативности своего врачевания, что во второй раз он уже сам являлся к больному, дабы убедиться, что лечение идет успешно. За свои услуги никогда не требовал вознаграждения, ссылаясь на то, что тогда, дескать, лечение может не помочь человеку. Обращались к нему за помощью и по вопросам ветеринарии, в чем он был не менее сведущ. Секретов из своей врачебной деятельности он не делал. Напротив учил людей, пропагандируя целительную силу воды, лечебных трав и т.п. Доброе дело, которое Карл Петрович творил для людей, обернулось для него злом, непоправимой бедой. В 1931 году он был арестован. Ему инкриминировали шарлатанство, одурачивание людей в целях личного обогащения. И хотя многие люди, кому он когда-то помогал, отстаивали его, заверяя, что он никогда ни с кого не требовал платы, это не помогло. Ордена, которые он получил за заслуги в военной службе, тоже не спасли его. Бережет царские награды—значит, не наш, не советский человек. Суд приговорил К. П. Стырно к расстрелу (его реабилитируют посмертно спустя три с лишним десятилетия). Имущество конфисковали, жену с детьми выселили из дома, который надо было предоставить в распоряжение бедняков Занковых с двумя детьми. И, руководствуясь

пролетарской бдительностью и чувством интернационализма, сюда вселили китайца Ильюху. Это был «коробейник» без определенного местожительства. Задерживался то в одной, то в другой деревне на короткое время, затем, подогреваемый чувством торгашества и бродяжничества, снова нагружал свой короб петушками на палочках, бумажными веерами и другой мелочью, а затем отправлялся по базарам и деревням. В доме Стырно было просторно, но холодно. Ильюха ходил в сельсовет с просьбой дать ему «хату с теплой печкой». А потом снова пошел по деревням — там у людей и веселее, и уютнее. А Занковы начали обогреться, пуская на топливо надворные постройки, кулацкие толстые книги, стулья. Колхозное правление, видимо, боясь, что и дом пойдет на топливо, Занковых выселило, а здание перевезли в центр колхоза для каких-то общественных нужд. Соседи Стырно — Балины, хоть и их семья была немаленькая, приняли в свой дом оказавшуюся зимой под открытым небом семью Карла Петровича. Добрые люди делили с несчастными кров и стол. Жена Стырно сходила в райцентр с просьбой вернуть детям хотя бы одну конфискованную корову. В райисполкоме ей сказали, что она должна быть благодарна уже за то, что не оказалась со своими детьми в Сибири. Написала жалобу в ЦИК Беларуси. Пришел положительный ответ: вернуть одну конфискованную корову. Но в общественном стаде не осталось ни одной кулацкой конфискованной бурёнки: их колхозники уже обменяли на своих худоб или зарезали на мясо, как было принято решение общего собрания — для проведения очередного застолья по случаю революционного праздника. Так и не воспользовались Стырно гуманным решением ЦИКа — не взяли вместо своей коровы чужую худобу.

Время шло. Подрастали дети, учились, служили в армии. Все стали честными гражданами. Судьба разбросала их по разным уголкам страны. И только старшая из детей, Ольга, осталась на родине. Вышла замуж за земляка-белоруса Кулакова, который в 1941 году ушел на фронт, да так и не вернулся, погиб за Родину, оставив на руках у жены малолетнего сына. Она смогла достойно воспитать его. Окончив школу, поступил в Высшее мореходное училище. Служил долгое время во флоте (на подлодке). Сейчас в статусе пенсионера живет в городе Одесса, имеет детей и внуков.

Ольга Карловна прожила большую трудовую жизнь, длиною в 90 лет. Отлично справлялась с работой в колхозе, неоднократно поощрялась за доблестный труд. Запомнилась соседям как добрый, душевный человек, готовый всегда прийти на помощь. До последнего дня жизни сама справлялась с ведением домашнего хозяйства. Всегда считала, что долголетие — это посильный труд, здоровый образ жизни, доброжелательность, хорошее отношение к людям, ко всему живому. Через многие-многие годы пронесла Ольга Карловна жизненное кредо своего отца — живи с людьми и для людей, и жизнь покажется тебе прекрасной.